Н. А. Байков

Черный капитан

Н. А. БАЙКОВ

ЧЕРНЫЙ КАПИТАН

Манчьжурская быль-роман из жизни заамурцев по охране Кит. Вост. жел. дор. 1901—10 гг.

Второе издание
Н. А. БАЙКОВА
Бризбен—Австралия
1959 г.

Автор Н. А. БАЙКОВ.

Все права по изданию книги ЧЕРНЫЙ КАПИТАН, печатание отдельных глав из книги на всех языках, сценарии для кино и театра, сохранены за наследниками автора.

Copyright by N. A. BAIKOFF.

All rights reserved no part of this book may be reproducet in any form without the permission of the publishers.

Подготавливаются для второго издания сочинения Н. А. Байкова: *Великий Ван* и *Тигрица*. В этих книгах читатель узнает жизнь и нравы Маньчжурских тигров, что автор увлекательно и художественно описал повестью и романтикой.

Printed in Germany. Satz: Georg Butow, München 5, Kohlstr. 3 b. Tel. 29 51 36.
Druck: St.-Georgs Druckerei, München 2, Steinheilstr. 13. Telefon 55 09 73.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог 5
В рай Магомета 7
Из-за женщины 9
Дикая птичка 12
Золотая клетка 13
Одноглазый 15
У колдуньи 19
Владыка тайги 20
Нищий 23
Отец Василий 25
Вещий сон 28
Похищение птички 33
Поиски 37
Смерть птички 41
Охота на тигров 45
Верочка скучает 51
«Черная пантера» 54
Казнь хунхузов 59
Танец с кинжалами 62
В лагерях 69
«Орлиная кровь» 82
За тигрятами 95
В львиной клетке 100
Поединок 105
Звериная ночь 109
Письмо из России 113
«Чорт» выручил 116
В Харбине 122
Игра в банчок 125
Рапорт о переводе 129
Шашка Шамиля 133
Алексей Большое Гнездо 138
О чем щебетали ласточки 141
Незванные гости 148
На берегу Муданцзяна 154
Эпилог 161

«Дела давно минувших дней,
преданья старины глубокой».

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В романе описывается жизнь и деятельность Ротмистра АНТУЛАЕВА. По обстоятельствам служебного времени героя романа, я скрыл его фамилию, заменив псевдонимом — «АЛАТАЕВ».

До перевода в Охранную Стражу КВжд, он служил в одном из лучших полков Армейской Кавалерии; затем в Заамурском Округе Пограничной Стражи он командовал 25-й Донской Сотней на ст. Сяо-Суй-фын КВжд.

В 1910 г. он был убит своим полковым товарищем на ст. Эхо КВжд. Убийство произошло на романической почве.

Зная хорошо героя романа как выдающегося человека, я счел своим военным товарищеским долгом описать о нем всю правду, ничего не скрывая и не преувеличивая, желая стать на защиту его в глазах общества.

Как и все люди, он имел свои недостатки, но они совершенно стушевывались положительными качествами его богато одаренной натуры. По происхождению он был кавказец. Отец его кабардинец, из высшего дворянства, а мать терская казачка. Он родился в 1876 году, смерть настигла его в расцвете духовных и физических сил — умер он 33-х лет.

Похоронен он на ст. Эхо КВжд. На его могиле Донскими казаками, которыми он командовал, поставлен крест из склепанных стальных рельс.

Мир праху его и чистой кристальной душе, не знавшей покоя в нашей земной юдоли суеты и страданий!

Бывший Заамурец
Полковник Н. А. БАЙКОВ

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
(«Парус» М. Ю. Лермонтов)

ПРОЛОГ.

Моя первая встреча с Черным Капитаном Вадимом Николаевичем Алатаевым была необычайной.

Как-то на станции Сяо-Суйфын поезд был задержан на два часа из-за размыва пути. Чтобы убить время, я отправился бродить по поселку, который не представлял собой ничего интересного, и вскоре вышел на берег бурной горной речки, где и прилег в тени могучего дуба, любуясь видом горных далей и ландшафтом речной долины, украшенной цветущими деревьями и кустарником. Весна была в самом разгаре и природа благоухала под животворящими лучами яркого солнца.

Часы показывали полдень. Теплый воздух, напоенный запахом сирени и жасмина, был неподвижен и тишина нарушалась только шумом реки и криком фазанов в ближайших таежных зарослях.

Вдруг до слуха моего долетели звуки лошадиного топота и человеческих голосов. Я притаился за кустом сирени и вскоре увидел двух всадников на прекрасных полукровных конях.

Это был офицер заамурец с дамой амазонкой.

На нем была серая черкеска и белая папаха-кубанка. Смуглое лицо с орлиным профилем и небольшие черные усы изобличали кавказца. В руке он держал стэк и на тонкой талии сверкала серебряная рукоятка кинжала.

Наездница стройно держалась в дамском седле и светлозеленая юбка ее закрывала ноги. Пышные белокурые волосы выбивались из под зеленой шляпы с белым пером цапли. Нежный румянец покрывал ее щеки и большие серые глаза смотрели задумчиво вдаль. Они беседовали, но слов я не слышал. Вдруг, без всякого вызова со стороны своей дамы, ее кавалер размахнулся и ударил ее стэком по руке, ниже локтя.

Я не поверил своим глазам, думая, что это галлюцинация, но то, что произошло вслед за этим, меня поразило окончательно: она громко рассмеялась и, подняв руку к губам, поцеловала ушибленное место; затем, ударив своего кавалера хлыстом по спине, поскакала вперед.

Я был буквально ошеломлен и наблюдал оригинальную пару, пока она не скрылась за поворотом, в чаще тайги. Я сразу узнал в нем Черного Капитана по его оригинальной внешности. Время летело быстро. Слышались свистки на станции.

Чтобы не опоздать к отходу поезда, я выбрался на дорогу и направился на вокзал. Вскоре я уехал, но встреча эта надолго осталась у меня в памяти своей необычайностью.

Через месяц я был опять на ст. Сяо-Суйфын, где осматривал оружие в казарме сотни.

Узнав от своего вахмистра о моем прибытии, командир сотни пришел в казарму и, увидев меня, отрекомендовался «Ротмистр Алатаев!» Тогда только я вспомнил свою случайную встречу на берегу горной речки и красивую амазонку, получившую удар стэком. После осмотра оружия, Алатаев пригласил меня к себе обедать и мы с ним быстро подружились, питая одинаковую любовь к природе и охоте.

Это был стройный, жгучий брюнет, высокого роста, широкий в плечах и тонкий в талии. Черные большие глаза его с длинными ресницами как бы проникали в душу и гипнотизировали, недаром они покоряли женщин и укрощали диких зверей!

После обеда, за чашкой кофе, мы вели дружескую беседу и сразу перешли на «ты». Когда я напомнил ему эпизод с амазонкой, он смеясь ответил:

«Ты не знаешь женщин, мой друг! В мужчине они ценят только силу, в чем бы она ни выражалась. Чтобы покорить женщину, надо применить тот же метод, который применяется при укрощении лошадей! Надо подавить ее волю, иначе с ней не справиться! Если хочешь иметь успех у женщин — возьми в руку стэк!»

На мои возражения он спел мне известную арию из «Цыганского барона» и, хлопнув стэком по голенищу сапога, проговорил: «Эту женщину ты знаешь! Это Галя из Владивостокского кордебалета!»

В этом человеке было много странностей и противоречий, непонятных для поверхностного наблюдателя. В средние века такие люди становились завоевателями, вроде Кортеса и Пизарро, но в наш тусклый век они являются чудаками и оригиналами.

Интереснее всего то, что Алатаев был женат и имел прекрасную жену, нежную синеглазую блондинку, и двух малюток дочек, живших постоянно в Петербурге, и приезжавших в Маньчжурию в гости. В одно из таких посещений Алатаев встретил семью торжественно, причем на вокзале выстроена была вся сотня.

После обеда устроены были скачки и джигитовка, в которых самое активное участие принимал командир сотни. На этих упражнениях перед своей семьей он показал удивительное искусство езды на неоседланной лошади, джигитовки и прыжков с разбега через десять коней, поставленных в ряд. Ни один казак сотни не мог состязаться с командиром, несмотря на постоянную тренировку.

Жена и дети были в восторге, так как они не видели раньше ничего подобного даже в Петербурге, куда собирались наездники и джигиты со всех концов России. Недаром же, после смотра офицерской езды в кавалерийской школе в Ораниенбауме, Государь Император поцеловал Алатаева и пожаловал ему собственные золотые часы с монограммой. На этом смотру Алатаев оставил тогда за флагом всех конкурентов и участников состязаний, а там были собраны лучшие кавалеристы и наездники всех конных полков Империи!

Казаки сотни называли своего командира «Орлом», и действительно это был орел, одного имени которого панически боялись боксеры и хунхузы и никогда не показывались в районах, ближайших к станции Сяо-Суйфын, где расположена была Донская сотня.

Товарищи называли его «Цыганским бароном», а китайцы «Черным Капитаном». Прожив с мужем около месяца, жена с детьми уехала обратно в Петербург, где ее отец, очень состоятельный аристократ, занимал высокий пост в одном из министерств.

Проводы семьи были так же пышны, как и встреча. Муж сопро-

ARCHIVE SAVINE

вождал ее до Иркутска, откуда она отправилась экспрессом в Петербург.

Несмотря на все свои романы и увлечения женщинами, Алатаев по своему любил свою скромную жену и детей и, можно с уверенностью сказать, отдал бы за них свою жизнь, если бы это понадобилось. В этом человеке уживались вместе две противоположности: человек высококультурный и интеллигентный и грубый дикарь, необузданный и жестокий.

Кроме женщин, он увлекался природой и понимал ее. Все животные имели в нем своего друга. Его обширный двор представлял собой настоящий питомник всевозможных зверей и птиц. Олени, козы, медведи, волки, лисы, еноты, фазаны, гуси, утки, куры, голуби и множество других находили приют и самый заботливый уход не только со стороны самого хозяина, но и казаков сотни.

В РАЙ МАГОМЕТА

Охота и любовь к природе сблизили меня с этим оригинальным и по своему замечательным человеком. Наша дружба была совершенно бескорыстна и базировалась на общности мировоззрений и традиций, хотя во многом наши взгляды расходились.

Мне нравилось его рыцарское благородство, храбрость и непосредственность натуры, граничащей с примитивом. Честность его иногда доходила до глупости, а щедростью и бескорыстием его пользовались многие.

Он в рот не брал ничего спиртного, кроме виноградного вина, что объясняется вероятно его происхождением и, главное, религией предков, так как его отец, кабардинец, был магометанин. После смерти отца он, как старший сын, должен был наследовать богатые имения и бесчисленные стада лошадей и овец на Кавказе. Но, по адату, наследник должен быть обязательно магометанин; а так как Алатаев был крещен, еще будучи в Кадетском корпусе, то наследство переходило к младшему его брату, магометанину, жившему при отце. Узнав об этом, мой друг возбудил ходатайство о переходе в магометанство и подал об этом рапорт по команде.

Начальник заамурского округа, генерал Чичагов, очень любивший и ценивший Алатаева, призвал его к себе и задал ему вопрос:

— Алатаев! Знаете ли вы, что по нашим каноническим законам переход из православия в магометанство запрещен и невозможен?

На что храбрый ротмистр отвечал, нисколько не смущаясь: «Да, я это знаю! Но другого выхода у меня нет, так как я лишаюсь прав на свое имущество, которое должен получить после смерти отца! Я готов даже выйти в отставку, так как это необходимо для будущего моих детей!».

— Ваша отставка не изменит положения! — возразил ему генерал. — А потому вашему рапорту я не дам дальнейшего хода. Он останется у меня на память. Я вижу, что вы очень взволнованы и огорчены! Необходимо успокоиться. Служите Царю и Отечеству, как служили до сих пор! Я скоро поеду в отпуск и доложу Государю о вашей

беде. Я уверен, что вы будете восстановлены в своих правах, сохраняя православную веру. А пока, для охлаждения чувств, отправляйтесь под арест, на гауптвахту. Там вам будет время подумать и успокоиться!

Сказав это, генерал крепко пожал ему руку и позвал адъютанта. Распорядившись об аресте офицера, он вышел из кабинета.

Просидев на гауптвахте неделю, Алатаев вернулся на Сяо-Суйфын, и через день укатил во Владивосток, где встретил своего приятеля строителя Хинганского туннеля, инженера Бочарова, который в это время «гулял» во всю свою широкую русскую натуру. У Алатаева в то время были большие деньги, полученные от матери с Кавказа. Не зная, куда их девать, он, совместно с Бочаровым, нанял все экипажи, стоявшие на бирже, усадил на них артисток, певичек и балерин из театра, кабаре, шантанов и кабаков, возил их по городу и его окрестностям, а затем угостил знатным ужином в ресторане «Золотой рог» причем шампанское лилось рекой и утром следующего дня певичек развозили по домам. Кроме того, каждая из них получила золотой браслет с надписью.

Этот экстраординарный выход обошелся моему приятелю в 10 тысяч золот. руб., на что израсходована была вся сумма, полученная им от матери.

Вернувшись домой, на станцию, командир устроил грандиозный пир своей сотне, причем поил шампанским не только казаков своей сотни, но всех железнодорожников, начиная от стрелочника, и даже пассажиров проходящего поезда, для чего последний был задержан на целый час. После этого пиршества и гулянки был назначен строевой смотр сотни Начальником округа, генералом Чичаговым, на котором лихие казаки не ударили лицом в грязь и, под командой своего «орла командира», показали свое искусство как в строевой, так и в тактической подготовке, не говоря уже о езде и джигитовке.

Сам Алатаев превзошел себя, вскакивая на карьере на неоседланную лошадь.

Чичагов был в восторге и, обнимая Алатаева, сказал:

— Ваша сотня достойна своего командира, как и командир своей сотни! На днях еду в Петербург и доложу о вас Государю! Как кавалерист, должен сказать, что ваша сотня не только лучшая в Округе, но и во всей нашей коннице! — Затем, подумав немного и лукаво-добродушно улыбаясь, продолжал:

— Я знаю о ваших шалостях во Владивостоке и делаю вам отеческое внушение. Но, смотрите, Алатаев! Женщины народ опасный: не доведут они до добра! Знаете пословицу — «повадился кувшин по воду ходить — там ему и голову сложить!» На что бравый ротмистр ответил, ничуть не смущаясь:

— Покорно благодарю за похвалу, которой не достоин, и за ласку! А женщин я не боюсь, как и лошадей, но люблю их и всегда держу на коротком поводе, при строгой уздечке!

— Берегитесь! — прибавил Чичагов, хлопая его по плечу. — Не всякую лошадь можно объездить и не всякую женщину покорить! Среди тех и других есть неукротимые!

— Да, вы правы, и я не спорю! — отвечал Алатаев, загадочно улыбаясь. — Смерть от любимой женщины, или лошади, не должна страшить заамурца кавалериста!

Все приняли это за шутку и весело смеялись, подтрунивая над то-

варищем, никто не думал о том, что слова генерала Чичагова окажутся пророческими.

Вся сотня в конном строю провожала Начальника Округа до ст. Пограничной, где находился его служебный вагон, в котором он должен был выехать во Владивосток.

Под Чичаговым был охотничий гунтер, а сам командир сотни сидел на прекрасном вороном жеребце идеальной выездки и послушания, под кличкою «Чорт».

Всю дорогу казаки пели свои песни, вспоминая широкий и тихий Дон и свои далекие станицы. Дикие лесистые сопки Маньчжурии прислушивались к этим звукам и далекое горное эхо вторило им в скалистых ущельях Суйфына.

При проходе сотни, с обочин дороги, взлетало много фазанов и командир сотни стрелял их с коня влет из винтовки, казаки от него не отставали, и в служебный вагон Начальника округа на Пограничной погрузили десятка два битых красавцев петухов, так как самок стрелять было строжайше запрещено. Под громкие крики «Ура» тронулся поезд во Владивосток, и генерал Чичагов посылал привет своим бравым Заамурцам из окна служебного вагона.

ИЗ-ЗА ЖЕНЩИНЫ

Среди товарищей офицеров Алатаев пользовался большой популярностью, в особенности среди молодежи, видевшей в нем свой идеал рыцаря, воплощавшего в себе мужчину и воина.

Юнцам, конечно, импонировала его красочная оригинальная внешность и слава непревзойденного наездника, укротителя диких коней и покорителя женских сердец. Многие старались ему подражать, копируя его во всех мелочах, даже в манерах и выражениях. Он был кумиром молодежи и недосягаемым для нее образцом героизма, лихости и воинской доблести.

Женщины находили его неотразимым и обаятельным, в особенности, когда он, во всеоружии красоты, силы и молодости, блистал на балах и вечерах во время танцев, не имея себе соперников в смысле благовоспитанности.

На вечерах, после окончания танцев, по общему желанию, в особенности дам, он танцевал лезгинку с кинжалами, и исполнял это с таким мастерством, доходившим до виртуозности, что увлекал в вихрь танца не только молодежь, но и убеленных сединами старцев.

В силу существовавших традиций, увлекаясь женщинами, Алатаев никогда не посягал на семейный очаг своего товарища офицера; объектами его романических похождений были обыкновенно актрисы, певички кабаре и кафешантана, т. е. женщины совершенно независимые и свободные от каких бы то ни было семейных уз. Но надо сказать правду, этих женщин влекло к обаятельному Вадиму не золото, которым он одаривал их без счета, а личность самого Алатаева.

Конечно, не приходится сомневаться в том, что все увлечения его были мимолетны; как истый сын Востока, он не признавал за женщиной никаких прав, и в то же время по существу был ее рабом и деспотом. Эта двойственность притягивала к нему слабые женские сердца.

Почтенные отцы семейств, незадачливые дон-Жуаны и старые мужья недолюбливали нашего героя, одни из боязни, а другие из зависти и всячески вредили ему исподтишка, не решаясь выступить против него открыто, но это его только подзадоривало на новые подвиги и рискованные авантюры.

Ведя такой легкомысленный образ жизни, этот удивительный человек находил время для серьезных занятий и много читал, пополняя свое образование изучением военных и других наук из первоисточника, так как свободно владел несколькими языками. Имея от природы богатый слух и приятный голос, он недурно пел и играл на многих инструментах.

Врагов и приятелей у него было много, но друзей он не имел. Единственный человек, которого он считал своим другом, отошел от него, женившись на молодой, красивой, темпераментной брюнетке, Верочке Сушко из Одессы. Его бывший друг, ротмистр Аркадий Матвеевич Франк, был его однокашником по корпусу, училищу и кавалерийской школе. Внешность его представляла контраст с наружностью Алатаева. Небольшого роста, сухой, рыжеватый, с оловянными бесцветными глазами, он производил невыгодное впечатление рядом со своим другом, напоминавшим древнегреческого бога.

До женитьбы Франка они жили душа в душу, но как только женщина стала между ними, дружба исчезла без следа.

Зная опасные для женщин свойства своего бывшего друга, молодой муж просил Алатаева у него не бывать, на что последний, нисколько не обидевшись, дал согласие, вполне разделяя мнение своего друга детства.

Таким образом, между ними состоялось обоюдное соглашение, о существовании которого в конце концов узнала и сама виновница его, Вера Сергеевна Франк.

Так прошло два безмятежных года. Бывшие друзья виделись очень редко, во время лагерных сборов и на тактических занятиях в штабе отряда. В это время ротмистр Франк получил в командование конную сотню на станции Маоэршань и поселился там со своей женой Верочкой.

Жизнь на глухой станции не могла удовлетворить молодую жизнерадостную красивую женщину и она ездила часто в Харбин, развлечься и за покупками. Муж, занятый службой, не препятствовал ей в этом, не видя опасности для своего семейного очага. В одну из таких поездок Верочка встретилась с Алтаевым, и провела с ним в приятной беседе в отдельном купэ вагона первого класса три часа; пока, к обоюдному их огорчению, на ст. Маоэршань им пришлось расстаться.

Она ничего не сказала мужу об этой встрече, т. к. женское чутье заставило ее скрыть это повидимому незначительное происшествие.

Недели через две, будучи в Харбине, она опять встретилась с ним в театре, откуда они зашли в кафешантан и там поужинали в отдельном кабинете.

Так начался между ними роман, о существовании которого муж и не подозревал. Но шила в мешке не утаишь! Об этом стали говорить в городе и на линии. В конце концов об этом узнал и муж. Жена созналась ему во всем, и, для прекращения разговоров и сплетен, он отправил ее в Россию на побывку к родителям.

Проводив жену, ротмистр Франк отправился к своему приятелю на станцию Сяо-Суйфын для переговоров.

Алатаев не был удивлен приезду своего бывшего друга и встретил его с распростертыми объятиями.

«Вероятно ты догадываешься о цели моего приезда к тебе?» — спросил Франк, когда они, поздоровавшись, вошли в кабинет хозяина, увешанный портретами красивых женщин и фотографиями кровных призовых лошадей.

«Я знаю, зачем ты приехал!» — ответил ему Алатаев, усаживая его в кресло и сверкая синеватыми белками своих миндалевидных глаз. — «Ты оскорбленный муж и ищешь удовлетворения, желая уничтожить виновника твоего несчастья! Я к твоим услугам! Бери револьвер и стреляй, только так, чтобы наповал!» — Сказав это, он встал и, сняв заряженный револьвер Нагана со стены, подал его Франку.

«Нет, ты ошибся!» — возразил ему Франк, отстраняя от себя оружие. — «Я приехал не для убийства, а с целью предупредить тебя о том, чтобы ты оставил мою жену в покое и никогда больше с ней не встречался! Дай мне честное слово, что ты исполнишь мою просьбу, в противном случае я убью тебя, как собаку!»

«Хорошо!» — ответил Алатаев совершенно спокойно, вешая на прежнее место револьвер. — «Даю тебе слово, что твою справедливую и совершенно законную просьбу исполню, в противном случае можешь отправить меня ко всем чертям!»

«Вот и прекрасно!» — продолжал Франк, закуривая папиросу и вставая. — «Я так и думал, что ты поступишь благородно и не заставишь меня совершать преступление! А теперь прощай и не поминай лихом!» — Сказав это, Франк собирался уже уходить, но Алтаев уговорил его остаться у него до поезда, который должен был прибыть с востока через два часа.

После ужина бывшие друзья помирились и, казалось, женщина, ставшая между ними, отошла на задний план и стушевалась.

Проводив своего приятеля и усадив его в поезд, Алатаев долго беседовал со своими четвероногими друзьями, обступившими его со всех сторон. О его колени терся головой и мурлыкал молодой барс; тут же стоял и на задних лапах два медвежонка, прося подачки и вытянув вперед нижнюю губу; целая свора собак, разных пород и мастей, визгом и лаем давала знать хозяину о своем существовании.

Обласкав их и накормив медвежат хлебом, он ушел в казармы, где, после вечерней переклички и молитвы, казаки ложились спать.

Увидев своего командира, они молча вытягивались около постелей, в ожидании его беседы.

«Ну что, ребятки!» — заговорил он с ними, приняв рапорт от дежурного по сотне. — «Пойдем завтра в сопки, погулять да коней проманежить! А то уж совсем обленились и жирок нагуляли!»

«Так точно, Ваше Выс-дие!» — отвечали ему бородачи ребятки весело улыбаясь и встряхивая чубами. — «Пора погулять! Не все же дома сидеть и с бабами возиться!» Казаки прекрасно знали достоинства и недостатки своего командира и охотно прощали ему грешки, не позорящие, по их мнению, честь мужчины и казака.

«Наш орел не дает спуску бабам!» — говорили они, гордо подымая головы. — «Ни одна баба супротив него не устоит, супостат таковже! Одно слово хват и лихой рубака! С ним не пропадешь! Дай Бог ему здоровья!»

ДИКАЯ ПТИЧКА

На следующий день Алатаев с полусотней вышел в разведку к северу от станции и вскоре, около города Мишань, настиг шайку хунхузов в 200 человек, которая засела в укрепленной импани. На предложение сложить оружие и сдаться, хунхузы отвечали огнем. Тогда, разделив свой отряд на две части, он пошел в атаку в пешем строю и взял импань штурмом, причем ранено было 10 казаков, а хунхузы потеряли около 100 человек убитыми. Остальные сдались на милость победителя, и только 28 человек успели в суматохе и общей панике бежать за реку Муданцзян.

В числе убитых был предводитель шайки, известный Цюи-Бао (Хромой Барс), наводивший страх на все мирное население долины Мурени. В качестве трофея и военного приза казакам досталась богатая казна хунхузов, в виде слитков серебра (ланы), которую Алатаев разделил между станичниками, забрав себе, по праву победителя, молодую красавицу китаянку в возрасте 16 лет. Она была заложницей у предводителя от богатого купца из города Сансина.

Алатаев, знавший толк в женщинах, был поражен оригинальной экзотической красотой дикарки и решил оставить ее у себя. Когда она узнала о своей участи, то, не долго думая, выхватила нож, с целью вонзить его себе в сердце, но бывшие тут казаки удержали ее и обезоружили. Тогда она в исступлении упала на пол, стала биться головой о каменные плиты, царапала себе лицо ногтями и дико о чем-то кричала. На эти вопли прибежал из соседней фанзы командир сотни, делавший собственноручно перевязки раненым казакам.

Увидев китаянку, бившуюся в истерике на грязном полу и узнав, в чем дело, он подошел к ней и как перышко поднял на руку, отстранив от ее лица маленькие изящные руки.

Китаянка перестала кричать и, увидев над собой улыбающееся лицо русского капитана, как дикая кошка бросилась на него и стала его кусать и царапать своими острыми коготками.

Казаки хотели было помочь своему командиру, попавшему в такую беду, но он отстранил их, приказав не трогать ее.

Скрутив ей руки назад, он положил ее на кан и, пристально смотря ей в глаза, заговорил на ломаном китайском языке: «Дорогая моя дикая птичка! Напрасно ты плачешь и убиваешься! Тебе не сделаю никакого вреда! Успокойся и будь умницей! Я увезу тебя в свою фанзу и будешь жить у меня. Никто обижать тебя не будет. Если тебе у меня не понравится, я отправлю тебя домой к отцу!» — сказав это, Алатаев помог ей сесть и ласково стал гладить ее сбившиеся роскошные волосы, заплетенные в косы.

Выслушав его внимательно и сверкая огромными белками миндалевидных глаз, китаянка отвечала:

«Русский капитан ошибается! Я никогда не буду его рабой и наложницей, а если он возьмет меня силой, я все равно жить не буду и убью себя!» — произнеся это, она закрыла лицо руками и горько заплакала.

«Теперь оставьте ее в покое, ребята!» — обратился командир к своим казакам, стоявшим тут же и с недоумением наблюдавшим непонятную для них сцену.

Казаки вышли, а к Ин-Тао (так звали китаянку) была приставлена старая маньчжурка, получившая от офицера наказ уговорить дикарку

и убедить ее покориться неизбежному, за что ей была обещана хорошая денежная награда.

Разбив хунхузов и захватив богатую добычу в виде нескольких десятков коней, боевого снаряжения и оружия, Алатаев с полусотней возвращался к себе домой на станцию Сяо-Суйфын с песнями, и звуки этих песен неслись вдаль, в лесистые дебри Тайпинлина!

Ин-Тао также ехала верхом в одном седле вместе со старою маньчжуркой, которая должна была пестовать и ухаживать за своей юной госпожей в качестве няньки.

Китаянка повидимому успокоилась и стала смотреть веселее на мир Божий, то ли под влиянием старой маньчжурки, то ли под ласковым гипнотическим взглядом черных глаз своего похитителя. Во время пути она часто исподлобья и украдкой пристально смотрела на стройную фигуру командира сотни, гарцевавшего на своем прекрасном скакуне впереди отряда.

Она видела его и в бою, когда он, со стэком в руках, прокладывал себе дорогу среди толпы бежавших в панике хунхузов.

Кто знает, может быть уже тогда ее маленькое женское сердце было покорено и билось особенно часто и тревожно!?

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

Не прошло и полгода, как Ин-Тао вполне освоилась со своим положением и привыкла к роли подруги русского капитана.

Природный ум и женская практичность помогли дикарке взять правильный курс «внутренней политики», так что, в конце концов, победитель женских сердец оказался побежденным и подпал под влияние прекрасной китаянки. Постепенно она прибрала его к рукам и стала госпожею в доме, не не злоупотребляла этим, разумно пользуясь властью, не переходя известных границ и возможностей.

Наш герой не на шутку влюбился в юную дикарку и все более и более к ней привязывался, сам не замечая того.

Он делал все от него зависящее, чтобы угодить ей и скрасить ее жизнь, довольно монотонную и скучную для молодой женщины, почти ребенка. Чтобы не оставлять ее одну, он часто брал ее с собой на охоту и в разведку, для чего выучил ее не только ездить верхом по мужски, но и стрелять из винтовки. Она оказалась способной ученицей и, стараясь не отстать от своего учителя, проделывала головоломные упражнения на коне, не хуже любого казака.

Алатаев подарил ей свою лучшую лошадь, арабскую кобылицу, вывезенную им из Москвы еще жеребенком и выращенную здесь на просторах Маньчжурии.

У себя дома Ин-Тао одевалась в свой национальный костюм, который был выписан из Харбина и стоил больших денег, а на прогулке, или верхом, она мало отличалась от молодого казака, так как, по желанию своего господина, носила черкеску и белую мерлушковую папаху, что очень гармонировало с ее оригинальной экзотической внешностью.

Получив хорошую школу верховой езды, Ин-Тао прекрасно держалась в седле и рядом с Алатаевым представляла собой живописную кар-

тину, достойную кисти художника. Даже казаки, любуясь этой парой, говорили между собой:

«Наш-то орел подобрал себе хорошую пару, что и говорить! Но лучше, если-б она была русская! Но это ничего, скоро она ему надоест, — и у нас будет настоящая командирша, русская баба! Эта тоже ничего, но для нас казаков не подходит! Наш орел кавказец из Кабарды, а мать у него русская, казачка из станицы Червленой, это нам доподлинно известно, так что выходит, что он русский, да еще казачьей крови! Да и батько то у него тоже наполовину азиат, так как взял себе жену с Кубани. Весь их род мы знаем! Они все переженились на русских, как и наш орел, а что касается всего прочего, — то это не беда и быль молодцу не укор!» — так рассуждали казаки и толковали о своем командире, которого искренно любили и уважали за лихость, доброту и отеческое отношение.

Именитый китайский купец, отец Ин-Тао, узнав, что его дочь живет у русского офицера и предполагая, что ее держат силой, послал к ней на станцию Сяо-Суйфын своего доверенного, Лун-Бина, узнать всю правду и, по возможности, вернуть ее под родительский кров.

Это был старый, хитрый китаец, прошедший суровую житейскую школу и умудренный многолетним опытом.

Приехав на место, он прежде всего побывал у местных китайских купцов и подрядчиков, давших ему подробные сведения об Ин-Тао и ее жизни у русских. Затем он свел знакомство с казаками на базаре и, угощая их водкой и коньяком, узнал все, что ему хотелось. Только после этого, находясь в курсе всех дел, он пришел к командиру сотни с покорной просьбой, разрешить ему свидание с дочерью его господина.

Узнав о цели прибытия китайца, Алатаев вскипел и собирался было прогнать его со двора, но вскоре одумался и сказал:

«Я знаю, зачем ты пришел! И мог бы прогнать тебя вон, но я люблю справедливость и откровенность, а потому разрешаю тебе переговорить с Ин-Тао наедине, с глазу на глаз. Даю тебе сроку полчаса! Если просрочишь — пеняй на себя! Ступай, она ждет тебя у себя в комнате». — Сказав это, он вышел на двор и занялся кормлением своих многочисленных четвероногих и пернатых питомцев.

Увидев старого слугу своего отца, Ин-Тао взволновалась, но затем, сдержав себя, усадила его в кресло и стала расспрашивать об отце и братьях. Удовлетворив ее любопытство, посланец наконец сказал:

«Ин-Тао! Я пришел к тебе по поручению отца. Он знает все, но думает, что ты в конце концов вернешься к нему. Он просит тебя об этом, так как ты совершенно свободна и насильно никто тебя здесь не держит. Дай мне ответ теперь же, так как времени у меня мало. Я жду » — Произнеся это, старый китаец уставился на молодую женщину узкими слезящимися глазами и застыл в неподвижной позе.

Прослушав его до конца, Ин-Тао закрыла лицо руками и задумалась; затем, как бы опомнившись, она проговорила:

«Сердце мое разрывается на части! Оно стремится к отцу, братьям, к могиле матери, но в то же время не в силах оторваться от любимого человека. Я не могу исполнить просьбу отца. Передай ему, что Ин-Тао осталась такой же любящей и преданной дочерью, как была.» — Произнеся эти слова, молодая китаянка снова закрыла руками свое лицо и крупные капли слез показались у нее на глазах. Старик молчал и смотрел на свою собеседницу немигающими строгими глазами. Затем

он встал и, не сказав больше ни слова, медленно шагая вышел из комнаты.

На дворе он встретился с командиром сотни и сказав ему: «спасибо, капитан! До свидания!» — вышел за ворота и направился к китайскому поселку.

Делая вид, что его мало интересуют переговоры Ин-Тао с посланцем отца, Алатаев насвистывал веселый мотив из оперетки «Цыганский барон» и возился со своими друзьями животными, угощая их черным хлебом и сахаром.

Только под вечер, когда солнце спряталось за лесистыми гребнями высокого Тайпинлина и пора было ужинать, он пошел домой, приказав деньщику накрывать на стол к ужину на открытой веранде. Он умышленно не зашел к Ин-Тао, желая оставить ее одну с ее думами и печалью, надеясь на ее благоразумие и рассудительность. И действительно, к ужину она вышла такая же веселая и жизнерадостная, как и прежде, и только покрасневшие глаза и распухшие веки выдавали ее переживания.

«Ну как, моя птичка улетит из клетки на волю, или останется жить у меня?» — задал ей вопрос Алатаев, обнимая ее и целуя в заплаканные глаза.

«Нет, твоя птичка не хочет улетать из клетки и останется в неволе, хотя сердце ее тоскует по родному дому!» — Сказав это, Ин-Тао прижалась к своему кумиру и спрятала свою голову на его груди.

В это время деньщик принес кипящий самовар и молодая хозяйка занялась своим делом, весело улыбаясь, как будто ничего особенного не произошло, тогда как на самом деле в эти часы решалась ее судьба.

ОДНОГЛАЗЫЙ.

На берегу многоводной Сунгари, у впадения в нее Муданцзяна, стоит старинный город Сансин, основанный маньчжурами много веков тому назад. Раньше он назывался Илан, но, с приходом сюда китайцев, его переименовали, как и многие маньчжурские названия городов, рек, урочищ и горных хребтов.

В древние времена Илан был крепостью и опорным пунктом против вторжения полудиких кочующих охотничьих племен тунгузского происхождения, приходивших сюда, в плодородные сунгарские равнины из тайги далекой суровой Сибири. Племена эти оседали здесь и, смешавшись с коренным населением края, образовали Маньчжурское царство, завоевавшее в конце концов Китай.

Остатки древней крепости и других сооружений можно видеть и теперь на песчаном берегу Сунгари, среди других позднейших построек общекитайского типа. В этой части города обосновалось купечество и богатые торговые фирмы, скупающие пушнину и снабжающие различными товарами (дзи-хо) окрестное население на сотни километров к северу и югу.

Одной из богатых китайских фирм, ведущей торговлю мехами, был торговый дом «Футай Кун-сы», во главе которого стоял именитый купец Фу-тай, сосредоточивший в своих руках бóльшую часть торговых оборотов Сансина.

Дела фирмы шли прекрасно, но Боксерское восстание и появившиеся шайки хунхузов, грабивших население и облагавших торговые фирмы большой данью, сильно пошатнули финансовую ее базу, заставив сократить общие торговые обороты. Похищение же дочери Футая, Ин-Тао, шайкою «хромого барса», окончательно подорвало дела торгового дома, который был уже накануне банкротства и держался только помощью и взаимной выручкой других фирм, входивших вместе с ним в общий торговый союз коммерческого общества Сансина.

Похитив девушку, Хромой Барс потребовал от отца такой выкуп, что выплатить его не было никакой возможности; несчастный отец от горя едва не лишился рассудка, еще больше запустив дела своей фирмы.

Два его старшие сына, взявшие в свои руки торговлю, едва справлялись и кое как поддерживали упавший баланс.

Узнав, что его дочь освобождена из плена русскими, Футай послал своего верного слугу, старого приказчика Лун Бина, на станцию Сяо-Суйфын, где по слухам находилась его любимица Ин-Тау у командира казачьей сотни.

Футай был очень удивлен, когда Лун Бин вернулся домой без его дочери, так как он не сомневался в том, что Ин-Тао вернется к нему при первой возможности.

Долго он не пускал к себе своего приказчика, боясь услышать от него плохие вести, но в конце концов, убедясь в неизбежности совершившегося, позвал его к себе.

Усадив его на стул около себя и раскуривая трубку, он спросил:

«Ну, рассказывай теперь, как ты исполнил мое поручение и когда моя дочь вернется домой и утешит мою старость, мое одиночество?» — Сказав это, старый купец уставился пристальным испытующим взором на своего преданного слугу, как бы желая проникнуть ему в душу.

«Я видел твою прекрасную дочь, мой господин!» — ответил приказчик, ежась под строгим взором своего хозяина. — «Она живет хорошо и в полном довольстве на станции Сяо-Суйфын, у богатого русского офицера, который освободил ее из плена. Я спросил ее, хочет ли она вернуться домой, к отцу, она ответила мне, что не вернется. Потом она заплакала и я не стал ее больше беспокоить. Вот все, что я мог узнать по своему поручению.» — «А ты не говорил ей о том, что старик отец тоскует и ждет, чтобы она закрыла ему глаза после смерти?» — перебил своего слугу старый Футай, волнуясь и тряся головой.

«Я не говорил этого! — ответил Лун Бин, как бы оправдываясь. — Времени на это не было и к тому же это было бы бесполезно! Ее приворожил к себе Черный Капитан и она потеряла волю. Такова участь слабой женщины! Прежде чем пойти к ней, я говорил со многими почтенными людьми на станции, и они сказали мне то же самое. Добровольно она не вернется к тебе, ее надо взять силой или хитростью». — Произнеся эти слова, Лун Бин замолк и, опустив голову, ждал приказаний своего господина.

Футай также молчал и, отвернувшись от него, дымил своей трубкой и думал свою невеселую старческую думу.

В очаге трещал огонь и со двора доносились крики рабочих, загонявших в стойла лошадей.

После довольно продолжительного раздумья Футай проговорил: «Вот ты сказал, что Ин-Тао можно взять только силой или хитростью. Как же это сделать, по твоему? Я думаю, что это дело трудное и даже невыполнимое! Кому же можно поручить его? Я себе даже не пред-

ставляю! Ведь она у казаков, а это народ бойкий и храбрый и вырвать от них мою дочь навряд ли удастся!» — Сказав это, Футай вопросительно посмотрел на своего приказчика.

Подумав немного, тот ответил:

«Задача трудная, но можно попытаться ее выполнить! Я думаю, что нам самим, без участия хунхузов, этого не сделать. Я видел сегодня на базаре «одноглазого». Можно с ним поговорить. Если уж он не возмется, то это дело надо оставить вовсе. У него люди надежные, да и сам он лихой человек и деньгу любит. Если хочешь — я поговорю с ним и он придет к тебе сам, для заключения сделки. Для него это выгодная коммерция!»

«Ну, хорошо, Лун Бин! — произнес старик, вставая. — Ступай и от моего имени поговори с «одноглазым». Может быть и выйдет что-нибудь из этой затеи!»

Приказчик вышел со двора и направился в игорный дом на базаре, где шла постоянная игра в банчок. Нигде как там предполагал он встретить предводителя хунхузов, знаменитого «одноглазого», пользовавшегося у местного населения популярностью и известным уважением, как защитник обиженных и угнетенных и враг властей предержащих. Население его не выдавало, и он свободно разгуливал на глазах у властей, делавших вид, что его не замечают. Свой левый глаз он потерял в стычке с китайскими солдатами, не на поле брани, а в игорном притоне во время ссоры и драки. С тех пор он стал хунхузом и грабил преимущественно богатых купцов и продажных чиновников. Шайка его, состоявшая из пятидесяти отборных людей, была крепко сколочена и работала без отказа, подчиняясь своему вождю беспрекословно.

Войдя в фанзу, где шла азатрная игра в банчок у низкого круглого стола, Лун Бин сразу же узнал крупную, атлетическую фигуру «одноглазого», метавшего банк. В фанзе было душно и накурено. Народу было много, а потому Лун Бин, подождав, пока «одноглазый» окончил метать банк, подошел к нему и шепнул ему на ухо: «Есть дело! Приходи к Футаю!»

Взглянув на старого приказчика одним глазом и мотнув головой в знак согласия, хунхуз продолжал игру.

Постояв еще немного, Лун Бин вышел на двор и собирался уже идти домой, как его догнал «одноглазый» и, поровнявшись, спросил:

«Зачем это я понадобился Футаю? Ведь он теперь зол на всех хунхузов из-за дочери! В чем же дело?»

«Да в том-то и дело, что он хочет просить тебя выручить дочь от русских! Она живет у русского офицера и отказалась вернуться к отцу. Ее надо взять оттуда силой. За это ты получишь хорошие деньги!»

Произнеся это, Лун Бин посмотрел снизу вверх на своего спутника, ожидая от него ответа.

«Ну, что-ж, — ответил «одноглазый», не поворачивая головы, — попробовать можно. Я знаю, где живет дочь Футая и знаю того офицера, который разбил «хромого барса» и забрал себе женщину. Это дело трудное и рискованное и обойдется Футаю не дешево!»

Разговаривая на эту тему, собеседники подошли к усадьбе Футая и вошли в фанзу, где жил сам хозяин.

Узнав о приходе хунхуза, Футай пригласил его к себе и, усадив на кан, угостил его, по обычаю, чаем.

Не сразу они повели разговор о деле. Сначала Футай справился о здоровьи гостя и о его делах, а затем сказал, подавая ему трубку и спички:

«Лун Бин, вероятно, говорил тебе о моем деле, и мне надо знать, согласен ты выручить мою дочь, или нет? Если согласен, то какие будут твои условия? Но должен тебе сказать, что мои финансовые дела не блестящи!» — Проговорив это, старый купец начал раскуривать свою трубку.

Хунхуз зорко следил за своим собеседником одним глазом, и, когда тот кончил, произнес:

«Я знаю все! Твоя дочь у Черного Капитана. Дело это очень трудное и опасное! А потому ты должен заплатить мне хорошо, чтобы, в случае моей смерти, мои люди были довольны. Это тебе будет стоить десять тысяч рублей, из них четыре тысячи вперед, а шесть тысяч, когда получишь свою дочь. В помощь мне дашь своего приказчика Лун Бина, так как он будет мне полезен там на месте. Вот мои условия! Если согласен, то плати деньги сейчас и я начну работу, если нет, то нам не о чем разговаривать!»

Проговорив это, хунхуз встал и в ожидании ответа уставился на купца своим единственным страшным глазом. Футай не возражал и, сходив в контору, вынес оттуда деньги и передал их «одноглазому».

Пересчитав их, хунхуз спрятал кредитки в свой внутренний карман и вышел из фанзы, сказав хозяину «прощай!».

«Лун Бин! — произнес Футай, обращаясь к своему приказчику. — Ты отправишься вместе с ним на Сяо-Суйфын и будешь исполнять то, что подскажет тебе твоя честность и житейский опыт. А теперь пойдем в город, я хочу узнать судьбу своей дочери у колдуньи Нюй-яо.»

Затем, взяв в руки палку, он отправился к берегу Сунгари, на рыбный базар, где жила в полуразвалившейся фанзе старая гадалка, славившаяся на всю округу своими вещими предсказаниями и колдовством.

Рыбный базар в Сансине отличался своим разнообразием и богатством по количеству крупной рыбы, доставляемой рыбаками с низовьев Сунгари.

Футай и Лун Бин, проходя по рыбным рядам, останавливались у открытых ларей и любовались выставленными двадцатипудовыми калугами, гладкие лоснящиеся туши которых блестели на солнце крутыми боками.

В другом месте навалены были целые горы окуней, сазанов, щук и касаток. В конце торговых рядов, в особых бассейнах плавали огромные черепахи, выставляя свои остроносые головы на поверхность, в ожидании печальной участи попасть в котел и быть заживо сваренными на медленном огне.

Воздух был пропитан запахом рыбы и водорослей; яркое осеннее солнце, переливаясь лучами в речной ряби, ласкало своими отблесками песчаный берег, заросший тальником, и рыбные ряды, наполненные шумною движущейся толпой маньчжур и китайцев. В глубине неба парили ястреба и коршуны, распластав свои серповидные крылья, и высматривали добычу, заманчиво блестевшую серебристой чешуей.

Все встречные низко кланялись старому Футаю, выражая ему знаки почтения и соболезнования в его горе. Случай с дочерью именитого купца не мог оставаться в секрете и вызывал общее сожаление. Знакомые купцы на базаре издали кивали ему головами, справлялись о его здоровье и желали успеха.

Добравшись, наконец, до окраины базара, Футай остановился у дверей ветхой избушки-фанзы и постучал палкой в досчатую дверь, обитую снаружи шкуркой козули.

У КОЛДУНЬИ.

Только после повторного стука тихо открылась дверь и на пороге показалась сгорбленная, высохшая как гриб, дряхлая старуха. Маленькая коричневого цвета голова ее не имела волос; только на остром вваливщемся подбородке и из крючковатого носа торчали пучки желтозеленых волос. Глубокосидящие вьщветшие глаза, как хитрые мьши, выглядывали из-под седых нависших бровей.

Пропустив гостей, колдунья плотно притворила дверь и остановилась перед Футаем, шамкая какое-то приветствие своим беззубым ртом. «Здравствуй, Нюй-яо! — произнес Футай, садясь на край узкого кана и набивая табаком свою трубку. — Может быть ты скажешь мне что-нибудь о судьбе моей дочери, которая ушла от меня и не хочет возвращаться?»

«Я знаю все, Футай! — прошамкала старуха, садясь против него на низкий табурет. — От меня ничего не скрыто! Если хочешь, я погадаю и скажу тебе всю правду о твоей бедняжке дочери. Только ты мне не мешай и не спрашивай ни о чем, пока я не выложу перед тобой все, что тебя интересует». Сказав это, колдунья куда-то ушла и долго не появлялась. Наконец она вернулась, неся перед собой деревянную миску, наполненную какой-то темной жидкостью.

Поставив миску на кан, она нагнулась над ней и стала смотреть в воду. Так прошло довольно много времени; старуха не шевелилась. Боясь нарушить тишину, Футай сидел с трубкою во рту на кане. Лун Бин стоял возле него как каменное изваяние. Наконец колдунья нарушила молчание, и послышался ее глухой голос, прерываемый шипением, выходящим из ее груди. Она говорила:

«Дочь твоя довольна и живет в роскоши и богатстве, но тоскует о тебе. Но это не надолго: скоро она уйдет оттуда, но не к тебе. Ты будешь ждать ее, но не дождешься. Оставь ее в покое, иначе никогда ее не увидишь. То, что ты задумал, погубит ее!» — Произнеся эти слова, гадалка взяла в руки миску и, вылив ее содержимое в котел, молча остановилась перед Футаем, протягивая к нему свою сухую, костлявую руку.

«Что же, по твоему, я должен бросить свою дочь на произвол судьбы и оставить ее в руках белых дьяволов?» — задал ей вопрос старый купец, доставая из кармана кошелек с деньгами.

«Я не сказала этого! — возразила колдунья, пожирая хищным взором кошелек, наполненный серебром. — Я передала только то, что сама видела в миске с водой! А там я видела кровь и твою мертвую дочь! Это все, что я могу тебе сказать! Больше ни о чем меня не спрашивай!»

«В таком случае, получи свой заработок!» — произнес Футай, выколачивая пепел из трубки и вручая гадалке несколько серебряных долларов, которые она тщательно запрятала в кучу тряпок, наваленных в углу кана, что, видимо, служило ей постелью.

«Пойдем, Лун Бин, нам здесь делать больше нечего!» — проговорил старик, выходя из фанзы.

Выпроводив своих гостей, колдунья тщательно заперла дверь и, достав полученные монеты, высыпала их в жестянку из-под конфет, которая была уже почти наполнена серебром.

Полюбовавшись на свое богатство, старуха спрятала жестянку под каном, где устроена была потайная ниша, и заложила ее камнем. Без-

зубый рот ее шептал какие-то заклинания и глаза мыши подозрительно поглядывали по сторонам, в поисках немых свидетелей и врагов.

Придя домой, Футай долго не мог успокоиться и для умерщвления нервов приказал подать себе прибор для курения опиума. Через полчаса, лежа на теплом кане, он втягивал в себя ароматную, сладковатую на вкус струю опийного дыма из серебряного кальна прекрасной художественной работы, — подарок коммерческого общества в день его семидесятилетия.

Вскоре старый Футай забылся в глубоком сне и видел перед собой фантастические картины, какие только может представить себе самое пылкое воображение. Так он проспал до позднего вечера и затем, проснувшись, позвал к себе Лун Бина, неотлучно находившегося при своем хозяине. «Послушай, Лун Бин! — обратился к нему Футай, когда тот вошел в комнату. — Ты слышал, что сказала старая колдунья! Я хочу знать твое мнение, так как у меня явилось сомнение в правильности моего решения!»

Старый приказчик, видимо, ожидал этого вопроса, так как сейчас же, не задумываясь, отвечал:

«Никогда не меняй своих решений, мой господин! Чему быть — того не миновать!» — Сказав это, Лун Бин стал молча набивать свою трубку табаком из кисета. Футай ему не возражал.

ВЛАДЫКА ТАЙГИ.

Ранним утром, едва только золотые лучи восходящего солнца заиграли цветами радуги в каплях росы на высохшей траве и пожелтевшей листве кустов и деревьев, в свежем, напоенном морозной влагой воздухе раздались необычайные звуки, всполошившие спящий поселок Сяо-Суйфын и станцию.

Эти звуки неслись со двора сотни и далекие горные ущелья вторили им, перекликаясь многократным эхо.

Ротмистр Алатаев проснулся чуть свет и приказал трубачу играть тревогу. Казаки, услышав знакомый сигнал, наскоро одевшись, нацепляя на ходу шашки и закидывая за плечи винтовки, выбегали из казармы в конюшню и, поседлав коней, выстраивались повзводно во дворе, фронтом к дому командира сотни. Все это делалось быстро, но без суеты и деловито. Даже кони, как бы сознавая серьезность момента, насторожились и молча, без понукания, исполнили свое дело, выстраиваясь в ряды и в затылок.

Когда сотня была готова, вышел на крыльцо ее командир. Он был в короткой синей венгерке, отороченной серой мерлушкой. Заломленная набекрень фуражка с зеленой тульей украшала его небольшую курчавую голову. Вместо ремня, под крутым подбородком виднелась широкая черная лента, женская подвязка, когда-то украшавшая изящную ножку неведомой красавицы. В руке он держал неизменный стэк, золотая ручка которого изображала обнаженную женщину.

Посмотрев на руку, где находились миниатюрные золотые часики, он поздоровался с сотней, произнеся звучным баритоном:

«Здорово, казаки!»

«Здравия желаем, ваше высо-дие!« — ответили ему станичники

дружными, веселыми голосами. Далекое эхо откликнулось им в горах и ущельях, и стая голубей, потревоженных в своих гнездах, взвилась ввысь, сверкая в лазури неба серебристым оперением.

Командир сотни остался доволен работой казаков: по тревоге они были готовы в течение восьми минут.

Ожидая дальнейших приказаний своего начальника, сотня притихла, как бы замерла. Не слышно было ни разговоров, ни лязга оружия, ни ржанья коней.

В это время на крыльце показалась стройная фигурка Ин-Тао. Она была в черкеске и белой папахе, на ногах красные сафьянные сапожки. Она ловко вскочила в седло с помощью Алатаева, подставившего под ее ногу свою ладонь. Вслед за ней сел на своего любимого коня «Чорта» и командир сотни. Почувствовав на себе всадника, жеребец загорячился и стал плясать, перебирая своими тонкими стройными ногами. Но опытная рука укротителя привела его в себя и «Чорт» превратился в ягненка. На него никто не мог садиться кроме Алатаева. Только он один мог ездить на нем и управлять им. Не одного всадника он сбросил уже с себя и изуродовал его зубами, как дикий зверь, но в руках Алатаева он смирялся и подчинялся воле человека.

Ин-Тао, сев на свою красавицу, молодую кобылку «Диану», выехала за ворота; за ней последовал Алатаев, крикнув казакам:

«Сотня за мной! Справа по три!»

Через полчаса сотня вытянулась змеей по тропе, извивавшейся между крутыми сопками, заросшими дубняком и орешником.

Яркое маньчжурское солнце показалось на горизонте и бросило свои золотые лучи на горы и леса, надевшие свой праздничный осенний наряд, пестрый и многокрасочный, как персидский ковер или индийская шаль.

Алатаев со своей подругой ушли вперед, оставив сотню позади себя, и пользуясь своим одиночеством, не стеснялись в выражении своей страстной любви и увлечения. Он вплотную подъехал к ней и, обняв ее за талию, говорил ей о том, как прекрасен Божий мир и как хороша жизнь на лоне чудной природы.

Казаки, привыкшие к таким выходкам своего командира, покуривали свои трубки носогрейки и, покачиваясь в седлах, напевали про себя свои любимые песни.

С вершин каменистых гор и таежных увалов смотрели на них дикие звери, зная по опыту, что люди, двигающиеся в походном порядке, им не опасны. Медведица с медвежатами, лакомившаяся сладким виноградом на ближайшем хребте, поднялась на задние лапы и с любопытством рассматривала косматых людей, сидящих верхом на каких-то животных, Ее дети, оставив свои шалости и игры, взобрались на деревья и оттуда со страхом и тревогой наблюдали невиданное зрелище.

Изюбри и козы, пасшиеся на склонах сопок, перестали есть и, повернув свои изящные головы с длинными настороженными ушами, застыли, как изваяния, резко выделяясь темными силуэтами на желто-зеленом фоне увядшей листвы.

На выступе высокой скалы, вздымавшей свои гранитные твердыни над бурными водами Сяо-Суйфына, скрытый увядшею желтой листвой дубовых зарослей, отдыхал, после сытного обеда из жирной кабанятины, владыка маньчжурской тайги, могучий тигр. Тонкий слух его уловил необычайные звуки движения конного отряда. Он открыл свои шафранно-желтые глаза и поднял гордую лобастую голову, всматри-

ваясь вдаль, где в широкой пади, извиваясь змеей, двигалась казачья сотня. Впереди ее он видел двух всадников на прекрасных гнедых конях. Они подошли уже совсем близко к скале. на которой лежал хищник, и громко разговаривали между собой.

Царственного зверя это заинтересовало. Он встал и, крадучись между выступами камней и кустами дуба, подошел к самому краю отвесной скалы и стал наблюдать. Никогда еще в своей жизни он не видел таких странных людей! Одеяние их было необычно, за плечами, под лучами яркого солнца, поблескивало оружие. Он слышал звуки незнакомых песен и громкие голоса бородатых людей.

Ему было уже не до сна; он стоял у обрыва и со вниманием рассматривали пришельцев. И ни один мускул его могучего тела не шевелился, только кончик хвоста, как маятник, ходил из стороны в сторону.

Он видел, как конный отряд остановился под самой скалой, люди слезли с коней и собрались в кружок. Два всадника, ехавшие впереди, также спешились и вошли в середину круга. Затем он услышал звонкий голос одного из них. Он что-то говорил, указывая стэком во все стороны, сдвинув зеленую фуражку на затылок.

Владыка лесов конечно не понимал, о чем говорил человек, но кончик хвоста его судорожно вздрагивал, выдавая его волнение и тревогу.

Окончив свою речь, всадник вскочил на коня и поскакал в гору, по отлогому склону противоположного хребта, покрытого мелким кустарником; за ним понесся на красивой кобылице другой всадник в белой папахе. Отъехав на полверсты, всадники остановились и стали чего-то ждать. В это время остальные люди, в черных мундирах и косматых шапках, сели на коней и выстроились в одну шеренгу, лицом к двум всадникам. Раздался пронзительный свисток и весь отряд ринулся вперед, с гиком и воем. Увидев эту погоню и скачущих лошадей, хищник пригнулся к земле, как-бы намереваясь сделать прыжок, для преследования добычи, но это был только инстинктивный порыв дикого зверя удержать бегущего. Глаза у тигра разгорелись и он был уже готов погнаться за скачущими лошадьми, но тот же инстинкт самосохранения удержал его на месте, и он, громко замурлыкав, отошел от края обрыва, направляясь по гребню хребта вверх на вершину каменистого гольца.

По временам он останавливался и, поворачивая голову, смотрел на долину, по которой неслись с гиком казаки, стараясь перегнать друг друга, чтоб прискакать к своему командиру первым.

С вершины гольца хищник наблюдал, как вокруг двух всадников собрались все остальные и одного из бородачей командир обнял и расцеловал. Это был один из казаков, прискакавший к нему первым.

Царь тайги был в недоумении и долго еще, идя в свое логовище по зарослям и каменным россыпям, думал свою звериную думу.

Прежде, чем уйти в свое логовище, под нависшими скалами под самой вершиной, хищник долго еще смотрел вдаль и видел, как пришельцы возвращались с песнями домой, и звонкие голоса их, нарушая таежную тишину, будили многократное эхо в горных дебрях.

Алатаев, проделав сотенное ученье в конном и пешем строю, вел своих станичников домой с песнями.

Солнце высоко поднялось в голубом небе, ярко освещая горы и леса, украшенные разноцветным ковром ранней осени. В теплом, насыщенном дыханием земли, прозрачном воздухе летала паутина, цепляясь за кусты и ветви деревьев, терявших свою листву. Пахло медом

и ароматами поздних цветов, сохранивших свой цвет до первых заморозков. Где-то вдалеке кричали изюбри и зычные голоса их, как звуки серебряных труб, звенели и переливались трелями,. то повышая,. то понижая свой тембр.

«Спасибо за службу, ребята!» — Крикнул командир, отпуская сотню по домам, когда передние ряды ее втягивались во двор, обнесенный укрепленным тыном из фашинника и мешков с песком.

«Рады стараться, Ваше Выс-дие!» — Весело отвечали казаки, соскакивая на ходу с коней и ведя их в поводу.

Через полчаса сотенный трубач подал сигнал к обеду, и казаки с котелками в руках выстраивались у дверей кухни, откуда уже выглядывал толстый и румяный кашевар с белым колпаком на бритой голове. Пахло жирным борщом, кашей и черным ржаным хлебом. Семейных казаков здесь не было: они обедали у себя по домам, в избушках, сколоченных кое-как возле казармы и на поселке.

НИЩИЙ.

Так как день был субботний, после обеда в сотне производилась уборка помещений, а затем казаки мылись в бане, построенной своими средствами из подручного материала на берегу бурного Сяо-Суйфына, несущего свои прозрачные холодные воды по узкому каменистому ложу.

Всевидящее око сотенного вахмистра Ерофеича было везде и всюду, — в казарме; в конюшнях; на коновязи, где чистили коней; в пекарне, где здоровенные румяные хлебопеки, с засученными рукавами, месили тесто; на кухне, откуда доносился аромат парной гречневой каши со шкварками; и даже у помойки, содержавшейся в идеальной чистоте и порядке.

— «Шевелись! Шевелись!» — покрикивал Ерофеич на своих «ребят», у которых от усердия пропотели рубахи и капало из носа, что заставляло их проводить рукой по усам и покряхтывать.

После уборки пол в казарме блестел, как полированный, и пахло свежими смолистыми опилками.

— «Дежурный!» — раздался зычный голос Ерофеича, вошедшего в казарму — «А почему до сих пор не зажжена лампадка у образа Николая Чудотворца?»

Дежурный, бравый чернобородый казак, на окрик начальства, тряхнул кудрями, подстриженными в скобку, и в свою очередь налетел на дневального, на обязанности которого лежали заботы о благолепии сотенного образа.

Не прошло и пяти минут, как перед иконой Святителя засветилась лампадка, и яркий огонек, колеблясь и мерцая, бросал свои мягкие лучи в наступающие сумерки.

В это время во дворе казармы появился высокий китаец нищий. Он был слеп и единственный глаз его, пораженный бельмом, был устремлен вперед, как будто всматриваясь зорко во все окружающее. Одетый в рубище, сгорбленный и еле передвигавший босые ноги, он производил впечатление могучего человека своей атлетической фигурой и широкими плечами.

Собаки окружили его и лаем давали знать о появлении чужого.

Зоркий глаз Ерофеича давно уже следил за нищим-китайцем и вскоре послышался его хозяйский окрик:

— «Дневальный у ворот! Ты что-ж это спишь на своем посту и пропускаешь всяких бродяг к нам во двор!?» — На эти слова выглянул из под навеса молодой солдат и, взяв руку под козырек фуражки, отрапортовал:

— «Так что, господин вахмистр, я тут не при чем: нищий прошел не в ворота, а где-то стороной! Прикажете его выгнать?»

Сказав это, дневальный подошел к китайцу и собирался уже «выводить» его со двора, но Ерофеич остановил его движением руки и произнес:

— «Ты еще молод и несмышлен! Стариков надо уважать, даже нищих-китайцев, это сказано и в Святом Писании! Сбегай в пекарню и возьми там буханку хлеба. Отдай ее нищему и проводи его со двора!»

Пока дневальный бегал за хлебом, Ерофеич отогнал собак и, наблюдая за нищим, думал свою думу:

—«Сколько годов живу в Китае, но никогда не видел таких нищих! По всей вероятности бывший хунхуз! Лишился глаз и пошел просить милостыню! А здоров, как бык, хоть землю на нем паши! Но ничего, что хунхуз; все китайцы по натуре хунхузы, а этот калека, надо ему помочь, пусть знает, что русский человек христианин, да еще православный!» . . .

Эти рассуждения вахмистра были прерваны приходом дневального, принесшего ковригу свежего ржаного хлеба.

Взяв поданный ему хлеб, нищий стал благодарить и низко кланяться, причем единственный глаз его зорко всматривался в дом командира сотни, стоявший в стороне от казармы и выходивший задним своим фасадом в поле и в сопки, покрытые густым орешником.

Ерофеичу показался подозрительным этот бродяга и он приказал дневальному не спускать с него глаз и поскорее выпроводить его со двора.

Подталкиваемый сзади дневальным, нищий, опираясь на палку и прихрамывая, вышел за ворота и направился к дому командира сотни, где он заметил в окне фигуру молодой женщины, китаянки.

Заметив нищего, она вступила с ним в разговор и, узнав о его слепоте, подала ему милостыню, в виде русского серебряного рубля. Взяв деньги, нищий долго еще стоял у окна, внимательно рассматривая своим мутным глазом весь дом и прилегающую к нему местность.

От зоркого глаза Алатаева также не ускользнуло появление у окна нищего. Он долго наблюдал его и вся фигура бродяги наводила его на размышления. Он видел, как Ин-Тао подала ему милостыню и слышал ее разговор с нищим, но не придав этому особенного значения, вскоре забыл об этом, занявшись пением цыганских романсов под акомпанимент гитары.

Ин-Тао подпевала ему своим тоненьким голоском и, ласкаясь, как шаловливый котенок, гладила его курчавую голову своими миниатюрными, тонкими пальцами, на которых сияли кольца с дорогими бриллиантами. Только с наступлением темноты нищий-китаец исчез, растаяв, как призрак, в туманной дали голубых сопок.

На следующий день был большой двунадесятый праздник Воздвижения животворящего Креста, 14 сентября. Из Пограничной приехал отец Василий Имерлишвили, грузин священник и, отслужив в сотне молебен с водосвятием, остался на обед у командира. Это был могучий богатырь, с львиною гривой седеющих волос на красивой большой голове. Всегда веселый и жизнерадостный, он вносил своим появлением бодрость и оживление и, как говорили про него солдаты «Наш батя молодец! Мертвого подымет на ноги! А живого заставит плясать казачька и лезгинку, хочешь-не хочешь!»

По случаю праздника Алатаев приказал выкатить из погреба боченок кахетинского вина, полученного им накануне с Кавказа, и, после обычной чарки водки, сотня угощалась прекрасным напитком, получая из рук отца Василия вино, причем с каждым он целовался, по кавказскому обычаю, и все хором пели «Чарочку», а затем кавказскую застольную песнь «Мравалджамиер». Отец Василий в молодости мог выпить огромное количество кахетинского, но на его богатырскую натуру вино не действовало. Большие выразительные глаза его сверкали из под нависших густых бровей и слышалась остроумная речь, уснащенная прибаутками и меткими словечками, от которых хохотали до слез даже самые мрачные ипохондрики. Правда, среди казаков последних было мало, так как это вообще народ веселый и неунывающий; казак и сам за словом в карман не полезет, и отцу Василию нередко приходилось парировать шутливые замечания станичников и их чисто народный здоровый юмор.

Под вечер, когда хмельные казачьи головы склонились долу и сам Ерофеич прилег вздремнуть у себя в каморке на утлой койке, на казарменном дворе опять появилась высокая фигура одноглазого нищего. Опираясь на палку, он обошел весь двор, не обратив на себя внимания. Дневального у ворот не было: он ушел на кухню, к своему приятелю кашевару, и дулся с ним в дурачки. Зоркий глаз Ерофеича отсутствовал и беспечные казаки предавались глубокому послеобеденному сну.

Вместе с одноглазым нищим пришли еще какие-то китайцы: они внимательно осматривали дом командира сотни и казарменные постройки и, не боясь сонных казаков, шныряли всюду, производя разведку.

После обеда отец Василий собрался домой на Пограничную, где его ждали какие-то срочные дела. Попутных поездов не было и Алатаев уговорил «батюшку» ехать на лошадях, в бричке, или верхом. Отец Василий предпочел последнее, так как этот способ передвижения был ему наиболее симпатичным, как старому кавказцу и любителю лошадей.

Алатаев сам сопровождал своего духовного отца до Пограничной, усадив его на своего охотничьего гунтера «Алагеза», прекрасного каракового коня, выписанного им недавно из Москвы от своего приятеля известного коннозаводчика Лазарева.

Под командиром сотни был его любимец, жеребец «Чорт», который горячился и танцевал, перебирая своими тонкими, стройными ногами и сверкая выпуклыми огневыми глазами, злобно косясь на своего соседа, добродушного и выдержанного гунтера. Но, чувствуя на себе твердую руку своего господина, он только фыркал, выбрасывая изо рта клубы белой пены.

Сзади шел тропотой приземистый и лохматый монгол белой масти под вестовым казаком. Когда шли шагом, монгол не отставал, с переходом-же на рысь, он должен был догонять впереди идущих карьером, причем доставалось не только коню, но и нагайке, удары которой сыпались часто на круп и крутые бока монгола.

Казак вестовой пыхтел своей трубочкой и мурлыкал себе под нос свою казачью песню про Тихий Дон и степи ковыльные азовские. На карьере он приседал в седле и, пригибаясь к луке хлестал своего конька нагайкой, придерживая левой рукой винтовку за шейку ложи у ноги.

Наши всадники, любуясь чудною панорамой гор и лесов, разукрашенных волшебной кистью маньчжурской «золотой» осени, тихо беседовали между собой, сдерживая коней, чтобы дать возможность вестовому держаться на определенной дистанции.

«Я тебя не понимаю!» — говорил отец Василий, обращаясь к своему спутнику — «Зачем ты связался с этой китаянкой? Ведь она тебе не пара! Неужели тебе мало тех женщин, которые липнут к тебе, как мухи на мед? Отправь ее к отцу, пока не нажил с ней крупных неприятностей! Ведь рано или поздно ты ее бросишь, когда она тебе надоест! Разве тебе ее не жалко? Ведь она еще ребенок! Кроме того, как твой духовный отец, я должен выразить тебе порицание, так как ты поступаешь не по христиански, как язычник, и своим поведением вносишь великий соблазн в души других, малых сих! Я беседовал с твоими казаками, они любят и уважают тебя, но не одобряют твоего поведения, в особенности старики и семейные. Одумайся, Вадим! Еще есть время! Пора тебе остепениться! У тебя такая чудная жена и прекрасные детки, а ты бросаешь их, меняя на случайных и в большинстве продажных женщин. Твоя жена святой человек и ума-палата, она простит тебе все твои грехи и, ради детей, вернется к тебе по первому зову, и ты вернешь свое счастье, выполнив долг мужа, отца и христианина».

Слушая своего духовного отца, Алатаев нервничал и, кусая губы, мечтательно смотрел в даль, где в туманной мгле горных ущелий догорали прощальные лучи заходящего солнца. Пограничная была уже недалеко, и ее неясные очертания намечались уже на склонах далеких сопок.

Приближался вечер. Из горных падей повеяло прохладой. В воздухе чувствовался аромат увядшей листвы и сырого дыхания земли.

На ближайших хребтах ревели изюбри и трубные голоса их, нарушая тишину тайги, звенели в чистом, как кристалл, горном воздухе скалистых отрогов Ван-лун-Чоу. Из болотистого кочкарника доносились хриплые крики куликов и кряканье уток.

Алатаев не сразу отвечал своему собеседнику, он был погружен в свои думы и собирался с мыслями.

Наконец, после продолжительного раздумья, как-бы очнувшись от сна, он проговорил:

«Я знал наперед, что ты мне скажешь, отец Василий! Слова твои меня нисколько не удивили! Как духовный пастырь, ты должен был это сказать. — И я не могу не согласиться с тобой принципиально. Ты конечно прав, но упустил из вида одно обстоятельство, а именно — мою обреченность, или, как говорят магометане «кысмет», т. е. судьбу. Надо тебе сказать, что у нас в Кабарде, когда я приезжал к отцу на побывку из Петербурга, одна древняя гадалка, славившаяся на весь северный Кавказ своими предсказаниями, по линиям моей руки, точно определи-

ла дату и причину моей смерти. Она сказала: «Линия жизни твоей упирается в число 33. Женщины стоят на твоем пути, но для тебя опасна только одна роковая черная женщина»! Мне теперь 31 год, значит жить мне осталось недолго! Стоит ли после этого связывать свою судьбу со святой женщиной, т. е. с женой, которую я все-же люблю, как человека, и оберегаю ее покой и благополучие. Я верю в судьбу; я фаталист в душе, как и мои предки магометане. Я молод, силен и полон жизненной энергии и, зная свою обреченность, хочу взять от жизни все, что она может дать хорошего. Я люблю природу, люблю охоту, люблю женщин, т. е. самое лучшее, что может дать жизнь, и я беру от нея все это в полной мере, не задумываясь над решением пустых жизненных проблем! Своим поведением никому зла я не причиняю; врагов у меня нет, если не считать нескольких «рогоносцев», а друзья мои пойдут за мной в огонь и в воду! К Ин-Тао я сильно привязался, в ней есть какая-то первобытная притягательная сила; но конечно скоро мы друг другу надоедим, и тогда она вернется к отцу. Как видишь, святой отец, я открыл тебе свою грешную душу и очень благодарен тебе за добрый совет и участие в моей судьбе, которая предопределена самим Провидением, по воле Всевышнего. Ничего не поделаешь, это и есть Кысмет! Нет Бога кроме Бога, говорят у нас в Кабарде старые джигиты, закрывая глаза и поглаживая свои длинные бороды... Ну вот, мы наконец и у цели!» — Сказав это, Алатаев спрыгнул с коня и, передав, поводья вестовому, помог сойти с седла отцу Василию, у которого от непривычки затекли ноги и разболелась поясница.

«Ну, спасибо тебе, мой сын!» — напутствовал его старик, целуя его в щеку и давая пастырское благословение. «Подумай над тем, что я сказал, и прежде всего отправь домой китаянку».

«Нет, святой отец, я никак этого сделать не могу! Ведь я ее не держу, она сама не хочет возвращаться домой!» — Отвечал Алатаев, провожая отца Василия к его дому. «Не говори глупостей, мой друг!» — возразил ему старик, остановившись и сверкая своим пронизывающим взглядом — «Ты умный человек и сам прекрасно понимаешь свою ошибку, но из какого-то упрямства и ложного самолюбия не хочешь в этом сознаться!» — «Ну, прощай, отец!» — произнес Алатаев, когда они дошли до ворот дома, где жил весь причт пограничненской церкви — «Благодарю за наставление и прошу не гневаться на великого грешника, судьба которого уже решена бесповоротно. Помолись за меня! Твоя молитва дойдет до Господа Бога и, может быть, облегчит мою участь на том свете!» —

«Не греши, сын мой! Все в руках Божьих, и ни один волос с головы твоей не упадет без Его воли! Если тебе действительно суждено умереть, то на это также Его святая воля, и предсказание твоей гадалки тут не при чем! . . Заходи ко мне! Моя попадья будет рада тебя видеть!»

«Нет, спасибо, отче! Уже поздно, надо спешить домой! Да и тебе не до гостей! Ложись спать и поцелуй за меня ручку матушки!» — Поцеловав руку отца Василия, Алатаев сел на «Чорта» и отправился в обратный путь, вдоль полотна железной дороги, минуя поселок станции Пограничной.

Находясь под впечатлением беседы с отцом Василием, Алатаев почему-то вспомнил стихотворение Лермонтова «Парус» и с большим чувством спел его, несколько раз повторив слова: «А он мятежный просит бури, как будто в бурях есть покой!»

Его конь, как-бы понимая настроение всадника, горячился и поры-

вался вперед и, чувствуя желание своего господина, ринулся вперед, как буря. Припав к луке, Алатаев поощрял его свистом и гиком.

Китайцы огородники ближайших хуторов, заслышав в тишине ночной топот, выбегали из своих фанз и, всматриваясь в темноту, ничего не могли разглядеть, кроме скачущего вихря и бешеного крылатого коня, из ноздрей которого со свистом вылетало шипенье и из под копыт сверкали искры.

«Это дракон! — говорили они между собой полушопотом — На нем сидит Черный Капитан! Он отправляется в гости к самому Великому Вану, на вершину Белой горы!»

Покуривая трубки и почесывая разогретые на канах бока, они возвращались в свои фанзы и долго еще перед сном рассказывали друг другу были и небылицы о таинственном всаднике, нарушившем их мирный сон своим полетом на крылатом коне.

Между тем, Алатаев, быстро обогнав своего вестового, приближался к станции Сяо-Суйфын, погруженной в крепкий полночный сон. Нигде огней не было видно, только лишь на стрелках тускло мерцали красные и зеленые фонари и в темноте на высоком семафоре, как одинокий кровавый глаз на маяке, блистал сигнальный огонек. Часовой у ворот сотни, еще издали узнав своего командира, вытянулся в струнку у будки. Отдав взмыленного коня дежурному по конюшне, Алатаев направился к себе домой, лаская мимоходом атаковавших его собак.

ВЕЩИЙ СОН.

Заслышав конский топот в тишине ночной, заамурцы, стоя на постах у полу-казарм, знали, что это никто иной, как командир сотни, ротмистр Алатаев, возвращается к себе домой на Сяо-Суйфын. Его вестовой плелся за ним о двуконь шагом, останавливаясь на каждом посту, побеседовать с часовым, выкурить с ним трубку махорки и поделиться впечатлениями; таким образом он добрался домой только под утро, когда занялась заря на востоке.

В это время Алатаев спал уже крепким сном у себя в кабинете, так как не хотел беспокоить Ин-Тао и будить ее в полночь.

На следующий день он встал по обыкновению рано и, приняв холодный душ из ледяной воды, отправился в сотню. Казаки были на коновязи, где производилась чистка лошадей.

Поздоровавшись с людьми, командир обошел вычищенных коней и, поглаживая их крупы рукой в белой замшевой перчатке, делал замечания казакам за недоброкачественную чистку.

Вахмистр Ерофеич был тут же и на каждое замечание командира хмурился, топорщил щетинистые усы и, сверкая белками глаз, исподтишка показывал виновному свой жилистый увесистый кулак. Казак чмыхал носом и, почесывая затылок, обыкновенно отвечал:

«Так что, Ваше Высокородие, никак невозможно дочистить, чтобы без пыли, потому это тебе не болонка, которую купает и чешет барыня, а конь, да еще монгол!»

На эту реплику командир только добродушно улыбался, а Ерофеич, делая странное лицо, бурчал вполголоса:

«Вот ты мне еще поговори! Я покажу тебе такую пыль, что больше

не захочешь!» Казак виновато ухмылялся и снова принимался за чистку своего коня. Увидев своих лошадей на отдельной коновязи, Алатаев подошел к своему любимцу «Чорту», который, почуяв хозяина, радостно заржал и стал волноваться, не слушаясь окриков конюха. Получив из рук господина кусок сахара и разжевав его, статный жеребец выразил ему свою любовь, целуя его в лицо и в голову. Алатаев также отвечал ему поцелуями и, лаская рукой по крутой шее, приговаривал:

«Знаю, знаю, что ты мой друг и любимец! Мой славный зверь и преданный товарищ! Только, знаешь, не кусайся, мне все-таки больно!» — Жеребец в это время, от избытка чувств, пощипывал зубами плечо и спину Алатаева, как это часто делают тошади, выражая свою любовь и преданность.

Осмотрев остальных своих лошадей, стоявших у коновязи, Алатаев пошел в канцелярию, где его ожидал с бумагами сотенный писарь.

Здесь, усевшись за письменный стол, покрытый облупившейся клеенкой, командир сотни углубился в чтение приказов по полку и по округу, причем, давая распоряжения вахмистру, делал свои отметки на полях.

Некоторые приказы казались совершенно невыполнимыми. Тогда командир сотни, выразительно смотря на своего помощника, произносил:

«Этот приказ, Ерофеич, надо исполнить во что бы-то ни стало! Я знаю, что это невозможно, но не исполнить нельзя, а потому прими меры!»

Ерофеич стушал со вниманием и в конце концов отвечал:

«Не извольте беспокоиться, Ваше Высокородие, все будет сделано как полагается, и приказ выполним в лучшем виде! Не в первый раз!» решив все канцелярские дела, Алатаев собирался уже идти домой, где его ожидала заботливая хозяйка с утренним кофе, но Ерофеич задержал его сообщением о появлении шайки хунхузов к югу от станции, у селения Санчагоу, верстах в пятидесяти.

«А откуда у тебя эти сведения?» — спросил командир сотни, выходя из казармы на двор.

«Вчера я был на базаре и там китайские купцы говорили об этом. Сведения эти принес какой-то нищий из Санчагоу. Говорят, что шайка большая, до двухсот человек. Требует с купцов выкуп.» — Сказав это, Ерофеич уставился на своего командира вопросительным взглядом, в ожидании дальнейших приказаний.

«Прекрасно! — произнес Алатаев, хлопнув стэком по голенищу сапога. — Сегодня разузнай хорошенько и достань лазутчика, а завтра чуть свет я буду с сотней под Санчагоу. Выступим сегодня вечером, когда стемнеет. Приготовь все, что нужно. Один взвод оставь здесь, на всякий случай. Подо мной пойдет «Алагез», так как «Чорта» я вчера загонял, провожая отца Василия. Теперь ты свободен. Можешь идти».

С этими словами Алатаев повернулся и быстрыми шагами направился к дому, сопровождаемый своими четвероногими друзьями, собаками разных пород и мастей, жеребятами, оленями, козами, волчатами и медвежатами. Все они наперебой спешили выразить свою привязанность хозяину и выражали это воем, лаем, визгом и ревом. Ин-Тао, услышав эти звуки, выбежала на двор и, бросившись к своему повелителю, повисла у него на шее. Взяв ее, как перышко, на руки, и покрывая ее раскрасневшееся личико поцелуями, Алатаев взбежал на крыльцо и скрылся с нею в глубине дома.

«Сегодня я видела нехороший сон! — объявила китаянка, когда

Алатаев усадил ее в кресло за столом, где кипел уже самовар и бурлил кофейник, выбрасывая клубы ароматного пара.

«Снам ты не верь! Это все пустяки и бабьи выдумки!» — отвечал он, принимая из рук Ин-Тао чашку кофе со сливками.

«Нет, милый Вадим, ты неправ! — возразила ему китаянка, делая серьезное лицо. — Мы китайцы верим в сны, которые часто бывают вещими и пророческими. Моя покойница мать умела их разгадывать, я же не умею!» — «Какой же нехороший сон ты видела, моя крошка? Я тебе его разгадаю!» — произнес Алатаев, гладя по голове ручного леопарда, Барса, вошедшего со двора, где он нежился под горячими лучами осеннего солнца, после сытого завтрака из сырого мяса, полученного на кухне от кашевара.

«Я видела себя в цветах и в белом платье. Белые голуби летали надо мной, и один из них унес меня на своих крыльях в далекое небо. Я знаю, что это нехорошо и сулит мне какое-то несчастье, а может быть и смерть!» — Сказав это, Ин-Тао закрыла глаза рукой и застыла в неподвижной позе. В это время к ней подошел Барс и, громко мурлыкая, стал тереться своей плоской лобастой головой о ее колени.

«Вот ты и не знаешь! — отвечал ей Вадим, наливая на блюдечко молоко для Барса и ставя его на пол возле себя. — Белые голуби — это хорошо, а черные — плохо! Значит, тебе ничего плохого не будет, а наоборот, все хорошее!»

«Ты говоришь так только потому, чтобы меня успокоить, дорогой Вадим! — возразила ему китаянка сквозь слезы, которые навертывались на ее глаза, — а сам наверно думаешь совсем другое!»

«Нет, моя маленькая птичка, я говорю искренно и советую тебе поскорее забыть этот сон. Тебе нечего бояться у меня под крылышком!» — Сказав это, Алатаев, немного подумав, проговорил:

«Сегодня вечером я ухожу в разведку на хунхузов и завтра к вечеру вернусь обратно.»

«Вот видишь, я так и знала, что сон этот нехороший! Он предвещает мне большую беду! — ответила Ин-Тао, привлекая к себе Барса и кладя его красивую пятнистую голову к себе на колени. Могучий зверь, поддаваясь ласкам маленькой женщины, прижался к ней всем своим упругим стройным телом и, щуря большие желтые глаза, тихо мурлыкал, напевая свою звериную песенку. Длинный пушистый хвост его извивался, как змея, и самый кончик его вздрагивал, обнаруживая внутреннее волнение.

Ин-Тао спрятала свое заплаканное лицо в пушистый мех красавца-хищника и гладила его плоский широкий лоб своей изящной рукой.

Глядя с умилением на эту прекрасную идиллию, Алатаев, смеясь, проговорил: «Тебе нечего бояться, моя милая: у тебя есть такой надежный кавалер и защитник, как наш Барс! Он наверное влюблен в тебя и является моим соперником! Я даже испытываю муки ревности!»

«Ты все шутишь, милый Вадим! — отвечала китаянка, вставая из-за стола и поправляя прическу, — а между тем я говорю совершенно серьезно: я боюсь не за себя, а за тебя! Хунхузы могут тебя ранить или убить, и тогда я пойду за тобой в царство теней, к нашим предкам!»

Выслушав свою маленькую подругу, Алатаев разразился смехом и, обнимая ее, сказал:

«Ну, и насмешила же ты меня, моя птичка! Еще не родился тот хунхуз, который должен меня убить! Сколько уж мы их уничтожили, а русских убито очень мало!..»

В это время Барс протиснул свое плоское, гибкое тело между ними и, громко мурлыкая, старался отстранить Алатаева.

«Ты посмотри, что он делает! — воскликнул Вадим, стараясь не рассмеяться. — Он ревнует тебя ко мне и хочет нас разъединить! Ай да Барс! Вот молодчина! Видно, что мой воспитанник!» — Сказав это, он отошел в сторону, после чего хищник, тихо мурлыкая и зажмурив глаза, стал лизать своим шершавым языком руки Ин-Тао. — «Вот это я понимаю! Это настоящая любовь зверя к женщине! Ну, желаю вам счастья, мои милые дети! Мне некогда, я иду в сотню! Надо приготовиться к походу. К обеду вернусь, не раньше!» — Произнеся эти слова, Вадим крепко поцеловал китаянку в губы и потрепав по шее Барса вышел из комнаты, насвистывая свою любимую песенку из «Цыганского барона».

Ввиду теплой погоды обедали на веранде, причем Барс не отходил от своей госпожи и лежал около нее на полу. Кончик хвоста его постоянно вздрагивал, что свидетельствовало о нервном настроении зверя. Алатаев это заметил и после обеда, отдыхая в кресле-качалке, произнес, обращаясь к Ин-Тао:

«А Барс почему-то нервничает! Видно, зверь что-то чует! Уж не тоскует ли он по воле? А оставить нас ему жалко! Ведь ему уже два года, он почти взрослый и ему требуется подруга, как и всякому живому существу.» Барс как будто понимал эти слова и, лежа на ковре, у ног своей госпожи, поворачивал голову и прислушивался.

Ввиду предстоявшего ночного похода командир сотни лег отдохнуть у себя в кабинете, приказав деньщику разбудить себя под вечер, когда солнце будет уже на закате.

Ин-Тао ушла в спальню, куда позвала старую маньчжурку-аму, чтобы не оставаться одной со своими невеселыми мыслями.

Барс не отходил от нее ни на шаг и нервно подергивал хвостом, как только слышал чьи-нибудь шаги или шум со двора.

Старая маньчжурка также разделяла опасения своей госпожи относительно дурного сна и, видя нервное настроение зверя, говорила:

«Это не к добру! Он чует опасность и дает нам знать об этом, но его не понимают, поэтому он и неспокоен.»

Когда стемнело, сотня была готова к выступлению в поход и вахмистр Ерофеич делал свои последние распоряжения по хозяйственной части, находившейся в опытных руках старого урядника Думнова, бывшего когда-то ординарцем у генерала Скобелева во время взятия Геок-Тепе в Закаспие. Со своими четырьмя Георгиевскими крестами он никогда не расставался, и молодые казаки изводили его, спрятав ордена под подушку; но старый ветеран, носивший на себе много пулевых и сабельных ран, никогда не сердился и только обзывал озорников «щенятами», награждая их отеческими оплеухами и подзатыльниками. На этого ветерана оставлялась казарма и все имущество, когда сотня уходила в разведку, на охоту или в погоню за хунхузами. На этот раз он также оставался за «набольшого» и принимал от своего бывшего боевого товарища Ерофеича наставления и наказы.

Когда ночные тени легли на горы и леса Тайпинлина и молодой месяц показался над долиною Сяо-Суйфына, сотня выступила в поход и вытянулась, справа по три, по горной тропе, извивающейся по тайге на юго-восток, через перевал Ванг-Лун-гоу в долину Большого Суйфына, катящего свои бурные воды в Амурский залив Японского моря. Движение сотни было совершенно бесшумно. Не слышно было

ни лязга оружия, ни ржания коней, ни топота копыт. Никто не знал о походе, но какие-то темные тени мелькали на опушке зарослей на сопке, а зоркие глаза следили за движением отряда.

Пустив сотню вперед с Ерофеичем, Алатаев остался на полчаса дома, так как Ин-Тао ни за что не хотела отпускать его от себя и, обнимая своего возлюбленного, уговаривала его остаться, что он исполнить конечно не мог, да и не хотел, считая все страхи и худые предзнаменования женскими предрассудками. Наконец, вырвавшись изъ объятий своей маленькой птички, он вскочил на заждавшегося Алагеза и скрылся в темноте ночи.

Когда Алатаев выходил из дома, а затем переправлялся через речку вброд, он, несмотря на темноту наступившей ночи, заметил какие-то тени, мелькавшие невдалеке. Сначала он не обратил на них никакого внимания, но потом, когда узнал в них человеческие фигуры, осадил коня и стал всматриваться. Силуэты людей то появлялись, то исчезали в темноте, двигаясь в одну сторону. Ему это показалось подозрительным и, вынув револьвер из кобуры, он стал приближаться к одной из фигур, остававшейся неподвижной.

Подъехав вплотную, он убедился, что это был нищий одноглазый китаец, высокого роста и крепкого сложения.

«Ты что тут делаешь, каналья?» — спросил его Вадим, поднося к его носу зажженую спичку. Китаец сразу же съежился, присел и тряся головой ответил: «Прости, капитан, что я тебя побеспокоил! Я тут собираю гнилушки из старых пней для лекарства; они ночью светятся и их тогда легко найти. Вот, посмотри!» — сказав это, он указал рукой на ближайший пень сломанного бурей дуба, который слабо светился в темноте, мерцая зеленоватым огоньком среди густых зарослей дикого винограда.

Только теперь Алатаев вспомнил, что он видел этого полуслепого нищего на сотенном дворе, которому он сам подал милостыню по настоятельной просьбе доброй Ин-Тао.

Осмотревшись вокруг и не заметив ничего подозрительного, он тронул коня и, спрятав оружие в кобуру, пошел рысью, стараясь догнать ушедшую вперед сотню.

Хотя полуслепой нищий и не возбуждал никаких подозрений, но самая фигура его, отличавшаяся атлетическими формами, наводила на размышления. «Уж не соглядатай ли он или разведчик, этот нищий! — думал про себя командир сотни, пробираясь верхом по тайге, по следам своего отряда. — Что-то в нем мало нищенского и весь вид у него разбойничий! Напрасно я его отпустил! Надо было отвести его в сотню и задержать до моего возвращения! Ну, да ничего, успею еще пощупать его, когда вернусь!»

Такие мысли приходили в голову Алатаеву, когда он поднимался на крутой перевал Вон-Лун-чоу предостави в коню самому искать верный путь в темноте дремучего кедровника, покрывавшего весь склон горного хребта.

По временам «Алагез» тревожно вздрагивал всем телом, прядал ушами и и озирался по сторонам, замедляя ход. Ноздри его раздувались и, втягивая в себя свежий влажный воздух тайги, он чуял близкое присутствие страшного хищника, владыки лесов, наблюдавшего из дремавших зарослей за одиноким всадником, приближавшимся к перевалу, где стояла древняя кумирня, посвященная Великому Дракону каменных твердынь Тайпинлина.

ПОХИЩЕНИЕ ПТИЧКИ.

Когда командир сотни, пришпорив коня, скрылся в темноте ночи, «Одноглазый» подал условный сигнал своим людям. Услышав крик болотной совы, они стали выползать из зарослей и темные силуэты их замелькали на опушке тайги, сближаясь к одному месту, где виднелась высокая фигура их предводителя. Их было десять человек, все отборные, готовые на всякое злодейство и преступление разбойники. Зверское выражение их лиц говорило само за себя.

В ближайшем к казарме овраге стояли их оседланные кони при двух верховых хунхузах.

Собрав вокруг себя свой отряд «одноглазый» в кратких словах объяснил задачу похищения китаянки, дочери купца, и, распределив каждому роли, в конце добавил:

«Помните, что удача предприятия принесет вам хороший фацай, а неудача будет стоить жизни! В плен живым не сдаваться; если я буду убит и женщину нельзя будет взять живой, — прикончить ее кинжалом, чтобы она не досталась белым дьяволам! Стрелять только в крайнем случае, а действовать ножем, зубами и руками! Главное в нашем деле — скрытность и тишина. Женщину я захвачу сам! Каждый из вас знает, что он должен делать!»

Сказав это, «одноглазый» пригнулся к земле и пополз, скрываясь за камнями и высокой травой, к дому командира сотни, стоявшему в стороне от казарм, недалеко от таежных зарослей.

Хунхузы были одеты легко и вооружены револьверами и ножами. Движение их было совершенно бесшумно и незаметно.

Через полчаса они были уже под стеною дома командира, и один из них, бывший в прежнее время стекольщиком, занялся выемкой стекла из оконной рамы. В пять минут стекло было бесшумно вынуто и двустворчатое окно открыто настежь.

Времени терять было нельзя! Первым влез в окно стекольщик; но как только он спрыгнул с подоконника на пол, на него бросился из темноты проснувшийся от шума Барс и вцепился ему в горло своими страшными острыми клыками. Видя это «одноглазый» одним прыжком очутился в следующей комнате. Это была спальня, где, прикрывшись теплым плюшевым одеялом, спала крепким сном, накурившись опиума, Ин-Тао. Кбадучись подойдя к спавшей женщине, «одноглазый» скрутил ей руки назад, а чтобы она не кричала, заткнул ей рот тряпкой. Затем, завернув ее в одеяло, взвалил к себе на плечо и выпрыгнул со своей ношей в окно. Тем временем двое других хунхузов таким же образом скрутили старую маньчжурку аму; но с нею им пришлось повозиться, так как она оказала сопротивление и, прежде чем ее связали, искусала пальцы обоим бандитам.

Покончив со старухой, хунхузы поспешили ретироваться, но у самого окна подверглись нападению Барса, который, задушив стекольщика, бросился сзади на одного из них и, повалив его на пол, впился ему в затылок своей окровавленной пастью. Остальные хунхузы, бросив своих мертвых товарищей, пустились что есть духу бегом, вслед за своим предводителем, легко уносившим на плече живую ношу.

Добежав до оврага, где были спрятаны кони, «одноглазый» перекинул через седло неподвижное тело Ин-Тао и, вскочив на лошадь, пустился

рысью на ближайший хребет, а за ним и весь его отряд, состоявший теперь из восьми человек.

Хунхузы вытянулись гуськом, ведя в поводу двух коней тех их товарищей, которые попались в зубы страшного Барса.

Это похищение было проделано с такой быстротой и в такой тишине, что деньщик Алатаева, немного тугой на ухо, ничего не слышал и продолжал храпеть на кухне как ни в чем не бывало.

Задушив второго хунхуза и потрогав его мягкою бархатистой лапой, Барс вернулся в спальню и не найдя там своей госпожи, стал искать ее везде. Подойдя к старой маньчжурке и обнюхав ее посиневшее лицо, он завыл, сначала тихо и протяжно, а потом его вой перешел в грозное рыканье, от которого проснулся в конце концов глухой деньщик Игнат.

Послушав то жалобный, то грозный рев хищного зверя, казак быстро вскочил с постели и, пройдя столовую, подошел к двери спальни и стал прислушиваться, наставив здоровое ухо на замочную скважину; но ничего, кроме звериного рева, не было слышно.

«Что за оказия? — думал про себя вслух Игнат, стоя у дверей спальни и пробуя ее открыть, — Никогда еще Барс не рычал так, да еще и среди ночи. Дело неладно! Надо пойти посмотреть в окно!» — С этими словами, накинув на плечи шинель, Игнат вышел из кухни и обойдя весь дом, очутился у отворенного настежь окна.

«Эге! — вырвалось у него невольное восклицание, — Почему же окошко-то открыто? Это неспроста!» — Сказав это, деньщик влез на подоконник и спрыгнув на пол, наступил на что-то мягкое и упругое.

«С нами крестная сила! — проговорил он, зажигая спичку и освещая внутренность комнаты, — никак здесь мертвяки!»

Увидев трупы хунхузов с перекушенными шеями и страшными, перекошенными смертельным ужасом лицами, он бросился в спальню, предполагая, что женщины перебиты. Здесь встретил его Барс глухим злобным ворчаньем, но узнав своего, хищник подошел к нему и тихо мурлыкая, стал тереться головой о его колени. Тут же на полу лежала, связанная по рукам и ногам, старая маньчжурка. Она тяжело дышала и увидев Игната только вращала глазами, причем, при свете зажженной свечи, сверкали ее белки из-под нависших бровей.

«А где же наша барышня?» — спросил ее Игнат, вынув у нее изо рта кляп и развязывая веревки.

Отдышавшись немного, она заговорила:

«Ин-Тао забрали хунхузы! Капитану не надо было уходить! Никаких хунхузов в Санчагоу нет! Его обманули, чтобы легче было выкрасть дочку купца! Я это знала, но молчала, так как меня, старую женщину, все равно никто не послушал бы! Ее увез «одноглазый», вероятно по просьбе отца! Но все это напрасно, так как она и сама скоро бы вернулась к нему! Так всегда бывает! А теперь ничего хорошего не будет! Кровь уже пролита и впереди ее будет еще много! Когда люди горячатся, толку не жди!» — Сказав эти слова, старуха от слабости прилегла на тахту и, закрыв глаза, заснула.

«Что же! — сказал сам себе Игнат, когда выяснилось положение, — теперь надо будить вахмистра, дело-то вышло неладное! Барс, ты оставайся здесь, сторожи дом, а я пойду в сотню, доложить начальству!» — После этого Игнать вышел к себе на кухню и, надев папаху, отправился будить вахмистра.

«Господин вахмистр, вставайте! — стучал Игнат в дверь кулаком, стараясь разбудить казака Думнова, исполнявшего обязанности на-

чальника сотни. — Беда приключилась! Хунхузы увели командирскую барышню!»

Думнов, клюкнувший, по обыкновению, на сон грядущий изрядную чарку ханы, не мог сразу придти в себя и что-то мычал себе под нос, не отдавая себе ясного отчета в происходящем; но при слове «хунхузы» он сразу очнулся и, ругаясь непечатными словами, появился на пороге своей комнаты в полной «боевой», т. е. при шашке и опорках на босу ногу.

«Что это ты городишь! — гаркнул он на Игната, стоявшего перед ним навытяжку. — Какие там тебе померещились хунхузы?»

«Так точно, господин вахмистр! — отвечал ему казак, почесывая затылок и переминаясь с ноги на ногу. — Извольте посмотреть сами! Двоих хунхузов задавил командирский Барс, а барышни и след простыл! Не инача, как хунхузы ее выкрали!»

«Да что ты врешь, оголтелый! — накричал на него снова Думнов, подтягивая потуже ремень с кобурой от револьвера. — Разве может это быть в нашей сотне? Никогда не поверю! Тебе все это приснилось с пьяных глаз!»

«Зачем приснилось! — возражал деньщик, отстаивая справедливость своих слов и впадая в амбицию. — Слава Богу, я еще не пьян, как другие, и видел все своими глазами!»

«Ну, ладно, пойдем посмотрим!» — произнес наконец Думнов, придя окончательно в себя, и приказал дежурному по сотне будить людей и седлать коней. Все слова Игната подтвердились, когда Думнов с казаками осмотрели квартиру командира сотни.

Не найдя молодой китаянки, которую выкрали хунхузы, Думнов, почесывая затылок, сказал, обращаясь к казакам:

«Вот ребята, стряслась над нами беда! У нас из-под самого носа хунхузы украли командирскую барышню! Ведь это срам и позор для казаков! Что мы теперь скажем своему командиру? Что мы не уберегли? Проспали? Пока еще не поздно, надо идти в погоню! Отобьем кралю, а иначе позор ляжет на наши головы и даже бабы нас засмеют! Я сам пойду с вами, а при казарме останутся дежурный и дневальные, да кашевары с хлебопеками!»— Затем, приказав вытащить мертвых хунхузов в овраг, Думнов, несмотря на ночную темень, повел свой отряд, состоявший из двенадцати человек, по следам хунхузов в тайгу.

Барс, исполнив свой долг преданного сторожа, никак не мог успокоиться и бродил по дому и по казарменному двору, громко мурлыкая и скаля зубы на собак, с которыми раньше был в большой дружбе. Этот случай с хунхузами разбудил его дремавший инстинкт хищника, кровь его опьянила, и он искал, на ком бы излить свою злобу и кровожадность. Собаки, заметив его возбужденное состояние, стали к нему приставать и заигрывать, но хищник вовсе не был расположен к шуткам и увертывался от своих назойливых товарищей; но они не поняли его деликатного предупреждения и начали его задирать без всякой церемонии. Наконец Барс, выведенный из терпения, бросился на одну из собак и задавил ее, перекусив ей затылок. Остальные собаки, видя это, атаковали Барса со всех сторон, и началась ожесточенная драка, не на живот, а на смерть. Это произошло рано утром, когда казаки выводили коней на коновязь. Услышав шум, вой и лай собак, казаки сбежались к месту побоища и сначала не могли разобрать, в чем дело, но трупы нескольких собак с перекушенными шеями и участие в свалке Барса заставили их немедленно принять меры к прекращению драки.

Нескольких ведер холодной воды, вылитых на головы бойцов, было совершенно достаточно, чтобы унять пыл драчунов. Собаки с поджатыми хвостами разбежались в разные стороны, а Барс, стряхнув с себя наседавших псов, как ни в чем не бывало, громко мурлыкая, подошел к людям и начал к ним ласкаться, как бы жалуясь на жестокую несправедливость своих прежних друзей и товарищей.

Поле битвы было залито кровью и полдюжины собачьих трупов лежали на казарменном дворе.

Поглаживая Барса по голове и пушистым бокам, казаки говорили:

«Ты, Барс, молодец и герой! Не ударил лицом в грязь, когда ворвались в командирский дом хунхузы! Но вот зачем же ты подавил наших собачек? Это не полагается и против устава! Своих бить нельзя! За это ты должон понести дисциплинарное взыскание! Как бы не посадили тебя под арест!»

Хищник как будто понимал обращенные к нему слова и, виновато улыбаясь углами губ, терся головой о колени казаков.

На общем совете решено было посадить Барса на цепь около крыльца командирского дома, а мертвых собак свалить в тот овраг, куда были сброшены трупы убитых Барсом хунхузов.

Сидя на цепи, хищник никак еще не мог успокоиться и как маятник ходил от крыльца до угла дома и назад. Кончик хвоста его постоянно вздрагивал, полуприщуренные желтые глаза по временам широко открывались и в глубине их искрились таинственные фосфорические огоньки.

После смертельного побоища, сконфуженные и потрепанные псы забились по углам сотенного двора и выходили оттуда только для кормежки, когда раздавался сигнал к обеду и к ужину. В сторону Барса они даже не смотрели, игнорируя его совершенно, считая вероятно его главным виновником побоища. При виде собак у Барса суживались зрачки, показывались из-за губ верхние клыки и конец хвоста конвульсивно вздрагивал. Мир между ним и собаками был нарушен и, повидимому, не было никаких надежд на его восстановление. Собачья и кошачья психологии резко расходятся друг с другом.

Старая маньчжурка-ама, глубоко потрясенная событиями последней ночи, серьезно заболела и отлеживалась в своей каморке, тяжело вздыхая и вспоминая свою молодую госпожу.

Казаки также были подавлены всем происшедшим и ходили как в воду опущенные и пришибленные. Конечно, им нисколько не было жалко командирской барышни, но самолюбие их страдало от сознания, что они не оправдали доверия командира сотни и прозевали хунхузов самым постыдным образом.

Весь поселок при станции на другой же день узнал о нападении хунхузов и о похищении ими китаянки, и притаился в ожидании возвращения командира сотни. Зная его крутой нрав и решительный характер, китайцы опасались самого худшего и многие, дававшие сведения о хунхузах в Санчагоу, покинули свои фанзы и лавки, уехав на Пограничную.

Алатаев догнал сотню уже в самом Санчагоу и узнал от Ерофеича, что здесь никаких хунхузов не было. Это показалось ему весьма подозрительным, что он и высказал своему вахмистру.

«Так точно, Ваше Высокородие!—ответил ему Ерофеич, прищурив один глаз и поглаживая рукой пышные усы. — Дело нечисто! Видимо, кому-то надо было удалить сотню со станции, вот и выдумали хунхузов! А их тут и вовсе не было!»

«Знаешь что, Ерофеич, — проговорил наконец командир сотни после некоторого раздумья, — я предвижу, что хунхузы перехитрили нас. Они нас отвели в сторону, а сами, пользуясь нашей глупостью, сделали нападение на Сяо-Суйфын. Нам надо не теряя времени возвращаться домой! Может быть мы застанем еще хунхузов на станции!» Сказав это, Алатаев вопросительно взглянул на своего помощника.

«А я так думаю, Ваше Высокородие! — отвечал Ерофеич, почесывая свой круглый бритый затылок. — У Думнова достаточные силы для отражения любой шайки, и хунхузы это знают и не рискнут нападать. Да и не к чему! Станция наша не богатая и нет больших купцов, а риск для хунхузов огромный! Конечно, дело это темное, и нам надо поскорее возвращаться, только вот лошадям и людям необходимо дать отдых. Ведь они всю ночь шли! Вот пообедаем, а потом двинемся обратно к себе домой!»

«Нет, Ерофеич! — возразил ему Алатаев, сверкая глазами и хлопая себя по голенищу стэком, — Ты можешь себе с сотней отдыхать и обедать, а я сейчас же скачу обратно, так как предчувствие говорит мне, что потеря времени смерти подобна. Кто хочет идти со мной, пусть седлают. Через полчаса я возвращаюсь домой. Объяви это людям.»

«Слушаюсь!» проговорил покорно Ерофеич и вышел из фанзы, где остановился командир сотни.

Ровно через полчаса снова появился Ерофеич и доложил, что вся сотня желает идти с командиром и стоит в походном порядке на северной окраине поселка в ожидании дальнейших приказаний.

«А, вот и прекрасно! — произнес Алатаев садясь на «Алагеза», подведенного вестовым. — Я так и думал, что мои казаки пойдут со мной куда угодно, хоть в самое пекло!» — С этими словами командир сотни собрал удила и, дав шпоры коню, поскакал полевым галопом по дороге, поднимая за собой облака пыли. Сотня стояла в походном порядке, справа по три, и напряженно ждала своего орла-командира. Поровнявшись с задними рядами, Алатаев крикнул своим зычным голосом: «Здорово, молодцы!» — на что вся сотня, как один человек, дружно ответила: «Здравия желаем, Ваше Высокородие!» Далекие лесистые горы вторили этим звукам, и пара беркутов, паривших, распластав могучие крылья, в синем небе, откликались им пронзительным клекотом.

Сотня двигалась за своим командиром, гнавшим своего коня переменным аллюром, нигде не останавливаясь; только у кумирни Ван-Лун Гоу была сделана небольшая передышка и напоены кони из студеного ручья, выбивавшегося из скалы стремительным каскадом, прыгавшим по камням среди зарослей лиан и винограда, пестревших красными и золотыми листьями осени.

Не доходя верст пять до станции, Алатаев не выдержал ожидания

и пустил Алагеза карьером, предупредив Ерофеича, чтобы люди спешились и вели коней в поводу.

Подскакав к воротам казарменного двора, соскочив с седла и бросив поводья дневальному, он стремительно бросился к своему дому и, вбежав на кухню, не здороваясь, спросил не ожидавшего его Игната:

«Барышня Ин-Тао дома?» — Вид у командира сотни был так необычен и страшен, что Игнат, ни слова не говоря, упал на колени и опустил голову на грудь.

Зарычав как дикий зверь, Алатаев устремился как ураган в спальню, где старая маньчжурка складывала и прибирала вещи своей госпожи.

Увидев русского капитана, она от неожиданности села на пол и, почувствовав на своем плече тяжелую руку, заговорила задыхаясь:

«Ин-Тао нет, ее увезли хунхузы ночью, когда капитан был в отсутствии. Они влезли в окно, когда все спали. Один только Барс защищал нас и умертвил двух хунхузов. Капитану не надо было оставлять нас! Я знала, что этим кончится, так как отец Ин-Тао очень упрям и решителен. Это он подослал сюда хунхузов; они же отвели капитана в Санчагоу. . .» — Старуха еще продолжала причитать, как Пифия, но Алатаев ее уже не слушал и занялся осмотром окна, в которое влезли хунхузы. Теперь он ясно отдавал себе отчет во всем происшедшем и понял, что сам был во всем виноват. Предаваться отчаянию было нельзя, надо было взять себя в руки и действовать, пока не поздно.

Выйдя на двор, он увидел барса, привязанного на цепь. Хищник рванулся к нему, но короткая цепь не позволяла приблизиться.

«Бедный мой Барсик! Кто это посадил тебя под арест!?» — С этими словами он подошел к зверю и снял с его шеи ошейник. Почувствовав свободу, Барс не знал, как ему выразить свою любовь и привязанность к своему воспитателю. Он терся головой о его колени, лизал руки Алатаева, и наконец, поднявшись на задние лапы и положив передние на его плечи, стал лизать своим шершавым языком его лицо. Алатаев гладил его широкий плоский лоб и целовал своего питомца в глаза и в щеки.

В это время сотня, ведя коней в поводу, вступила на казарменный двор. Ерофеич, увидев своего командира с Барсом, поспешил к нему за дальнейшими приказаниями. Казаки уже знали, что произошло в их отсутствие, и лица их, хмурые и решительные, говорили о настроении станичников. Они во всем обвиняли старика Думнова, прозевавшего хунхузов, и просили командира сотни отпустить их на поиски бандитов.

«Это позор для нас вечный! — говорили казаки, тряся своими чубами. — Надо во что бы то ни стало разыскать разбойников. Мы им покажем, что такое казаки! Пусть командир ведет нас в тайгу на розыски!»

Такие разговоры слышались в сотне. Алатаев знал о них, но сдерживал себя, зная, что в настоящий момент горячность и торопливость могут окончательно испортить дело. Надо было действовать обдуманно и планомерно.

Позвав к себе в кабинет Ерофеича и рассчитывая на его житейский опыт, Алатаев усадил его в кресло и вступил с ним в откровенную деловую беседу.

«Во всей этой истории, — говорил командир сотни, — виноват я сам. Думнов поступил правильно, преследуя хунхузов, но нам тоже надо идти вслед за ним, иначе они увезут китаянку в Корею, и тогда все пропало. У отца в Сансине ее искать нечего: туда ее не повезут, они не дураки. Они спрячут ее в какой-нибудь таежный трущобе, пока все

не успокоится, а потом отвезут ее к отцу, но это нескоро. Что ты думаешь на этот счет, Ерофеич? — Произнося это, Алатаев стал гладить Барса, покорно улегшегося у его ног.

«Ваше Высокоблагородие! — отвечал вахмистр, поправляя портупею шашки на своей широкой груди. — Я думаю, что нам надо подождать донесения от Думнова, а завтра, разбив всю сотню на мелкие отряды по шесть человек, пустить ее облавой по тайге в том направлении, куда ушли хунхузы. Другого способа открыть негодяев я не вижу. Может быть Думнов напал на их свежий след, тогда он их не упустит. Казаки сами рвутся в тайгу, чтобы смыть с себя позор, но их надо направлять, иначе они погорячатся и натворят глупостей. Я уже сделал распоряжение насчет завтрашнего похода и разбил сотню на ячейки, приказав взять фуража и продуктов на неделю. Мы таким манером осветим тайгу по фронту верст на пятьдесят и в глубину верст на полтораста, до самой корейской границы. За ночь кони и люди отдохнут и выспятся, а завтра чуть свет с Божьей помощью в тайгу на разведку! Сдается мне, что хунхузы от нас не уйдут! Какие же мы тогда казаки, если упустим их из под самого носа!».

«Ну хорошо, Ерофеич, действуй, а я сейчас поужинаю и завалюсь спать. Устал смертельно». — Сказав это, Алатаев отпустил вахмистра и вышел в столовую, где его ожидал Игнат с горячим ужином.

На следующий день чуть свет почти вся сотня во главе с командиром ушла в тайгу на розыски. При штабе остался только вахмистр Ерофеич и хозяйственные чины, так как предстояла заготовка продуктов на зиму и перевозка сена из лугов к станции. Ерофеич был занят с утра до вечера заботами чисто хозяйственного характера, т. к. на нем лежала вся ответственность по довольствию сотни и снабжению ее всем необходимым. Имея огромный опыт и практическую смекалку, он делал свое дело с толком и не торопясь, вследствие чего сотня отличалась не только в ратном деле, но и в хозяйственном отношении, т. е. люди и кони всегда были сыты, а это считалось самым главным достоинством воинской части, т. к. в те времена, несмотря на баснословную дешевизну продуктов, их трудно было достать в нужном количестве. Командир сотни в это дело не вмешивался, предоставив его своему верному помощнику, будучи уверен, что в его руках оно только выиграет.

Сотня, разбитая на ячейки, рассыпалась по горам и лесам к югу и к северу от станции, обыскивая все тропы и фанзы звероловов, в поисках следов шайки хунхузов, похитивших китаянку.

Барс, отпущенный на свободу Алатаевым, на другой же день ушел в сопки и не возвращался. Китайцы угольщики видели его в десяти верстах к югу от станции, где он охотился на коз и горалов. Когда они стали звать его по имени, он подошел к ним и улегся на песке, возле угольной ямы, но вскоре ушел в тайгу, где, по слухам, задушил искателя жэнь-шэня, когда тот, не зная, что это ручной зверь, замахнулся на него палкой. Это нагнало такую панику на таежников, что многие, бросив свои фанзы, вышли на линию железной дороги, ближе к населенным местам.

Дня через два Думнов прислал двух казаков с донесением, что, преследуемая им шайка разделилась на три группы, и в которой из них находится китаянка — неизвестно. Свой отряд он также разделил на три части и продолжает преследование.

Присланных Думновым казаков Ерофеич снабдил продуктами и

фуражем и на другой же день послал в тайгу к командиру сотни с донесением Думнова о результатах его разведки.

Алатаев облетел со своим отрядом из шести человек всю тайгу, до самой границы, но никаких следов найти не мог; теперь же, посылая к нему донесение Думнова, Ерофеич был уверен в успехе, так как хунхузы повидимому попали в кольцо и выхода для них не было. Заняв все дороги и таежные тропы, казаки загнали их в ловушку. Кольцо это быстро суживалось и конец бандитов был близок.

Отец Ин-Тао узнав, что его дочь увезена «одноглазым» в тайгу, послал на Сяо-Суйфын своих верных людей, которые должны были облегчить хунхузам доставку Ин-Тао в Сансин.

Все подозрительные и пришлые китайцы задерживались в тайге казаками и препровождались в штаб сотни, где содержались под арестом в казарме; таким образом, большая часть агентов Футая была лишена свободы и бездействовала.

Отец Ин-Тао был в отчаянии и, сознавая свое бессилие, принужден был отказаться от активной помощи хунхузам, предоставив все судьбе, которая складывалась не в его пользу.

Барс, отведавший человеческой крови, послушный зову предков, начал охотиться за людьми и душил их, перегрызая им горло. Казаки часто находили трупы умершвленных им таежников и полагали, что хищный зверь мстит китайцам за ночное нападение и похищение женщины.

«Наш Барс молодец! — говорили станичники, покуривая свои люльки и заламывая папахи на бритый затылок. — Исправно несет свою службу и помогает нам в поимке разбойников! Теперь он такого страху на них нагнал, что долго помнить будут! Ведь вот, поди-ж ты, наших он не трогает, да и мирных поселян также, а режет только таежников, так как все они одним миром мазаны, все они хунхузы. Умный зверюга, что и говорить! Вот только, долго он не протянет: сложит свою голову под китайский топор, или хунхузскую пулю! А жаль его будет, ведь он наш сотенный питомец! Наша сотенная сука, «дамка», его и выкормила! Да, ничего не поделаешь: видно его такая уж судьба, или кысмет, как говорят татары!».

Так баяли между собой казаки, сидя у таежного костерка, в глухую осеннюю ночь, под неумолчный шум горного ручья и дикие песни таинственного дремучего леса.

Получив донесение от Думнова, Алатаев поспешил с ним соединиться и, узнав от задержанного зверолова, где находится Одноглазый с китаянкой, направился туда со своим отрядом, отрезав все пути отступления для хунхузов.

Место, где укрылся «одноглазый», находилось в сорока верстах к югу от линии железной дороги, в верховьях Большого Суйфына, на старых заброшенных золотых приисках, в глухой тайге, среди каменных россыпей и непроходимых зарослей. Никаких троп и дорог здесь не было: полуразвалившаяся фанза была наскоро укреплена хунхузами и сделаны засеки из срубленных деревьев.

Убедясь в безвыходности своего положения, «одноглазый» решил обороняться до последней возможности. У него было восемь человек, вооруженных револьверами и ножами. Поседланные кони стояли вблизи фанзы, в глубокой балке. Фанза охранялась двумя часовыми, находившимися на деревьях.

СМЕРТЬ ПТИЧКИ

Дремучая суровая тайга обступила со всех сторон старый, давно брошенный золотой прииск. Столетние кедры вздымают свои темные вершины к небу. В каменной россыпи, на дне глубокого ущелья бурлит ручей, сбегая со скалистого хребта каскадами, обдавая брызгами и пеной поросшие мохом и лишаями прибрежные утесы.

Когда-то, очень давно, здесь кипела жизнь, сотни людей копошились в камнях и на береговых отмелях, добывая золотой песок. Дымили трубы очагов и горное эхо вторило шуму работ и человеческих голосов. Но люди ушли отсюда, забросив прииск. Все снова заросло лесом, как-будто здесь ничего и не было.

Осталась только одна древняя фанза, сложенная из дикого камня, и полуразвалившийся кан. Все тропы к этому прииску заросли тайгой и почти никто из местных звероловов не знал о его существовании.

Старый хунхуз «одноглазый», окруженный со всех сторон казаками, избрал это потайное место, надеясь в нем отсидеться пока белые дьяволы рыщут по тайге, выслеживая его, как зверя.

Хунхузы не разводили огня, питаясь сырою рыбой, которую ловили в ручье, ягодами и грибами, росшими в изобилии на старом прииске.

Молодая китаянка, зная от своих похитителей, что командир сотни лично руководит розысками, несколько раз пыталась бежать от хунхузов, но это ей не удавалось, так как ее бдительно охраняли день и ночь, а в последнее время даже связывали ей ноги веревками.

Одноглазый пытался ее уговорить подчиниться отцу и вернуться к нему добровольно, но Ин-Тао отвергала все его предложения и затыкала уши пальцами.

«Ты еще молода и глупа! — говорил старый бандит, сверкая своим единственным глазом. — Русский капитан тебя все равно бросит и даже очень скоро, и возьмет себе другую женщину, лучше и красивее тебя! Отец любит тебя и из желания тебе добра поручил мне похитить тебя и привезти к нему, но ты сама противишься этому и можешь погубить себя и всех нас. Я тебя отпущу, если ты поклянешься могилой своей матери в том, что сама вернешься к отцу»,

«Я не хочу тебя слышать, одноглазый чорт! — отвечала ему молодая китаянка с негодованием. — Я дала клятву русскому капитану, что его люблю и никогда не брошу! Я не нарушу свою клятву, если даже он меня разлюбит и бросит!».

«Теперь я вижу, что ты сошла с ума и сама не отдаешь себе отчета в своих словах! Но знай, что я тебя не отдам русским, пока я жив! Если же мне суждено умереть, то и ты умрешь вместе со мной! Это мои последние слова!—Произнеся это, «одноглазый» вышел из фанзы так как услышал тревожный свисток часового. Вслед за ним раздался свисток и второго часового. Услышав сигнал тревоги, хунхузы заняли свои места у засеки в ожидании появления русских. Вскоре же затрещали выстрелы из винтовок со стороны наступавших казаков и защелкали револьверы хунхузов. Оба часовых, пораженные пулями в голову, свалились с деревьев, как кули с мукой.

Завязалась перестрелка. Хунхузы, попавшие в ловушку, защищались с ожесточением отчаяния, зная, что, все равно, пощады не будет.

Не прошло и четверти часа, как сопротивление их было сломлено, и

Алатаев, со стэком в руке, ворвался в фанзу, куда скрылся, единственный уцелевший в живых «одноглазый».

Увидя командира казаков на пороге фанзы, старый хунхуз бросился к Ин-Тао и, схватив ее за волосы, поднял высоко над собой и вонзил ей в грудь кинжал по самую рукоятку. Она только успела крикнуть, простирая руки к Алатаеву: «Вадим, прощай! Не забывай свою маленькую птичку!».

Вслед за тем голова ее поникла и ее худенькое тельце упало к ногам хунхуза, который ринулся с ножем на Алатаева, но был сбит на землю ударом стэка по голове. При попытке подняться, его зарубили шашками казаки, вбежавшие в фанзу вслед за командиром.

Алатаев в это время, подняв китаянку к себе на колени, старался привести ее в чувство, но все было напрасно: она была мертва. Побелевшее лицо ее уже потеряло румянец и стало восковым.

Приложив ухо к груди, Алатаев старался уловить хоть малейшее биение сердца, но оно молчало, а открытые большие глаза ничего не видели и постепенно заволакивались пеленой смерти.

Не выпуская из рук тела Ин-Тао, Алатаев безмолвно сидел на кане и смотря в мертвые глаза своей «маленькой птички», как будто хотел прочесть в их глубине жизненную тайну и загадку смерти.

Столпившиеся в фанзе казаки переминались с ноги на ногу, мяли в руках свои папахи и с грустью и сожалением смотрели на своего командира, не смея говорить и нарушить торжественную тишину наступавших таежных сумерек. Откуда-то издалека доносилось ржание коней и неуловимый шум горного ручья в узком каменистом ложе.

Как долго просидел бы так со своей мертвой подругой командир сотни, — неизвестно, но его разбудил от забытья Думнов, обратясь к нему с вопросом: «Ваше Высокородие! Теперь уже поздно, скоро наступит ночь! Будем здесь ночевать, или пойдем домой? Люди и кони утомились, надо отдохнуть. Вам тоже надо отдохнуть и подкрепиться ужином. От судьбы не уйдешь! Видно, такая уж планида вышла барышне Ин-Тао! Дайте-ка я вам помогу уложить ее на кан, а то у вас и руки-то затекли поди! — сказав это, старый казак поднял, как перышко, тело китаянки и, укладывая его на кан, продолжал, смотря на него с сожалением, с искренней печалью в голосе: — Бедняжка! За что ее убили! Кому она помешала! Теперь она и впрямь похожа на птичку, когда она лежит мертвая со сложенными крылышками! Вот негодяи хунхузы! Бог их за это наказал нашими руками! Ни один не ушел! Всех прикончили наши ребята!».

Теперь только, когда китаянку взяли у него из рук, Алатаев очнулся и пришел в себя. Лицо его было бледно и сурово. Глубокие черные глаза выражали неисходную печаль и в то же время непреклонную волю и решимость. Он сдерживал себя перед казаками, не желая обнаружить даже минутную слабость.

«Ребята, — обратился он к казакам, с нетерпением ожидавшим его приказаний. — Спасибо за службу! Работали молодцами! Не ваша вина, что Ин-Тао погибла! Видно такова воля Всевышнего! Отдыхайте! Будем здесь ночевать! Хунхузов сволоките в фанзу и сожгите, а завтра утром идем домой!».

После этого Алатаев поднял тело Ин-Тао и, отнеся его на берег ручья, положил на плоский большой камень выступавший из воды. Глаза ее были закрыты, она как-будто спала и во сне прислушивалась к шуму тайги и голосам наступавше йночи. Старый вековой кедр качал

над нею своими кудрявыми темными ветвями и казалось напевал ей колыбельную песню. В его двойной вершине сидел на суку филин и кричал свое печальное «Пугу! Пугу!».

Не прошло после этого и часа, как фанза с трупами хунхузов запылала как огромный костер, освещая красноватыми бликами старый золотой прииск и группу казаков, расположившихся живописным табором, со своими и хунхузскими конями, на берегу ручья, катившего свои бурные воды в каменных россыпях.

Осенняя ночь наступила быстро и дремучая тайга погрузилась в непроглядную темень. Костер над фанзой разгорался ярким пламенем и тучи искр подымались над лесом, уносясь в вышину темного неба, где сверкали таинственным светом бесчисленные звезды.

Казаки готовили себе в котелках незатейливый ужин и вели мирную и тихую беседу, делясь впечатлениями всего пережитого, а также вспоминая давнопрошедшее, полное смертельных опасностей и острых переживаний. Слышны были молодые голоса; старики молчали, покуривая свои носогрейки.

«Вот, я и думаю себе, братцы! — говорил молодой бравый казак, с копною курчавых белокурых волос и с серьгою в ухе, — отлетела душенька у молодой китаянки, а куда она пойдет, в рай или в ад? Ведь она была нехристью, а в рай попадут только православные христиане! Значит, ее душа будет вечно мучиться в аду! А вот давеча в сотне баяли ребята, что у китайцев и совсем души-то нет, а только один пар! Вот тут и рассуди, где самая правда?».

«Эх, ты, молокосос! — возразил ему седоусый казак, вынув изо рта короткую трубку. — Видно, что ума ты еще не набрался! А туда же пускаешься в рассуждение высоких материй! Душа есть у каждого человека, кто бы он ни был, русский, немец, бусурман или китаец! По милосердию Божьему: в рай попадут все, кто будет достоин, по делам его! Так сказано в Святом Писании, а ты говоришь глупости! Как это нет души! Есть она и у китайца, но она у него темная, не освещенная учением Христа! Только у зверя вместо души пар, а человек существо разумное и без души ему невозможно быть! Я так думаю, что наша китаяночка теперь в раю, смотрит оттуда на нас грешных и думает: какие же вы дураки! А ты говоришь пар! Постыдись! Какой же ты казак после этого! Казак должон все понимать, а чего не знаешь — спроси у людей умных, а не у таких же дураков, как сам».

В это время из ближайших зарослей раздался заунывший плач совы-нежити. Разговоры сразу прекратились и снова настала тишина, нарушаемая только шумом бурного ручья.

«Что это, сова, или непокаянная душа китаянки плачет и жалуется на свою участь? — задал вопрос один из молодых казаков, ни к кому не обращаясь. Лежавший тут же на боку у костра Думнов вынул изо рта потухшую трубку и, выколачивая ее о каблук сапога, проговорил:

«Сам ты непокаянная душа, если городишь такую чушь! Разве может душа человеческая плакать? Это кричит птица-неясыть; их тут много по таежным местам. От их крика пугаются лесные мыши и бегут прятаться под колодник и в траву, а сова тут как тут и хватает глупую мышку! Все это бабьи россказни о непокаянной душе и ни в какие ворота не лезут! Одним словом, брехня и пустозвонство!» — Произнеся эту тираду, старый казак умолк и, повернувшись спиной к огню, надвинул на лицо папаху. Вскоре заснул весь табор и прилегли у кор-

мушек кони. В глубине тайги кричали совы и где-то в далеких хребтах выли красные волки.

Алатаев всю долгую осеннюю ночь не смыкал глаз и, сидя в стороне от табора, предавался грустным думам. Казаки видели, что он плакал и, боясь нарушить его настроение, не беспокоили его своими разговорами.

На следующее утро, как только засерело небо и померкли звезды, казачий табор зашевелился, послышались голоса станичников, седлавших и вьючивших коней, и лязг оружия.

Тело китаянки было положено на седло. У каждого казака была в поводу поседланная хунхузская лошадь.

Еще солнце не показалось из-за гряды далеких лесистых гор, а уж отряд казаков, вытянувшись змеей по тайге, быстро подвигался на север, к линии железной дороги, до которой было не менее сорока верст.

В голове отряда шел на своем «Чорте» командир сотни, за ним один из казаков вестовых, имея в поводу хунхузского коня с телом китаянки. Шествие замыкал Думнов «для порядка». Казаки были молчаливы; каждый думал свою думу, вспоминая далекую родину и тихие берега родного Дона, куда стремилась душа казака, заброшенного судьбой на далекую окраину государства Российского.

«Вот, скоро кончится моя служба! — думал свою заветную думу станичник, зорко всматриваясь в заросли враждебной тайги. — Возвращусь домой, где меня ждет не дождется жена и ребятки! Чать уже подросли сердечные и в школу ходят! Уже немного осталось ждать, к святкам, надыть, будем дома! Здесь хорошо, что и говорить, и служба не тяжелая, а домой тянет! Надоела уже эта китайщина, то ли дело наша Рассея-матушка, ни одна страна с ней не сравнится!»

Такие мысли бродили в чубатой голове каждого казака; даже старый ветеран Думнов призадумался и вспомнилась ему вся его жизнь, отданная служению родине. Вспомнил он турецкую войну, где был ординарцем у самого «Белого» генерала Скобелева! Походы в Туркестан и Закаспий и недавнее боксерское восстание, когда китайцы «бунтовали« против нашего Царя.

«Что же! — размышлял про себя старый воин, — Вот, к примеру, возвращусь я домой, в свою станицу. Дети уже повыростали и поженились; уже и внуки скоро будут призваны на царскую службу! А я остался один на белом свете, вдовец и бобыль. Дома меня не ждут и никому я не нужен! Нет, не поеду я домой, останусь здесь в Маньчжурии, в сотне. Буду доживать свои дни! Командир у нас славный, орел, что и говорить! Да и с Ерофеичем мы одностаничники, как братья! Домой пусть едет молодежь, а я уж останусь, много ли мне старику нужно! Хлеб, щи и каша есть, да и табачек в люльке, а по праздникам и винцом побалуешься! Чего же еще надо!» — Так мыслил про себя старый казак, посматривая внимательным хозяйским оком вперед, где маячили среди таежных зарослей конные фигуры отряда во главе с командиром сотни.

Желая до ночи добраться до дому, Алатаев вел свой отряд почти безостановочно, сделав только один получасовой привал, когда вышли в долину реки Сяо-Суйфына. Здесь люди слегка закусили пересели на заводных коней, и двинулись дальше, к линии железной дороги.

Солнце уже село в далеких хребтах Тайпинлина, когда отряд прибыл на станцию.

Поблагодарив еще раз людей за службу, командир сотни отпустил

их, приказав Ерофеичу выдать всей сотне по чарке водки. Тело Ин-Тао было положено на стол в большой столовой комнате и одето старой маньчжуркой в самое лучшее шелковое платье, выписанное Алатаевым из Харбина. Она лежала как живая, и только тонкий нос и концы пальцев были мертвенно-воскового цвета. Иссине-черные косы обрамляли ее небольшую головку и ниспадали волнистыми прядями до самой талии, перехваченной широким серебряным поясом художественной пекинской работы.

Весть о смерти Ин-Тао быстро распространилась по станции и на другой же день достигла Сансина. Футай принял известие о смерти дочери повидимому спокойно и послал на Сяо-Суйфын своих людей для доставки ее тела в Сансин.

Через два дня тело Ин-Тао было положено в гроб из выдолбленного тисса и водружено в погребальный паланкин, который был на руках десяти носильщиков доставлен в Сансин с соблюдением всех требований погребального китайского ритуала. Всем руководил доверенный Футая, старый Лун Бин.

Алатаев, верхом на «Алагезе», сопровождал тело своей маленькой подруги до переправы через реку Мурень, то-есть на расстояние ста верст, и вернулся домой только через день, нигде в пути не останавливаясь и не отдыхая.

В Сансине были устроены пышные похороны дочери именитого купца, который не поскупился на расходы и семидневные поминки. Ин-Тао была погребена в Сансине, рядом с матерью, и на ее могиле безутешным отцем был поставлен прекрасный мраморный памятник в китайском стиле, в виде кумирни-часовни.

Алатаев, как говорили в сотне, после этого «заскучал» и, раньше веселый и жизнерадостный, перестал смеяться и стал молчаливым, посвящая все время службе и охоте, где он находил утешение в общении с природой, и старался забыться в опасных встречах с крупными хищниками тайги и в стычках с хунхузами, к которым был беспощаден.

ОХОТА НА ТИГРОВ.

После трагической смерти Ин-Тао, Алатаева не узнавали его друзья. Его как бы подменили. Женщины перестали его интересовать. Даже портреты их и художественно исполненные картины известных мастеров и копии обнаженных женщин парижского салона были убраны со стен его квартиры и заменены пейзажами Шишкина, Левитана, Клевера и Куинджи, привезенными когда-то из Петербурга и лежавшими до этого времени под спудом.

Как-то нагрянула к нему шумная веселая компания молодежи со станции Эхо, где конные части стояли в лагерях. Среди молодых офицеров были и женщины, жены, сестры и дочери заамурцев.

Командир сотни, предупрежденный о их приезде, устроил им, как и прежде, торжественную встречу с хором трубачей, шампанским и джигитовкой казаков, но сам оставался равнодушен ко всему, не принимая участия в общем веселье и танцах.

«Вадим, что с тобой? — спрашивали его друзья и приятели, окружая его шумной толпой. — Ты так резко изменился, что мы тебя не

узнаем! Неужели на тебя так сильно подействовала смерть твоей китаянки, что ты стал похож на аскета? Может быть ты задумал поступить в монастырь и сделаться монахом? Тогда мы советуем тебе поступить в женский монастырь, — будешь там игуменом!»

Алатаев нисколько не сердился на эти выходки молодежи и, напевая свою любимую песенку из «Цыганского барона», обезоруживал своих приятелей напускной веселостью и бесшабашностью.

Поведение «неотразимого» Вадима и психологическая перемена в его настроении интриговали женскую половину общества больше, чем мужскую. Товарищи находили, что Вадим просто «блажит» и были уверены, что «блажь» эта у него скоро пройдет, если подвернется ему снова какая-нибудь «смазливая бабенка». Женщины же видели в этой метаморфозе что-то другое, загадочное и таинственное, так как в их представлении Алатаев был необыкновенным человеком, наделенным какими-то исключительными качествами. Девицы идеализировали его, видя в нем современного Чайльд Гарольда; молодые женщины считали его Дон Жуаном, мамаши — Синей Бородой, приятели — славным малым, а казаки сотни — отцом командиром и орлом. Как ни странно, но все эти эпитеты соответствовали действительности и не исключали друг друга, несмотря на кажущуюся несовместимость. Один из его закадычных друзей как-то в минуту откровенности назвал его «ангелом с рожками», и это прозвище укрепилось за ним вместе с другими, более или менее удачными.

Как бы то ни было, но с этих пор Алатаев стал как бы другим человеком. Он изменил образ жизни и не искал сближения с женщинами, хотя и не избегал их, бывая в семьях железнодорожников и своих сослуживцев заамурцев.

Теперь еще больше времени он отдавал своим четвероногим друзьям, с которыми возился по целым часам, достигая удивительных результатов приручения и дрессировки. Казаки и солдаты были уверены, что он знает такое «слово», которое покоряет любое животное и делает его послушным воле человека. В его взгляде была действительно какая-то необъяснимая сила внушения, подчинявшая себе чужую волю.

Однажды на сотенный двор забежала бешеная собака; за ней гонялись казаки с шашками; на шум и крики вышел на двор командир сотни, бывший в казарме. Увидев эту сцену, он отозвал казаков и смело подошел к собаке, которая намеревалась уже на него броситься, но поднятый над нею стэк и взгляд Алатаева заставили ее остановиться и лечь у его ног. Изо рта собаки текла кровавая пена и сухой язык был зажат между зубами. Не спуская с бешеного животного пристального взора, Алатаев не спеша вынул револьвер из кобуры и, взведя курок, пустил собаке в голову меткую пулю, убившую ее наповал и без мучений. Казаки видели в этом сверхестественную силу и называли своего командира чародеем.

Узнав, что Барс, ушедший в тайгу, наводит панику на ее обитателей, Алатаев как-то верхом на «Чорте» отправился в ту сторону, где по слухам свирепствовал хищник. С ним был вестовой казак из молодых. Обследовав большой район и собрав от звероловов сведения о своем питомце, он направился в те хребты, где Барс имел обыкновение отдыхать после сытного обеда. Было еще светло. В морозном воздухе летали и кружились первые снежинки, предвещая метель.

Остановившись у подножья крутого хребта, поросшего дубняком, Алатаев крикнул своим зычным голосом «Барс, Барс!», а затем стал

звать его свистом, который знали все люди и звери Сяо-Суйфына. На эти звуки отзывалось только далекое эхо в горах и ущельях и ветер шумел в вершинах старых дубов.

Так прошло с полчаса. Алатаев собирался уже повернуть домой и напоследок крикнул еще раз «Барс, Барс!». Вдруг, вместе с далеким эхо, послышался рев какого-то зверя, который все приближался, и вскоре из дубовых зарослей показалась стройная пестрая фигура хищника. Увидев своего любимца, Алатаев соскочил с коня и, обнимая за шею ласкавшегося зверя, называл его славным котенком и целовал в широкий лоб. Барс терся головой о колени своего господина, щурил свои большие желтые глаза и громко мурлыкал, выражая этим свою любовь и привязанность. Кони, отвыкшие уже от ручного зверя, рвались из рук державшего их под уздцы казака, фыркали и топтались на месте, пока не подошел к ним Алатаев и не потрепал по шее; только тогда они успокоились.

«Ну, что-ж, поедем домой!» — произнес командир сотни, садясь на своего «Чорта» и пуская его рысью по тропе, извивавшейся у подножья хребта.

Барс первое время бежал за ними, делая саженные прыжки через кусты и камни, а потом начал отставать, так что пришлось перейти на шаг. Тогда он пошел рядом с конем, оглядываясь по сторонам и всматриваясь в чащу леса.

Таким образом, Барс снова возвратился к себе домой и ночевал по-прежнему в спальне своего господина на ковре у его кровати. Но с собаками он уже не играл, как раньше, держа себя в стороне от многочисленного четвероногого общества. Хищник почувствовал свою силу и стал солиднее. В нем заговорил инстинкт могучего зверя, властителя тайги.

Прожив здесь с неделю, он ушел снова в сопки, когда выпал первый снег и тайга оделась в белый саван на долгую зиму.

Узнав об уходе своего любимца, командир сотни сказал Ерофеичу, пришедшему к нему с обычным вечерним докладом:

«А знаешь, старик! Я доволен, что Барс ушел на свободу! Что за жизнь ему была у нас в сотне! Ведь он хищный зверь и ему по штату положено добывать себе пищу убийством! Я уже больше не позову его сюда. Его дом там, в тайге, в сопках!»

Ерофеич разделял мнение своего командира и от себя прибавил:

«Это так точно, только вот наш Барс стал теперь людоедом! Сколько манзюков он уже передушил, страсть! С той самой ночи он стал лютовать, как задавил двух хунхузов! Почуял кровь, а теперь его не удержишь!»

«Я так думаю, Ерофеич, — продолжал Алатаев, — что наш Барс мстит хунхузам за смерть Ин-Тао! Это им возмездие за невинно пролитую кровь! Знаешь ли, я верю, что на свете существует мировое возмездие, что каждый человек получит, в конце концов, то, что заслужил, и что это неизбежно, как самый рок, как предопределение! От этого никто не уйдет и не спрячется от своей судьбы, как и от собственной тени! Барс является орудием судьбы и палачом, а судья — Воля Всевышнего! Без этой воли не совершается в мире ни одно деяние!»

С наступлением зимы Алатаев посвящал все свободное время охоте, сначала по фазанам в долине Сяо-Суйфуна, где было много китайских полей и огородов, а затем в тайге по зверю.

Выходя на охоту по фазанам, он брал с собой двуколку и трех ка-

заков. На двуколке находились продукты, палатка и запас ружейных патронов, до тысячи штук. Стрелял он прекрасно, почти без промаха, и любимая его собака «Диана», ирландский сеттер, работала безукоризненно. Убитых фазанов подбирали за ним казаки и складывали их в двуколку. На ночь разбивалась палатка на берегу речки, где помещались все четверо вместе с собакой. На следующий день опять охота, и так, через три-четыре дня, когда двуколка не вмещала более ни одного фазана, возвращались домой. Фазаны в замороженном виде складывались в сарай и шли на довольствие сотни в течение всей зимы.

С ноября месяца начиналась охота по зверю. Тогда, вместо двуколки, с охотниками отправлялось трое или четверо пароконных саней, брались две палатки и свора собак в 10-15 штук. Кроме командира сотни, били зверя и казаки. Битый зверь потрошился на месте и складывался на сани. Отаборивались обыкновенно также на берегу горной речки дней на 5-6, затем отправлялись на новое место, верст за 15-20, в зависимости от обилия зверя. Били преимущественно кабанов, которых казаки называли «чушками». Но если попадались изюбри, козы и медведи, то добывали и их, причем строжайше было запрещено стрелять самок. С небольшими перерывами охота по зверю продолжалась всю зиму, до самой масленицы. Большая часть мяса шла на продовольствие казаков; небольшую часть казаки продавали на сторону, в свою пользу.

В декабре в сотню прибывали молодые новобранцы из России: с ними надо было усиленно заниматься и командир сотни уже не имел так много свободного времени для охоты. Но, несмотря на это, Алатаев умудрялся охотиться без особенного ущерба для службы. Ерофеич, внимательно следивший за состоянием духа своего командира, заметив «грусть-тоску» на его выразительном лице, обыкновенно говорил, лукаво прищурясь:

«Ваше Высокородие! Вы сходили бы на охоту! Ребята сказывают, что кабанов уж больно много, да и мясо у нас уже на исходе!»

«Ну, что-ж, раз надо, так пойдем! — отвечал Алатаев, хлопая его по плечу. — Прикажи Думнову приготовить все, что нужно!»

И на следующий же день командир сотни отправлялся в тайгу, оставляя все на попечение верного своего помощника, вахмистра Ерофеича. Так прошла зима и наступила весна с сухими южными ветрами.

На одной из этих охот принимал участие и я. Выступили мы рано утром, на четырех санях. Солнечные лучи золотили скалистые вершины далеких хребтов Тайпинлина, когда мы отаборились на живописном берегу Суйфуна, на опушке темного дремучего кедровника, покрывавшего крутые склоны отрогов главного горного массива.

Мы уже собирались отправиться в тайгу на разведку, когда подбежал к нам старый урядник с известием, что не далее как в двух верстах от табора, в каменных россыпях, залегли на лежку два тигра, большой старый самец и такая же тигрица. Казаки обрезали их след и не стали их беспокоить, чтобы не спугнуть.

Узнав об этом, Алатаев сразу изменился в лице и стал насвистывать свой любимый мотив из «Цыганского барона». Я уже знал, что это значило и приготовился ко всяким неожиданностям.

«Теперь вы все оставайтесь на таборе, а я пойду один в гости к тиграм и нанесу визит Великому Вану, как полагается!» — заявил командир сотни, закинув за плечи винтовку и надевая на пояс охотничий нож. Эти слова произвели на всех нас ошеломляющее впечатле-

ние. Казаки молчали, зная странности своего командира, но я попробовал было протестовать и сказал:

«Вероятно ты сошел с ума или покушаешься на самоубийство! Во всяком случае, возьми с собой хоть одного человека и собак, иначе ты рискуешь своей головой!»

«Ты меня не понимаешь, мой друг! — возразил он, сохраняя полное спокойствие. — Я хочу испытать судьбу и удостовериться в правильности предсказания, что смерть должна придти ко мне на тридцать третьем году жизни. Если это неверно — я погибну, если же гадалка права — я убью тигров! Вот и все! Из-за таких пустяков, право же, не стоит волноваться и портить себе нервы! Итак, прощайте или до скорого свидания, мои друзья! В случае чего, не поминайте лихом!»

Сказав это, Алатаев послал нам воздушный поцелуй рукой и, надвинув папаху на затылок, зашагал вверх по косогору, подымаясь на хребет, заросший дубняками, на гребне которого залегли хищники.

Я не успел опомниться, как стройная фигура моего приятеля скрылась в зарослях тайги.

«Вы как себе хотите, ребята, — заявил я станичникам, — но я пойду вслед вашему командиру! Ведь он идет на верную смерть! Если даже он сразу убьет одного тигра, то другой бросится на него как молния и он не успеет выстрелить!»

«Все это мы понимаем в лучшем виде, Ваше Высокородие! — возразил мне бравый усач урядник, набивая свою трубку корешками, — Да только ослушаться нам командира никак невозможно! Раз он приказал, — значит так тому и быть, хоть помирай! Да и вам не советую идти за ним: все равно не поможете, а испортите дело! Мы уж его знаем достаточно! Слава Богу, сколько лет служим вместе! Ничего, Бог даст, все обойдется! Наш командир — орел, в обиду себя не даст!»

После этого урядник отошел к обозу, распорядиться для предстоящего обеда. Казаки были заняты своими делами. Тайга, засыпанная снегом и залитая яркими солнечными лучами, безмолвствовала.

Я никак не мог помириться с мыслью, что человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти, подвергает себя смертельной опасности без всякой видимой резонной причины. Я не находил достаточного объяснения поступку Алатаева и, несмотря на предупреждение казаков, пошел по следам своего приятеля, взяв с собой винтовку и пачку патронов. Казаки молча провожали меня глазами, укоризненно покачивая головами.

Я шел не спеша, следуя за Алатаевым и всматриваясь в глубину обступившей меня со всех сторон тайги. Ни один звук не нарушал ее тишины. Дремучий лес словно замер под ослепительными лучами яркого маньчжурского солнца. Где-то в вершинах темных кедров попискивали рябчики и неугомонные дятлы долбили звонко по стволам сухостоя. Пройдя около версты, я увидел довольно свежие следы двух тигров: они вели на хребет, на гребне которого возвышались отвесные гранитные утесы и виднелись каменные россыпи. Туда же вели следы Алатаева.

Снег был выше колена. Я устал и присел на камень — отдохнуть и послушать. Минут через десять, когда я собирался уже двигаться дальше, раздался выстрел на гребне хребта, за ним другой и третий, затем снова наступила тишина; даже дятлы перестали стучать, потревоженные выстрелами. Я не шевелился, прислушиваясь к тихому шопоту тайги и ожидая дальнейших выстрелов, но ничего не было слышно,

тишина не нарушалась ни одним звуком. Постояв еще немного, я направился на звук выстрелов, придерживаясь следов Алатаева.

Через полчаса я был уже на гребне хребта и сквозь заросли увидел своего приятеля, сидевшего на убитом им тигре.

Заметив меня, он крикнул, махая рукой:

«Опоздал, голубчик! Я уложил обоих до твоего прихода!»

Когда я подошел, Алатаев встал и, приняв театральную позу, запел свою любимую арию из «Цыганского барона».

«Вадим! — не вытерпел я, возмущенный легкомыслием своего приятеля, — как ты можешь шутить и паясничать в такую минуту, когда жизни твоей угрожала опасность и ты был на волосок от смерти!»

Окончив свою песнь, он отвечал, отдавая мне честь рукой:

«Так что, позвольте доложить, Ваше Высокородие! Без вашего разрешения я убил тигра и тигрицу и теперь пребываю в полной уверенности, что старая ведьма не соврала, предсказав мою смерть в будущем году! Теперь я могу спокойно заниматься своими делами, так как жизнь моя застрахована на год солидной особой, имя которой судьба!»

Произнеся эти слова, Алатаев скрестил руки на своей могучей груди и начал насвистывать веселый мотив из опереты «Прекрасная Елена». Тем временем я осмотрел туши убитых тигров, резко выделявшиеся своими прекрасными формами на белой пелене снега.

Старый тигр был очень велик и грузен, пудов на пятнадцать. Он был убит одной пулей в голову. Экспрессная пуля вошла в ухо и разбила черепную коробку. У тигрицы, лежавшей в двадцати шагах от тигра, были две раны, одна под глазом и другая в груди, под горлом. Окончив осмотр трофеев, я спросил моего приятеля:

«Теперь ты расскажи мне, как это ты умудрился уложить Великого Вана и его царственную супругу дуплетом?»

«Да очень просто, — отвечал Алатаев, садясь на массивную грудь тигра. — Следы привели меня к лежке хищников, находившейся под скалой, вон там, шагов сто отсюда. Вероятно, они услышали мои шаги и снялись с места. Тогда я кинулся им наперерез и, увидев самца шагах в ста от себя, выстрелил ему в голову. Он сразу упал, как пораженный молнией. Тогда я стал искать глазами тигрицу и увидел ее совсем близко, шагов на тридцать. Она прижала уши к голове и приготовилась к прыжку. Я целился в глаз, но немного обнизил. При выстреле она пошатнулась, но справилась и ринулась ко мне с ревом. Второй пулей в упор в грудь я уложил ее на месте. Вот и все! Как видишь, ничего особенного! Все в порядке!» — Сказав это, он замолчал и, поглаживая широкий лоб могучего зверя, стал насвистывать веселый мотив из какой-то оперетки.

Через полчаса мы были уже в таборе и с аппетитом уплетали горячие пельмени, а затем выпили большой чайник ароматного чая с ромом.

Казаки, пообедавшие раньше нас, вскоре привезли в табор убитых тигров, которых на следующий день отправили на станцию.

По окончании охоты туши тигров были проданы китайцам на лекарства за 500 рублей, и на эти деньги был заказан прекрасный резной киот к сотенному образу, а шкуры были преподнесены Алатаевым своим «дамам сердца», как он говорил сам, а именно: шкура самки была послана в Петербург жене Ксении Михайловне, а шкура тигра на станцию Маоэршань, супружеской чете Франк.

После праздников Рождества Христова мы с Алатаевым снова были на охоте, но на этот раз он приезжал ко мне на станцию Ханьдаохэцзы,

где я познакомил его со своим приятелем, промышленником Бобошиным, у которого мы и прожили около недели в тайге, в верховьях реки Хайлинхе.

Как-то мы втроем мимоходом зашли на заимку промышленника Зотова и, за поздним временем, заночевали там. Сам Зотов и его красавица жена Настасья очень радушно нас встретили и, угостив на славу, уложили спать на медвежьих шкурах.

Весь следующий день мы охотились в окрестностях заимки и к вечеру опять собрались у Зотовых.

Заметно было, что мой приятель Алатаев произвел очень сильное впечатление на Настасью, жену Зотова. Она не сводила с него взора и была очерована его обхождением, а главное, мастерской игрой на гитаре и пением цыганских романсов. Бобошин, бывший и сам неравнодушен к Насте, заметил это сразу и со свойственным ему грубым юмором заявил своим громовым басом:

«Эх-ма, теперь я понимаю, почему у цыганского барона много жен! Жаль, что я не цыганский барон, а всего только таежный медведь!» — Сказав это, Бобошин прищурил один глаз и лукаво улыбаясь посмотрел на жену своего друга. «Бобошин, не говори глупостей! — отпарировала Настасья, сверкнув своими лучистыми, ясными, голубыми глазами. — «Тебе до цыганского барона далеко и не твоего ума это дело! Лучше, если ты замолчишь!»

Бобошин смутился и, пыхтя своей носогрейкой, вышел из зимовья.

Алатаеву тоже, видимо, нравилась Настасья, так как он признался мне, уже на обратном пути в Ханьдаохэцзы, что жена Зотова стоит перед его глазами, как живая.

«Я знаю женщин, — говорил он мне, сидя со мной у камина в моем кабинете, — и могу безошибочно тебе сказать, что я такую женщину встречаю впервые. Недаром Бобошин в нее влюблен и называет ее тигрицей! Жаль, что я не живу здесь, а то бы стоило рискнуть!»

«Ну нет! — ответил я, — Настасья не из податливых! С ней можно потерять не только сердце, но и голову!»

«Тем лучше, — ответил цыганский барон, покручивая черный ус. — Для такой женщины можно рискнуть чем угодно, даже головой!»

ВЕРОЧКА СКУЧАЕТ.

На станции Ханьдаохецзы Алатаев прогостил у меня два дня, причем его больше всего интересовали мои ручные изюбри, с которыми он возился с утра до вечера, стараясь приучить их к упряжке, для чего запрягал их в сани и они возили нас по всему поселку, сначала с помощью солдат, которые держали их под уздцы, а затем самостоятельно, причем рогатые кони, сверх ожидания, были послушны как ягнята и подчинялись моему приятелю довольно охотно. Он применял к ним те же приемы, что и при укрощении лошадей. При виде такой необыкновенной упряжки все прохожие, русские и китайцы, останавливались и, качая головами, говорили между собой:

«Да ведь это Алатаев! Поэтому ничего нет удивительного! Он запряжет самого чорта и поскачет на нем куда угодно!»

А китайцы, видя в этом проявление сверхестественной силы, высказывались так:

«Это Черный Капитан! Он знается с самим дьяволом и может оседлать дракона! Есть люди, которые видели, как он мчался ночью на драконе! Что же тут удивительного, если ему подчиняется олень!»

Когда мы были уже за китайским поселком, один из оленей, строптивый «Васька», вдруг заупрямился, начал мотать головой, храпеть и брыкаться; в этот момент из-за поворота выкатила навстречу тройка с русским кучером на облучке. Лошади, испугавшись оленей, сначала заартачились, а потом, закусив удила, понесли. Видя, что кучер не может справиться с лошадьми и ему грозит гибель на первом же повороте, Алатаев быстро перебросил мне вожжи и одним прыжком вскочил в мчавшиеся мимо нас сани. Отобрав вожжи от растерявшегося кучера, он сдержал коней, повернув их в лес, в заросли орешника, где они остановились как вкопанные.

Бледный от страха кучер подрядчика Беловесского не знал как и благодарить своего спасителя, который, сделав свое дело, соскочил с саней и мимоходом крикнул, показывая свой железный кулак:

«Дурак! Не умеешь править! Ты не кучер, а сапожник!»

Мы не слышали ответа злополучного кучера, так как олени, разгоряченные скачкой тройки, прибавили ходу и понесли нас в противоположную сторону, по хорошо укатанной зимней дороге, к посту «Кресты», который был уже виден сквозь таежные заросли на склоне крутой каменистой сопки. На посту нас встретили заамурцы и, угостив вкусными щами с гречневой кашей, проводили домой, на станцию Ханьдаохэцзы, причем временами приходилось вести оленей под уздцы и, для успокоения, оглаживать их и кормить сахаром.

На следующий день, 6-го декабря, в день тезоименитства Государя Императора, штаб 3-ей Заамурской бригады устраивал вечер в гарнизонном собрании станции Ханьдаохэцзы. Алатаев, узнав об этом, решил остаться еще на один день.

Со всей линии и даже из Харбина съехалось много гостей, — офицеры заамурцы, железнодорожники, с женами и дочерьми.

Отдохнув немного после обеда, мой приятель отправился гулять по поселку, пользуясь прекрасной погодой ясного морозного зимнего дня. Дойдя до офицерского приюта, где обыкновенно останавливались приезжавшие с линии, он встретился с четой Франк, которая также вышла погулять и освежиться в виду предстоявшего вечера.

Встреча была неожиданна, но отступать не представлялось возможным. Алатаев вежливо раскланялся со своим другом и его женой и намеревался уже пройти дальше, но ротмистр Франк остановил его, сказав:

«Вадим! Большое спасибо за шкуру тигра, которую ты так любезно и великодушно уступил нам! Я у тебя в долгу и не знаю, когда и как сумею отплатить тебе за щедрый подарок! Жена в восторге от этой шкуры, положительно влюблена в нее и ревнует ее ко мне, не позволяя мне даже наступать не нее, несмотря на то, что она лежит у нее перед кроватью в спальне!»

«Вадим Николаевич, вы ему не верьте! — возразила стоявшая тут же его жена, густо покраснев и сверкая своими большими черными глазами из-под длинных бархатистых ресниц. — Это он запрещает мне становиться ногами на шкуру вашего тигра и бережет ее как сокровище! Вы, конечно, будете сегодня на вечере и доставите мне и мужу удовольствие, пригласив меня на вальс и мазурку?» — Сказав это,

жена Франка многозначительно посмотрела в глаза Алатаева как бы стараясь прочесть его затаенные мысли.

«Я не собирался на вечер, многоуважаемая Вера Сергеевна! — отвечал Алатаев не смущаясь и не опуская своих выразительных глаз под вызывающим взглядом красивой женщины. — К тому же, у меня нет с собой подходящего для вечера костюма; ведь я приехал сюда на охоту и совершенно случайно задержался здесь больше, чем предполагал!» «Было бы лишь желание, Вадим Николаевич! — продолжала молодая женщина, нервно кусая губы, — а костюм можно всегда достать! Во всяком случае, мы с вами не прощаемся! Надеюсь сегодня танцевать с вами в первой паре мазурки! Я вас прошу и думаю, что вы не откажете!» — Произнеся эти слова, она еще раз пристально посмотрела в глаза Алатаева и, взяв мужа под руку, увела его в приют для приезжающих, где остановилась чета Франк.

Минут через пять после этого разговора мой приятель влетел ко мне взволнованный и возбужденный. На мой недоуменный вопрос он отвечал, садясь верхом на стул и ероша свою пышную черную шевелюру: «Ты знаешь, я влопался как кур во щи! Около приюта встретил нос к носу Веру Сергеевну и ее благоверного! Приглашен на мазурку, но чувствую, что это может кончиться плохо, а потому, если ты не дашь мне на вечер своего мундира, я улетучиваюсь к себе домой с первым же отходящим поездом, пассажирским или товарным! Ты понимаешь, к чему все это клонится? Итак, ты, конечно, сам пойдешь на вечер и своего мундира мне не дашь, а потому я удираю! Пошли пожалуйста своего вестового на станцию узнать, когда будет ближайший поезд на восток!» — «Ты угадал! — ответил я своему приятелю. — Своего мундира я тебе не дам, но не потому, что сам собираюсь на вечер, а по другой причине, о которой ты, конечно, уже догадался. О поезде мы скоро узнаем. Я скажу, что ты вызван срочной телеграммой; она умная баба, — поймет сразу, без объяснений.» После этого я послал своего вестового на станцию, через полтора часа усадил своего друга на паровоз товарного поезда, и он укатил на восток, спасаясь от прекрасных очей очаровательной Верочки.

На вечере было очень оживленно и весело, много танцевали и пели, и дамочки расспрашивали меня, почему отсутствует Алатаев. Я принужден был выгораживать своего приятеля, выдумывая причины его внезапного отъезда.

Вера Сергеевна скучала и даже отказалась танцевать мазурку с дирижером танцев, поручиком Голошвиловым, ссылаясь на головную боль. Только я один знал истинную причину недомогания красавицы, так как муж, как и полагается, не догадывался заглянуть поглубже в душу своей жены, будучи всецело погружен в винт с завзятыми игроками, не обращавшими никакого внимания на своих жен, увлеченных танцами и весельем. Я с грустью смотрел на них и мне казалось, что над ними, в облаках табачного дыма, витают злые демоны.

Прощаясь со мною, Вера Сергеевна сказала мне, ударив веером по руке: «Передайте Вадиму Николаевичу, что я на него обиделась и отомщу ему когда-нибудь за его коварство и измену!» Я ей ничего не ответил и, поклонившись, вышел из собрания.

Через день я получил командировку в Харбин и в вагоне пассажирского поезда опять встретился с четой Франк, возвращавшейся к себе домой, на станцию Маоэршань.

Увидев меня, ротмистр Франк предложил мне пересесть в его купэ,

что я с удовольствием исполнил, надеясь недурно провести время в обществе умной и красивой женщины.

Мы болтали о всяких пустяках, о прошедшем вечере, и, по обыкновению, не обошлось без легкого перемывания косточек своих ближних и дружественной критики. Мимо нас в окне вагона, как в калейдоскопе или на экране, проносились и мелькали прекрасные виды гор и лесов под снежным покровом, искрившимся в лучах яркого солнца.

Сидевшая против меня Вера Сергеевна задумчиво смотрела в окно и бархатистые темные глаза ее были устремлены в даль, где на горизонте синели высокие горные хребты, покрытые дремучими кедровниками. «Я теперь понимаю, — произнесла она, не поворачивая головы, — почему вы и Вадим Николаевич увлекаетесь тайгой и охотой! Это действительно красота, перед которой можно преклоняться! Что значат перед ее величием все наши мелкие делишки и вся наша жизнь, со всякими треволнениями, радостями и горестями! Мне кажется, что любоваться чудной природой никогда не надоест! Я презираю тех людей, которые равнодушны к красотам природы и не понимают ее вовсе!» — Сказав это, она взглянула на своего благоверного, спавшего, сидя в углу дивана, с открытым ртом и испускавшего громкие рулады храпа. В выразительных прекрасных глазах ее я читал не только презрение, но и ненависть. Мне сделалось жутко от этого взгляда, и я тогда понял основную причину семейных трагедий и драм.

Я молчал, желая дать ей возможность высказаться.

После минутного молчания она спросила меня:

«Скажите, это правда, что Вадим Николаевич до сих пор не может забыть свою китаянку и превратился в монаха?»

«Я думаю, — ответил я, — что Вадим был серьезно увлечен китаянкой и смерть ее поколебала его психику. Он считает себя виновником ее гибели и это угнетает его душу. Теперь он находит утешение в природе.» — «Да, вы правы! — сказала она, смотря в окно. — Его очень жаль и мне хочется ему помочь! Ну, до свидания, мы уже дома!»

В это время поезд остановился у станции Маоэршань и супружество Франк, распрощавшись со мной, отправилось домой. Через десять минут, гремя и громыхая на стыках, проходя стрелки, поезд, набирая скорость, двинулся на Запад, к Харбину.

«ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА»

Возвратясь домой на станцию Сяо-Суйфын, Алатаев на другой же день рано утром вызвал сотню по тревоге и, отобрав сорок молодых казаков и солдат, отправился в тайгу против хунхузов, грабивших мирное маньчжурское население в долине реки большого Суйфына. Сведения о хунхузах были получены от китайца разведчика, состоявшего при сотне. По этим сведениям, хунхузы имели свою укрепленную базу в глухой тайге в верховьях Суйфына, и насчитывали в своих рядах около ста человек, преимущественно беглых китайских солдат и бывших «боксеров», то-есть членов общесетва «Большого Кулака». Предводителем шайки был известный бандит и гроза китайских властей и купцов «Хун-Мо-Гуй», то-есть «Красный Чорт», получивший свое прозвище за ярко-рыжий цвет волос. Ходили слухи, что он бег-

лый русский солдат из Владивостока, но слухи эти ничем не подтверждались. Его непосредственным помощником и секретарем была его подруга, молодая красивая китаянка, бежавшая, якобы, с ним из Владивостока и называвшаяся за свою жестокость «Хэй-Бао», то-есть «Черной Пантерой».

В отсутствие Хун-Мо-Гуя, который страдал периодическими запоями, во главе шайки становилась его подруга, и тогда набеги хунхузов становились особенно смелыми и дерзкими и отличались своей жестокостью.

Алатаев давно уже имел на примете эту шайку и не раз преследовал ее по пятам, но она всякий раз от него ускользала благодаря хитрости и уменью ее предводителя, или, как говорили, его помощника, красавицы Хэй-Бао.

Командир сотни дал слово своим казакам, что он не успокоится до тех пор, пока не уничтожит шайку. Кроме того, его очень интересовала сама предводительница, красивая китаянка, пользовавшаяся такой незаурядной романической славой. Она его интриговала гораздо больше, чем вся шайка.

Чтобы обмануть хунхузов, он предварительно пустил слух, что идет на север, в долину реки Мурени, куда послал взвод казаков под начальством урядника, переодетого в костюм командира сотни и загримированного. Тем временем он сам двинулся со своим отрядом на юг через тайгу, минуя дороги и тропы, задерживая всех встречных по пути звероловов и охотников. С отрядом находились китаец-разведчик и проводник, взявшийся показать пристанище хунхузов, отстоявшее от станции на расстоянии дня конного пути. Алатаев сидел на своем любимце, полудиком жеребце «Чорте», имея при себе шашку и револьвер, а в руке неизменный стэк.

Во время отдыха на одном из перевалов хребта Сун-Лина из зарослей тайги вышел Барс и, подойдя к Алатаеву, стал к нему ласкаться и выражать свою радость громким мурлыканьем. Как сам командир сотни, так и все казаки были довольны, что их питомец опять нашелся, и старались его погладить и сказать ему ласковое слово. Барс не отходил от Алатаева и в конце концов улегся у его ног, положив свою голову к нему на колени.

Огней не разводили, боясь обнаружить себя хунхузам. После получасового отдыха и легкого завтрака, хлеба с салом, отряд поднялся втихомолку и двинулся дальше, спускаясь в глубокую падь, заросшую густым дремучим лесом. На дне пади бурлил горный ручей; на вершине ее, среди каменных россыпей, скрытая засекой из срубленных деревьев, приютилась большая фанза хунхузов, сбитая из толстых кедровых бревен.

Хунхузы, видимо, не знали о движении русского отряда и беспечно проводили время в праздности и удовольствиях. После сытного обеда из пельменей, — «чушка мясо», — и обильного возлияния ханшина, многие завалились спать на теплых канах, покрытых циновками; другие же засели за банчек и резались в карты; но не мало было и любителей опиума: они залегли со своими курительными приборами в заднем углу фанзы на канах и погрузились в сладостное небытие, полное блаженных снов и фантасмагорий.

Сам предводитель с утра напился крепкого ханшина и, потеряв сознание, громко храпел на всю фанзу на своей половине, за досчатой перегородкой, отделявшей ее от общежития. Только одна китаянка,

вооруженная пистолетом Маузера в деревянной кобуре, была на-чеку и постоянно проверяла часовых, наказывая их, в случае сна на посту, жестокими ударами железной палки, которую она не выпускала из рук.

Это была высокая, стройная, молодая женщина с типичным профилем хищной птицы и длинною косой, в которую искусно были вплетены русские и китайские серебряные монеты. Одета она была по-мужски, в узкую куртку синего шелка и широкие шаровары. На ногах кожаные туфли из сыромяти. Тонкие пальцы с длинными зеостренными ногтями и большие черные глаза с пушистыми ресницами вполне гармонировали с представлением о хищном звере Черной Пантере, имя которой она носила по заслугам. Самая походка ее, мягкая и крадущаяся, подтверждала это сходство и бросалась всем в глаза с первого взгляда.

Наружность предводителя также вполне соответствовала прозвищу. Он был действительно похож на Красного Чорта или на гориллу: огромного роста, бычачьей силы, с широкими выдающимися челюстями; длинные волосатые руки, узкое переносье, широкие ноздри и дикое выражение небольших серых глаз дополняли это поразительное сходство с человекообразной обезьяной. Он был жесток до невероятия и не признавал никаких законов, ни Божеских, ни человеческих; даже сами хунхузы нередко протестовали против его неслыханных зверств, но его сила воли и зверская внешность импонировали разбойникам, подчиняя их совершенно. Только одной Хэй-Бао боялся Хун-Мо-Гуй и подчинялся ей беспрекословно. Ее слово было законом не только для предводителя, но и для шайки. Китайские власти того времени смотрели сквозь пальцы на хунхузов и даже, быть может, потворствовали им, имея от этого свою выгоду, и разбойники чувствовали себя спокойно, налагая дань на имущее население и купечество. Поэтому русским войскам было очень трудно бороться с этим злом, принимая во внимание еще и труднодоступную горную местность, заросшую дремучими лесами, дававшими надежное убежище и приют многочисленным шайкам хунхузов. Почему красавица китаянка имела такое влияние на предводителя и его шайку, — никто не знал. Это была ее тайна, или, вернее, тайна старой тайги, которую она хранила в своих недрах и оберегала от чуждых и враждебных ей взоров и ушей.

Под вечер, когда тайга потемнела и в лесных дебрях легли ночные тени, Алатаев остановил свой отряд в глубоком ущелье, где и разбит был табор. Огней не разводили, так как недалеко уже было до становища хунхузов, всего часа полтора хода.

Поужинав всухомятку и накормив коней, казаки улеглись спать на постелях из еловых веток, выставив на ночь часовых вокруг табора. Барс, неотступно следовавший за отрядом, улегся рядом с командиром сотни, согревая его своим мягким пушистым мехом.

Так прошла ночь. Перед рассветом отряд был уже на ногах и двинулся вперед за китайцем-проводником по зарослям тайги, соблюдая возможную тишину; даже привычные кони, как будто сознавая необходимость, не ржали и старались не нарушать тишины. Не слышно было ни шума шагов, ни лязга оружия: казачье снаряжение было так пригнано, что ни один звук не обнаруживал движения отряда.

Барс шел за Алатаевым, боясь его снова потерять, и жался к его ногам, когда он спешивался и вел коня в поводу. Версты за две до хунхузского стана все кони были оставлены в глубоком распадке при восьми коноводах, а отряд, во главе с командиром сотни, двинулся

вперед, следуя указаниям разведчика. Было еще темно, но на востоке занялась заря и звезды одна за другой начали меркнуть.

Алатаев шел впереди отряда со стэком в руке. За ним, не отставая ни на шаг, двигался Барс.

Шагов за пятьсот до засеки казаки увидели хунхузского часового; он сидел на пне и, поставив винтовку возле себя, как будто дремал, опустив голову на грудь. Этого часового надо было бесшумно и быстро снять. Вызвались охотники — двое близнецов донцов из станицы Аксайской. Перекрестясь и закинув винтовки за спину, они тихо поползли к часовому, сидевшему на пне неподвижно.

Светало. Ночные тени в глубине тайги исчезли и в небе начали розоветь перистые облачка. Проснулись неугомонные дятлы и застучали своими крепкими клювами по стволам деревьев.

Казаков не было видно, они ползли как змеи, приближаясь к хунхузу с неумолимостью рока. Вот они уже в десяти шагах от него. Хунхуз что-то почуял и насторожился. Казаки замерли затаив дыхание и, не поднимая голов из снежного сугроба, выжидали момента для нападения. Часовой снова успокоился и, поставив возле себя винтову, зевнул и предался мечтательному созерцанию. Продвинувшись вперед еще на три шага, казаки снова подняли головы. Хунхуз сидел так же неподвижно. Оставалось еще семь шагов! Но время уходило, надо было действовать. Как будто сговорившись, близнецы поднялись и в мгновение ока ринулись на часового, который от неожиданности опрокинулся навзничь, не успев схватить винтовку. Один из близнецов сидел уже на нем и душил его за горло своими железными пальцами. Не прошло и полминуты, как хунхуз был мертв и смотрел безжизненными глазами в светлевшее утреннее небо.

Весь отряд, затаив дыхание, наблюдал из таежной чащи за действиями близнецов и видел гибель часового. Теперь можно было приступить к атаке.

Разделив казаков на группы и дав каждой из них задание, Алатаев сказал, обращаясь к старшим: «Хунхузов бейте сколько угодно, но китаянку надо захватить живьем! Помните это!» Казаки молча переглянулись и разошлись по своим местам в ожидании сигнала атаки.

От засеки до фанзы, где спали хунхузы, было шагов пятьдесят. По свистку командира сотни казаки с обнаженными шашками бросились к фанзе. Один из задних часовых выстрелил в упор и убил молодого солдата, но тут же был изрублен шашками.

Ворвавшись в фанзу, казаки рубили шашками растерявшихся и обезумевших от страха бандитов. Некоторые из них, совершенно голые, успели захватить винтовки и открыли беспорядочную стрельбу по казакам и по своим, так как в попыхах и в полумраке фанзы не могли ни целиться, ни видеть врага. Казаки рубили их «как капусту» в самой фанзе и на дворе, причем некоторым удалось бежать в тайгу, но без всякой одежды, так как они не успели в панике накинуть на себя даже халатов.

Алатаев ворвался в фанзу со стэком в руке одним из первых, за ним казаки. Хэй-Бао, спавшая за перегородкой с предводителем, услышав выстрелы и крики нападающих, стала его будить, но добудиться не могла, и тогда, схватив пистолет, выбежала из-за перегородки и столкнулась с глазу на глаз с Алатаевым, который, увидев ее, опустил свой стэк и крикнул по-русски:

«Хэй-Бао! Сдавайся! Я пощажу тебя, если ты положишь оружие!»

Вид китаянки в этот момент был прекрасен и в то же время до жуткости страшен: высокая, стройная и смуглая, с развевающимися волосами, с широко открытыми огненными глазами и оскаленными зубами, она действительно походила на разгневанную пантеру, которую охотники потревожили в логовище!

Несмотря на остроту момента, Алатаев был поражен красотой этой женщины и хотел насильно ее обезоружить, но китаянка предупредила его и, подняв над головой пистолет, громко крикнула по-русски:

«А, это ты, знаменитый покоритель тигров и женщин! Ты хочешь взять меня живой, как Ин-Тао, и сделать меня рабой и наложницей! Нет, тебе не дождаться этого! Лучше смерть, чем золотая клетка!» — Сказав это, она быстро приставила пистолет к своей груди и выстрелила. Алатаев бросился к ней, но было уже поздно; она упала на трупы убитых хунхузов и выронила из руки оружие. Грудь ее окрасилась кровью и смуглое прекрасное лицо приобрело мраморно-желтый оттенок. Душа ее рассталась с телом после бурной и загадочно-таинственной недолгой жизни.

Вскоре после этого почти все хунхузы были перебиты; только немногие голышем убежали в тайгу и там замерзли.

Живьем забрали самого предводителя Хун-Мо-Гуя и пятерых бандитов, положивших оружие. Всех их связали и положили на кан в фанзе. Хун-Мо-Гуй был в припадке белой горячки. Он бредил и ругался по-русски «скверными словами», не сознавая всего происходящего. Казаки, глядя на его багровое, обросшее рыжей щетиной широкое лицо и слыша его отборную ругань, говорили: «Это не китаец, а наш русский! Видно по всему обличью и по тому, как он ругается. Китайцы так не умеют!»

Казаки также понесли некоторые потери, так как убитыми оказались двое и ранеными четверо. Сделав перевязку раненым, сотенный фельдшер занялся Барсом, у которого была сломана передняя лапа и пробита топором голова. Хищник также принимал участие в битве и задушил нескольких хунхузов, но и сам поплатился тяжелыми ранениями. Сделав ему перевязку, фельдшер покачал головой и доложил кодандиру сотни, что зверь до вечера не доживет. И действительно, вскоре же он околел на руках у Алатаева, не приходя в сознание.

Алатаев чуть не плакал, потеряв своего четвероногого друга, и приказал снять с него, на память, его пеструю красивую шкуру.

Казаки тоже жалели своего питомца, который отдал свою жизнь, сражаясь вместе с ними, плечом к плечу.

Когда все было закончено, командир сотни приказал стащить все хунхузские трупы в фанзу и зажечь ее. Вскоре она запылала как костер, и языки пламени и тучи искр, крутясь, шипя и воя, взвились в ярко голубое небо, над вершинами темных вековых кедров. Часа через два на месте фанзы дымилась груда пепла, под которой погребены были несколько десятков хунхузов и прекрасное тело Хэй-Бао, красавицы китаянки, нашедшей здесь свою безвременную раннюю могилу.

После обеда и небольшого отдыха Алатаев повел свой отряд на Север, домой, к станции Сяо-Суйфын. Для убитых и раненых казаков пришлось соорудить конные носилки, а оружие хунхузов навьючили на хунхузских лошадей, которых оказалось около сорока.

На станцию пришли поздно ночью. Пленных хунхузов сдали китайским властям, а Хун-Мо-Гуя поместили для вытрезвления в карцер при сотне. На следующий день он заявил, что он действительно бег-

лый русский солдат из Владивостока. На основании этого он был передан русской полиции и препровожден во Владивосток, где военно-полевым судом был приговорен к смертной казни и вскоре повешен. Убитые казаки были погребены с воинскими почестями на станции Сяо-Суйфын. Шкура Барса украсила кабинет командира сотни и напоминала ему о красавицах китаянках, трагически погибших в тайге на заре жизни и молодости.

КАЗНЬ ХУНХУЗОВ.

Через неделю захваченные сотней хунхузы были обезглавлены на станции Пограничной китайскими властями, вместе с другими бандитами, взятыми в других местах войсками генерала Чжана, прибывшими из Пекина для ликвидации в крае хунхузничества. Это было на третий день китайского нового года. На основании традиции и древнего обычая, хунхузам, присужденным к смертной казни, разрешено было отпраздновать новый год, причем расходы по угощению взяло на себя коммерческое общество Пограничной и местные жители китайцы. Каждый хунхуз мог выразить свое желание и свою последнюю волю и выбрать по своему вкусу угощение, независимо от его стоимости. Перед самой казнью, примерно за сутки, хунхузы курят самый лучший опиум, что совершенно парализует их нервную систему и делает равнодушными ко всему окружающему и к собственной судьбе. К моменту казни они почти теряют сознание и становятся живыми трупами, лишенными способности реагировать на внешние впечатления.

Накануне дня казни к станции начали стекаться толпы китайцев, даже из далеких мест, верст за пятьдесят и более.

Место казни находилось в полуверсте от китайского поселка, на горном плато, окруженном со всех сторон дубовым лесом.

Мороз был сильный и, чтобы не замерзнуть, пришельцы жгли огромные костры, разложенные в лесу и на поляне около места, где должна была совершаться казнь.

Рано утром, едва только показалось солнце из-за далеких лесистых хребтов, толпы китайцев начали стягиваться к лобному месту и располагаться вокруг него кольцом. Милиция и отряды пекинских войск, вооруженные винтовками и бамбуковыми палками, расталкивали народ и, оцепив место казни, стали ждать появления печальной процессии из китайского поселка, где содержались смертники.

Вскоре из поселка выступил взвод солдат; впереди шли трубачи и трубили в длинные медные трубы какую-то дикую мелодию, от которой у людей нервных и впечатлительных «застывала кровь в жилах». Эти звуки неслись вдаль и горное эхо повторяло их много раз в глубине тайги. За солдатами двигались пароконные арбы, на которых сидели и лежали хунхузы в ножных деревянных колодках. Многие курили трубки и смотрели совершенно, казалось, равнодушно и безучастно на толпу людей, встречавших их любопытными взглядами, и на лобное место, где предстояло им расстаться с жизнью, и на яркое солнце, которое они видели в последний раз. Их было тридцать шесть человек. Одеты они были довольно легко, в ватные куртки на голое тело, с непокрытыми головами. У каждой арбы шествовал конвой из пяти солдат. На каждой арбе находилось по шести хунхузов.

Толпа китайцев, до того шумливая и болтливая, затихла, внимательно всматриваясь в бледные, изможденные лица смертников.

Над каждым хунхузом возвышалась доска с китайскими иероглифами, обозначавшими фамилию смертника и преступления, им совершенные.

По прибытии на место казни, солдаты конвоиры сняли хунхузов с арб и на руках отнесли их на заранее назначенные места, вытянувшиеся в одну линию, на расстоянии десяти шагов одно от другого. Все они были поставлены на колени, лицом к востоку, чтобы дать им возможность последний раз полюбоваться солнцем.

Куртки с них были сняты и они остались обнаженными до пояса. Руки им связали на спине веревкой. В таком положении они оставались до сигнала, сыгранного на трубе по приказанию начальника отряда, офицера пекинских войск.

По этому сигналу из его свиты вышел палач со своим помощником. Это были китайцы, бывшие хунхузы, но помилованные за согласие стать палачами. Главный палач был человек огромного роста и могучего сложения. Одежда его состояла из черной куртки и шаровар в обтяжку. На голове был повязан черный платок. В руках он держал большой широкий меч с длинной рукояткой. Стальное лезвие меча сверкало на солнце, и сверкали, как у волка, дикие глаза палача, смотревшего исподлобья на свои жертвы. Выражение лица у него было зверское, а вся фигура его напоминала какого-то хищника кошачьей породы. В противоположность ему, его помощник отличался маленьким ростом и невзрачностью. В руке у него был небольшой нож, имеющий вид кривого кинжала.

Палач, сосредоточивший на себе внимание смертников и тысячной толпы, видимо бравировал впечатлением, которое он производил и, выйдя на середину круга, поднял свой меч и несколько раз взмахнул им в воздухе, держа его обеими руками, причем меч сверкал как молния, отражая яркие солнечные лучи. Казалось, что это не обыкновенный человек, а исчадие самого ада, исполнитель чьей-то злой воли.

Так прошло минут пять, при гробовом молчании толпы.

Но вот прозвучал второй сигнал в ясном морозном воздухе. Вслед за ним раздался пронзительный крик, как клекот хищной птицы, как вой нападающего зверя! В мгновение ока, после этого крика, палач подбежал к крайнему хунхузу, голову которого оттягивал солдат за косу, и с размаху ударил мечем по вытянутой шее. Послышался хряск костей при рассечении шейных позвонков, и голова, отделившись от туловища, как кочан капусты, покатилась в сторону, брызгая вокруг себя кровью. Обезглавленное туловище оставалось некоторое время в прежнем положении. Потом оно подалось вперед и упало на снег, обагряя его алой горячей кровью, вытекающей из перерубленных шейных артерий.

Отрубив голову одному хунхузу, палач подбегал к следующему и, предупредив его диким криком, отсекал голову одним взмахом.

Если по каким-либо причинам голова не была отделена сразу, помощник палача отделял ее ударами ножа, перерезая горло и кожу на шее.

Хунхузы, ожидающие своей очереди, смотрят, как летят головы их товарищей и если взмах меча удачен, кричат в один голос «хо!», то-ест «хорошо!». Если же голова не отсечена сразу, то вся толпа зрителей кричит громко «пу хо!», то-есть «нехорошо». В этом случае палач

нервничает и в свое оправдание выкрикивает: «цо!», то-есть «ошибся».

Среди хунхузов был один известный вождь по имени «Юн», то-есть «Храбрый». Он пользовался популярностью и славился бесстрашием и рыцарским отношением к бедным и бездомным. Когда голова его покатилась по утоптанному снегу и, моргая глазами, казалось, хотела что-то сказать, толпа ахнула и раздались крики: «сынь! сынь!», то-есть «сердце! сердце!».

Помощник палача, услышав это требование, подошел к обезглавленному телу вождя, перевернул его на спину, вскрыл одним взмахом ножа грудную клетку, достал оттуда горячее трепещущее сердце хунхуза и бросил его в толпу. Что произошло после этого, описать трудно. Застывшая на мгновение народная масса ринулась к этому сердцу и каждый старался его схватить. Произошла невероятная давка, свалка и драка. Кому досталось сердце храброго вождя — неизестно, но порядок был вскоре восстановлен бамбуковыми палками и прикладами пекинских солдат. В конце концов это сердце очутилось в руках китайского купца, который продал его за большую сумму по маленьким кусочкам, как талисман, приносящий счастье.

Опьяненный видом человеческой дымящейся крови, палач по окончании своей ужасной работы пришел в неистовый экстаз и начал слизывать языком кровь, оставшуюся на клинке меча. При этом он рычал как дикий зверь, приводя в панику толпу любопытных зрителей, среди которых были не только мужчины, но даже женщины и дети. В толпе были заметны и русские из поселка Алексеевки и служащие КВжд.

После казни тела хунхузов были раздеты, свалены в одну общую яму и засыпаны снегом с камнями. Головы казненных были вывешены на частоколе в китайском поселке и над ними прибита доска с надписью китайскими иероглифами, поясняющими преступления каждого.

Тело предводителя Юн было выдано родственникам и на арбе увезено в Хунчун для погребения.

К вечеру того же дня на месте казни не было уже ни одной живой души, и только стаи ворон справляли кровавую тризну, да голодные китайские собаки с жадностью пожирали пропитанный кровью снег.

По ночам там собирались красные волки, вырывали из-под снега трупы казненных, разрывали их и дрались из-за лакомой добычи. Жители китайского поселка прислушивались к вою волков и не могли спать. А собаки, вторя вою своих диких предков, задавали концерты, пугая женщин и маленьких детей.

К весне все трупы хунхузов были вырыты волками и собаками и на лобном месте белели только обглоданные кости среди молодой, ярко-зеленой травы, пестревшей голубыми пятнами фиалок и подснежников. Вскоре там зацвели ландыши и ярко-красные лилии. Сведующие китайцы были убеждены, что это кровь казненных выступает из земли в виде цветов.

Женщины и дети собирали эти цветы и употребляли их в пищу, в полной уверенности в их целебности от многих болезней. Существует поверье, что такой цветок, выросший из крови, дает долголетие и телесную крепость.

Головы казненных хунхузов долго еще висели на заборе китайского поселка, пугая прохожих своим страшным оскалом зубов и темными дырами глазных впадин, в которых гнездились мухи и черви. Налетавший ветер трепал их волосы и черные косы как змеи шевелились и извивались между сухими жердями частокола. Вороны с карканьем

вились над ними, как бы жалуясь на то, что тут нечем поживиться.

Солнце светило все ярче и проснувшаяся от долгого зимнего сна тайга запела свою весеннюю песню. В перелесках и речных уремах защелкали дрозды и камышевки; начали куковать кукушки и хохлатый щеголь удод на утренней заре перекликался со своей подругой. Меланхолический крик иволги и воркованье горлинок нарушали тишину весенних сумерек, а дружный лягушечий хор гремел над болотистыми лугами, залитыми вешними снеговыми водами.

Где-то в камышах крякали утки и ухала выпь, а с вершины голубого неба неслись зычные голоса гусей и журавлей, тянувшихся косяками на север, в суровые тундры далекой Сибири. Природа дышала полной грудью, жадно вбирая в себя свет и теплоту животворящего солнца.

ТАНЕЦ С КИНЖАЛАМИ.

В день рождения Государя Императора штаб бригады устроил грандиозное празднество. После молебна в церкви станции Ханьдаохэцзы был парад войскам всего гарнизона на площади перед вокзалом, причем командир бригады, полковник Пальчевский, прозванный за свою бороду «Черномором», пропуская мимо себя конную сотню, роту и штабную команду, поздравил их с праздником и провозгласил «ура» в честь Государя. Заамурцы дружно ответили на приветствие и под торжественные звуки «Коль славен» и «Боже, Царя храни!» разошлись по домам, где для них был приготовлен парадный обед с вином и чаркой водки. Затем в казарме конной сотни состоялся спектакль с участием офицеров и солдат. После спектакля, под звуки духового оркестра бригады, нижние чины всего гарнизона лихо отплясывали «русскую», трепака и польку-кокетку со своими женами и сестрами, приехавшими накануне из России. Так как в казарме было тесно и жарко, танцы продолжались на дворе, и раскрасневшиеся красавицы утоляли жажду ледяным квасом и пивом. Не обошлось, конечно, и без шампанского, которым угощал их из собственных рук Черномор, в награду за лучшие танцы и песни.

Под конец, когда ноги отказывались уже служить, старые охранники спели общим хором свою традиционную боевую песню под аккомпанемент выстрелов из револьверов. Каждая строфа этой песни оканчивалась припевом: «Сторонись от дороги той! Пеший, конный не пройдет живой!» Песня эта называлась «Монашка». Происхождение ее неизвестно, но старые служаки уверяли, что автором ее был Алатаев, старый охранник, хотя он категорически это отрицал. Слова и мотив этой песни были очень оригинальны и характерны; подымая энергию и воинственный дух, они возбуждали предприимчивость у пионеров дикой Маньчжурии и толкали их на ратные подвиги.

Горы и леса Маньчжурии прислушивались к звукам этой песни, и старая тайга тихо роптала, как бы жалуясь на нарушителей своего вековечного покоя. Убогий зверолов, слушая издалека свистки паровоза и отголоски этой песни, залетавшие с горным эхом в самые недра Шухая, лесного моря, бросал свою ветхую фанзу и уходил в недоступные дебри, куда не достигали никакие посторонние, чуждые первобытной природе звуки.

Дикий лесной зверь, чувствовавший себя господином в просторах Шухая, с тревогой навострял свои уши в сторону неведомых звуков и, рыча, удалялся в горные твердыни, под защиту великого духа дремучей тайги, могучего Вана, спавшего непробудным сном в своем царственном заоблачном чертоге в скалистых хребтах Лао-Вина.

Вечером того же дня казармы сотни на станции Ханьдаохэцзы блистали многочисленными огнями и разноцветными китайскими фонариками. На эстраде гремел духовой бригадный оркестр и командир бригады, полковник Владимир Игнатьевич Пальчевский с супрогой Ольгой Николаевной встречал многочисленных гостей, съехавшихся со всей Восточной линии КВжд, от Пограничной до Харбина. Для семейных офицеров и гостей был отведен отдельный флигель при штабе бригады и собрание.

Супружество Франк, получив приглашение на вечер, повздорило из-за Алатаева. Супруг поставил своей жене условие — не танцевать с Алатаевым. Сначала она запротестовала против такого «драконовского» требования, но видя упрямство благоверного сдалась и согласилась на все условия.

Алатаев тоже получил приглашение, но решил не ехать, а остаться дома, на вечеринке у своих казаков.

Дамская половина общества и часть мужского, узнав об этом, решили принять свои меры, так как без Алатаева праздник не в праздник. С этой целью к Черномору отправилась депутация из дам и девиц, с просьбой приказать Алатаеву явиться. Черномор, атакованный упорным неприятелем, принужден был сдаться и согласился послать командиру сотни срочную телеграмму о немедленном выезде. Для подкрепления своего приказа командир бригады по телефону просил начальника депо срочно выслать за Алатаевым паровоз на станцию Сяо-Суйфын. Эта просьба была поддержана супругой начальника депо, молодой рыжекудрой красавицей, страстной любительницей танцев.

Через полчаса после этого разговора резервный паровоз несся на всех парах к востоку, минуя станции и разъезды и получая на ходу жезл.

Узнав от Ерофеича, что за ним прислан паровоз со станции Ханьдаохэцзы, командир сотни прежде всего выругался «кислым словом» по адресу «Дедушки Черномора» и сгоряча собрался было отправить паровоз обратно, но тут во-время подоспел Ерофеич со своим непрошенным замечанием, сразу охладившим пыл его начальника.

Поглаживая пышные усы, он сказал:

«Так что, Ваше Высокоблагородие, я думаю, что вам беспременно надо ехать! Телеграмма — это еще ничего, можно было бы и не ехать, но паровоз — это уже другая статья: отказаться уж никак невозможно! Командир бригады будет сильно обижаться!» — Сказав это, вахмистр глухо откашлялся и уставился на командира отеческим взглядом.

Алатаев хитро улыбнулся и, подумав немного, ответил: «Спасибо за совет, старик! Ты конечно прав, но мне что-то не хочется ехать, я ведь прекрасно знаю, почему Дедушка Черномор послал за мной паровоз. Здесь тоже надо искать женщину, как говорят французы!»

«Это правильно, Ваше Высокоблагородие! — возразил ему Ерофеич, прищурив хитро один глаз. — Одно слово бабы! Однако, что на них смотреть! Главное — надо исполнить приказание начальства! К тому же — паровоз! Ему никак нельзя идти назад порожняком!»

«Старина! — воскликнул Алатаев, целуя Ерофеича в обе щеки, —

ты к сожалению опять прав! Наплевать мне на всех баб! Я сейчас еду! Эй, Игнат! Давай сюда мою белую черкеску и синий бешмет! Да поживее, а то опоздаю к вечеру!» Эти последние слова относились к деньщику, который, как будто читая мысли своего командира, стоял уже в дверях кабинета, держа в руках белую папаху, бешмет, черкеску и небольшой кинжал в дорогой серебряной оправе.

Переодевшись и взяв в руку неизменный стэк, Алатаев мельком взглянул на себя в зеркальное трюмо и, насвистывая свой любимый мотив из «Цыганского барона», вышел в сопровождении Ерофеича на двор и быстро направился к вокзалу, где стоял под парами паровоз, готовый к отправлению. Поздоровавшись с машинистом и дежурным по станции, он одним прыжком вскочил на переднюю площадку паровоза. Раздался свисток и стальной конь, развивая предельную скорость, помчался на запад, не останавливаясь нигде и забирая в пути жезлы.

Агенты КВжд, встречая бешено мчавшийся паровоз и заметив на передней его площадке знакомую фигуру командира сотни, говорили между собой, делясь впечатлениями:

«А, это ротмистр Алатаев! Ну, будет дело! Держу пари, что тут замешана Ева! Моя старуха тоже укатила на Ханьдаохэцзы. Любопытство бабье не дает, видно, покоя! По этому случаю, Миша, пойдем в буфет и пропустим по единой!» С этими словами начальник станции взял под руку своего приятеля телеграфиста и направился с ним к буфетной стойке, где услужливый грузин-буфетчик уже приготовил стопки кристальной смирновки и разнообразную закуску из маринованных огурчиков, икры, сардинок и почек в сметане.

После третьей стопки приятели пошли домой обнявшись, и молодой веснущатый телеграфист, наклонясь к уху пожилого начальника станции, шептал, обдавая его своим горячим дыханием: «Послушай, Саша, вот мы с тобой сидим здесь в дыре и влачим жалкое существование, получая гроши за свой каторжный труд! А Алатаев и другие офицеры и инженеры живут припеваючи, ничего не делая! Где же тут справедливость, Саша! Я хочу жить так же, как они!» — «Миша, ты опять говоришь глупости! — возразил ему убеленный сединами начальник станции, остановившись у крыльца своего дома. — В тебе кипят зависть и злоба. Почему же ты не пошел в военную службу? Был бы тоже офицером! Кто же виноват в том, что ты всего только ничтожный телеграфист? Всякий труд хорош и уважаем и ты должен им гордиться и в поте лица добывать себе хлеб,как умеешь! Офицер, инженер, телеграфист и сапожник, каждый служит и трудится по своей специальности, и ты грешишь против заповеди! Вот я тоже был телеграфистом и дослужился до начальника станции; у меня семья, казенная квартира, свое хозяйство, и я не жалуюсь, так как, слава Богу, живу неплохо. За офицерами и инженерами не гонюсь: у них свое, у меня свое! В свободное время балуюсь охотой и тебя же, дурака, снабжаю фазанами! Все мы служим своей родине, служи и ты и не ропщи, это тоже великий грех! Алатаев славный человек, дай Бог ему здоровья! Он не раз выручал меня; последний раз, когда детей надо было отправлять учиться. Моя старуха молится на него, а я его люблю и уважаю!»

«Саша! — отвечал ему заплетающимся голосом телеграфист. — Ты, кажется, меня не понял! Я ничего не имею против Алатаева, наоборот, я им восхищаюсь и даже влюблен в него, как институтка, но моя душа не может мириться с этой серенькой жизнью в китайском захолустье. Чем же я хуже других? Не съел же я у Бога теленка!»

«Миша! Ты опять за свое! Иди лучше спать! Когда проспишься, приходи ко мне, я угощу тебя чудной сливянкой и дам тебе прочесть одну прекрасную книгу, которая научит тебя уму-разуму. Эта книга называется Евангелием, мудрее ее нет книги на свете! А теперь ступай с Богом и на досуге подумай о том, что я тебе сказал!» Произнеся эти слова, старый железнодорожник ушел к себе домой, а телеграфист, виновато улыбаясь, поплелся в свою холостяцкую половину, где услужливый стрелочник китаец уже зажег керосиновую лампу под зеленым матовым абажуром.

Вечерняя заря уже погасла и в глубине потемневшего неба загорались яркие звезды. Из тайги потянуло прохладой; в теплом воздухе стоял аромат цветущей сирени и распустившихся почек.

Телеграфист долго стоял у раскрытого окна, прислушиваясь к тихому шелесту листвы, пению камышевки и кваканью лягушек в ближайшем болоте. Спать ему не хотелось.

Алатаеву надоело трястись на передней площадке паровоза, где его бросало во все стороны, как на корабле в бурю, и он перешел в будку к машинисту, своему старому приятелю, который как-то научил его в совершенстве управлять паровозом. С полпути, то-есть от станции Даймагоу, Алатаев сменил машиниста и стал у контрольного рычага. Зная прекрасно профиль пути и детали его закруглений, он развил такую бешеную скорость, что кочегар, опасаясь за свою жизнь, счел необходимым разбудить машиниста, безмятежно спавшего в тендере среди дров. Узнав в чем дело, машинист мельком взглянул на контрольный аппарат и, проговорив «ого!», повернулся на другой бок и снова заснул. Дежурные по станции, подававшие кочегару жезл и принимавшие от него старый, только покачивали головами и зная, что на паровозе командир сотни, про себя говорили: «Должно быть, Алатаев сошел с ума, развивая такую невероятную скорость! Погубит он паровоз, машиниста, кочегара и себя! Что смотрит машинист!»

Заамурцы, стоявшие на постах, пропуская мимо себя этот мчавшийся на всех парах паровоз под управлением командира сотни, приходили в веселое настроение и говорили между собой:

«Ну и молодец же ротмистр Алатаев! Не боится! Не боится полететь вместе с паровозом под откос! Что и говорить, герой! Вот бы нам такого командира!»

Китайцы огородники ближайших к линии хуторов, смотря на бешеную скачку стального коня, воображали, что это летит сам дракон и из ноздрей его пышет пламя, за ним стелется туман и вздымаются столбы пыли.

А паровоз продолжал лететь с такой же скоростью и к вечеру тихо подошел к вокзалу станции Ханьдаохэцзы, где его встретил сам начальник депо и с веселой улыбкой спросил машиниста:

«Какая скорость?»

«Двести!» — отвечал машинист, показывая на стрелку контрольного аппарата.

«Недурно! — воскликнул начальник депо и прибавил, прощаясь с машинистом — «удивляюсь, как вы не сломали своих голов!» Затем, обращаясь к Алатаеву, проговорил: «Вас давно уже ждут и не хотят начинать танцев!»

Алатаев молча отдал ему честь и поблагодарив за «хорошего коня», отправился к казарме сотни, откуда доносились звуки Заамурского марша.

Появление Алатаева на вечере произвело настоящую сенсацию, так как начальник депо заявил, что посланный за ним паровоз опаздывает и не может его доставить вовремя. Все были удивлены, а прекрасная половина приятно поражена, когда ее кумир и общий любимец вошел в зал, уставленный цветами сирени и жасмина.

Все общество встретило его дружными аплодисментами, а супруга командира бригады приколола к его черкеске зеленый бант — знак избрания его дирижером и руководителем танцев. По обычаю Заамурцев, он принял этот знак став на одно колено и поцеловав руку командирши.

Вследствие необычайно теплой погоды, на дамах были легкие бальные платья из японского шелка и тюля. Кавалеры были в кителях и белых замшевых перчатках. Прически дам и девиц украшали живые цветы, преимущесетвенно розы всевозможных цветов из богатой оранжереи начальника участка.

Танцы открыты были мазуркой, причем в первой паре, по традиции, выступал распорядитель с супругой командира бригады. Во второй паре — его заместитель, поручик Лосский со старшей дочерью командира, красавицей Ниной, недавно окончившей Смольный институт.

Танцуя мазурку с командиршей, Алатаев превзошел себя и вызвал шумный восторг всех танцующих новыми фигурами.

После небольшого перерыва танцевали польку-мазурку, па-да-катр, падеспань, немецкий вальс, польку и, в конце концов, кадриль. Звучный баритон Алатаева, покрывая оркестр, гремел в зале и подчинял себе сто танцующих пар. Как дирижер, он был гениален и виртуозен и не давал, как говорили, ни отдыху ни сроку танцующим. Он увлекал всех своей изобретательностью и весельем, и никто из кавалеров не мог присесть ни на минуту. В антрактах между танцами солдаты, в белоснежных рубашках-гимнастерках, разносили мороженое и лимонад, а мамаши во время танцев чинно сидели вдоль стен и любовались своими отпрысками, строя различные комбинации матримониального характера.

После легкого ужина, который был подан в 12 часов ночи, и тостов о здравии Государя Императора и всей Августейшей семьи, когда звенели бокалы с шампанским и искрилось вино, раздались торжественные звуки русского национального гимна и все хором запели «Боже, Царя храни! . .» Этот гимн был подхвачен сотнями голосов и скоро вся станция, как гигантский орган, гремела звуками; они рокотали как отдаленный гром, и неслись в вышину звездного неба.

Затем был объявлен часовой перерыв, как отдых, и Алатаев организовал «petites jeus»; играли в жмурки, веревочку, свои соседи, фанты, краски, оракул и веселились как дети. Весь пол казармы и прически дам были усыпаны конфетти, бумажными лентами серпантина и поблекшими ветками с цветами сирени, жасмина и роз. В это время «старичье» удалилось на покой, осталась одна молодежь, решившая танцевать до утра. Узнав об этом, Алатаев приказал оркестру играть краковяк и скомандовал по французски: «Дамы приглашают кавалеров!», после чего дамы стали приглашать кавалеров и на Алатаева сразу же образовалась очередь. По мнению женщин, чудный Вадим танцевал как бог, в особенности краковяк, в последней фигуре которого он поднимал свою даму за талию и, став на одно колено, перебрасывал ее через себя. Этот номер был особенно эффектен и за него дамы готовы были вступить в бой друг с другом. Так как время было ограничено и с Алатаевым не могли танцевать все желающие, пришлось

устроить лотерею и тянуть билетики. Счастливицами оказались пять дам, с которыми Алатаев протанцевал знаменитый краковяк. Он был положительно неутомим в танцах и только ,для охлаждения внутреннего огня, «чтобы не воспламениться», как говорили его товарищи-офицеры, глотал куски льда, запивая их холодным шампанским.

Царицею бала, по общему признанию, была избрана Верочка Франк, как по красоте и изяществу, так и по умению танцевать, в чем она не имела себе соперниц. Но, помня обещание, данное ревнивому мужу, она ни разу не танцевала с Алатаевым, на что сразу же обратили внимание «кумушки» и стали надоедать ей, задавая ехидные вопросы. Но Верочка в долгу у них не оставалась, остроумно парируя все их колкости и шпильки. Она держала себя с большим достоинством, как и подобало царице бала, но кумушки все-же не могли простить ей ее превосходства и следили не только за всеми ее движениями, но и за взглядами, которыми она обменивалась со своими кавалерами.

В одном из уютных уголков гостиной, обставленном пальмами и лимонными деревьями, между двумя кумушками бальзаковского возраста происходил такой разговор:

«Вы разве не заметили, дорогая Глафира Евлампиевна, как эта развратница Вера Франк, кокетничает с Алатаевым, бросая на него издали страстные, жгучие взгляды? Я слежу за ней уже давно и уверена, что она изменяет своему мужу, притворяясь святошей! Вадим тоже в долгу не остается и отвечает ей тем же! Свою китаянку он уже забыл и увлечен Верой! Я вижу их насквозь от моего глаза ничего не ускользнет! Меня не обманешь! Я предвижу новую главу интересного романа этого цыганского барона, но ему придется считаться с мужем! Он хоть и порядочная размазня, но способен защитить свою часть! Даю вам слово, что я выведу на чистую воду все их шашни и амуры! Я уж намекала этому дураку Франку и давала ему совет присматривать за женой, а он, вместо благодарности, обозвал меня старой сплетницей! Во-первых, я совсем еще не старая, а во-вторых даже не сплетница. так как всем известно, что Вера ставит ему рога!»

«Уж и не говорите, милая Анфиса Степановна! — отвечает собеседница, закуривая папироску. — Это сущая правда и я сама, при всей близорукости, замечаю непристойное поведение мадам Франк! Это ведь соблазн для нашей молодежи и позор для общества! Чего только смотрит начальство? Алатаева, за его безобразия, давно следовало погнать со службы! Наш Черномор смотрит на это сквозь пальцы, так как у самого рыльце в пушку! Эх, дали бы мне власть, я бы показала им, где раки зимуют!.. А теперь, мать, пойдем посмотрим, как наш орел лезгинку танцует. Нечего и говорить, на это он мастер! Самый разбойничий танец!» — В это время, действительно, музыканты играли лезгинку и слышалось дружное хлопанье в ладоши.

Вокруг Алатаева образовалась непроницаемая толпа, и кумушкам пришлось немало поработать боками и локтями, прежде чем им удалось стать в первые ряды зрителей.

Вадим танцевал с видимым увлечением. Красивые огненные глаза его, казалось, метали искры; стройные ноги в кожаных чулках двигались с такой быстротой, что сливались в одну общую массу, совершенно теряя свои очертания. То он двигался тихо, как бы плывя по воздуху, не прикасаясь к земле ногами; то стремительно вертелся на месте, как волчек: то ломался в тонкой талии и ходил на руках, делая сальтомортале. Несмотря на его неоднократные вызовы, партнерши ему не

находилось, что, видимо, охладило его пыл, и темпы пляски становились все реже и реже и, наконец, совсем замерли. По общему желанию, он мастерски исполнил горский танец с кинжалами, за что публика, и в особенности дамы, едва не разорвали его на части, придя в неистовый восторг. Даже кумушки не выдержали и с пеною у рта кричали: «Браво, Вадим! Браво, Алатаев!»

Верочка Франк стояла в стороне, рядом с мужем, и только издали бросала на него страстные влюбленные взгляды. Кумушки это прозевали, так как сами были увлечены общим настроением, стараясь выразить «разбойнику Вадиму» свое восхищение.

Уже под утро, когда уставших трубачей сменил хор балалаечников под управлением поручика Евдокимова, Алатаев объявил последний номер вечера и приказал играть «русскую». Так как танцоры окончательно уже выдохлись и ноги отказывались служить, Алатаев вышел в круг и, сделав несколько туров в присядку, остановился в ожидании дамы-партнерши; но никто не рискнул выйти, чтобы составить достойную пару для Вадима. Дамы и девицы молча переглядывались и, пожимая плечами, скромно опускали головы.

Алатаев застыл в выжидающей позе и нервно кусал губы.

Верочка Франк прекрасно танцевала, а «русскую» исполняла артистически, поэтому все взоры обратились на нее и раздались возгласы: «Просим! Просим! Вера Сергеевна, просим!»

Сразу можно было заметить по выражению ее лица и блеску глаз, что она с большим удовольствием готова принять вызов Алатаева, но что-то ее удерживало. Она улыбалась и, кусая губы, закрывалась веером, чтобы скрыть свое волнение от любопытных взоров.

В это время чьи-то услужливые руки подхватили ее сзади и вытолкнули вперед, на середину круга. Она очутилась перед Алатаевым, который полагал, что выход ее добровольный. Сделав выпад, он стал перед ней на одно колено, приглашая ее к танцу. Ей больше ничего не оставалось, как принять вызов; тогда, забыв все на свете, она всецело отдалась любимому танцу и, взяв в руку платочек, поплыла по кругу как лебедь, то удаляясь, то приближаясь к своему кавалеру. Алатаев был в ударе и извивался вокруг нее как юла, то приседая, то бросаясь на нее, как коршун... Пара эта была действительно прекрасна! Все, затаив дыхание, любовались ею, созерцая чудное зрелище красоты, изящества и пластичности движений...

Но вдруг, откуда ни возьмись, как ястреб из поднебесья, налетел на голубку хищник и, схватив ее за руку, дернул с такой силой, что она, не устояв на ногах, упала перед ним на колени. Это был ее муж, потерявший самообладание и пришедший в крайнее бешенство. Вид его был ужасен: на перекошенном лице сверкали оскаленные зубы; глаза дико блуждали; от волнения он не мог произнести ни слова; сжимая до боли руку своей жены, он пытался что-то сказать, но из горла его со свистом и шипением вылетали хриплые звуки и рычанье зверя. Он был страшен!

Балалаечники сразу прекратили игру по знаку Алатаева, который не смущаясь подошел к Франку и так сжал ему руку ниже локтя, что она онемела и повисла как плеть. Тогда Алатаев, не выпуская правой руки Франка, спокойно проговорил:

«Аркадий, успокойся и возьми себя в руки! Ты оскорбил не только свою жену и меня, но и все наше общество. Опомнись! Твоя дикая ревность лишила тебя рассудка! Я тебя прощаю и готов даже стать

на твою защиту перед всеми. Если же ты не опомнишься и не прекратишь свою глупую комедию, то будешь иметь дело со мной, и тогда комедия станет драмой!» Во время этого разговора толпа начала редеть. Сердобольные кумушки, подхватив рыдавшую Верочку под руки, вывели ее на двор и там, совместно с другими дамами, стали приводить ее в себя, отпаивая водой, и в конце концов увели на квартиру командира бригады, где Черномор со своей супругой, приняв в ней горячее участие, оставил ее у себя, взяв под свою защиту. Ротмистр Франк, услышав твердый и спокойный голос своего бывшего друга, как будто очнулся от кошмарного сна и посмотрел на него долгим внимательным взглядом. Возбуждение его сразу же погасло и на глазах показались слезы. Но он ему ничего не ответил, только махнул рукой и, шатаясь как пьяный, отправился в офицерское собрание, где остановился с женой. Остаток ночи он провел без сна, шагая из уга в угол по комнате, и в полдень явился к Черномору, где состоялось примирение его с супругой, при деятельном участии командирши Ольги Николаевны. Верочка искренно простила своего горячего ревнивого супруга и, после командирского обеда, укатила с ним в Харбин, где надеялась получить компенсацию за все неприятности в виде новой шляпы и модных туалетов, до которых она была большая охотница. Алатаев остановился у меня и после вечера спал как убитый весь день в моем кабинете на шкуре медведя, предпочитая эту охотничью постель мягкому пружинному матрасу. Вышел он только к ужину, добрый и веселый как всегда, насвистывая свой любимый мотив из «Цыганского барона», а потом запел своим мягким баритоном арию Мефистофеля из «Фауста«, где злой дух, смеясь, говорит: «Мой завет — до обрученья не целуй его!»

Съев с аппетитом две тарелки пельменей и попивая чай с любимым своим виноградным вареньем, он передавал с присущим ему юмором некоторые эпизоды из прошлого вечера, в том числе и дикую выходку Франка, и удачно копируя своего бывшего друга, он прибавил с грустью: «А знаешь ли? Мне его искренно жаль! Он человек не плохой, но незадачливый, и Верочка его не любит. В этом вся его трагедия!»

Через час я проводил его на вокзал, к пассажирскому поезду, и он уехал. Долго еще у меня в ушах звенела песенка из «Цыганского барона».

В ЛАГЕРЯХ.

Вскоре после возвращения командира сотни была получена телеграмма из штаба отряда о выступлении на станцию Эхо в лагеря, для чего из Пограничной подан был состав поезда, в который сотня, в полном походном снаряжении, должна была погрузиться в течение восьми часов.

Призвав к себе Ерофеича, Алатаев дал ему прочесть телеграмму и сказал: «Старик! Что ты можешь сказать по этому поводу?»

Держа в руках телеграмму, вахмистр отвечал спокойно: «Говорить нечего, Ваше Высокоблагородие! Дело ясное и простое: после обеда будем грузиться и вечером поедем на Эхо! Сколько людей прикажете оставить при штабе на станции?» У Ерофеича было озабоченное лицо, и вся его фигура с основательным брюшком как бы помолодела и подтянулась. Смотря в глаза своему командиру, он ждал приказаний.

Подумав немного, Алатаев проговорил: «От каждого взвода оставь

по пять старых надежных казаков; кроме того останутся: помощник писаря, один кашевар, огородник, мой Игнат и фельдшерский ученик. Со мной пойдет «Чорт», «Алагеза» я не возьму. Вот и все. Что можешь прибавить к этому?

Выслушав со вниманием своего командира, Ерофеич потоптался на одном месте и, многозначительно крякнув, проговорил: «Прибавлять нечего! И так все ясно! Не изольте беспокоиться, все будет сделано!»

«Ну, ступай!» — произнес Алатаев, выходя на двор, где его уже ждали четвероногие друзья, прибежавшие отовсюду на голос своего любимца.

После обеда сотня начала погрузку коней, снаряжения и вьючного обоза, и к вечеру была уже готова к выступлению. Из дверей товарных вагонов показывались мохнатые головы монголок и с любопытством посматривали по сторонам своими умными глазами, как бы спрашивая: «Куда это нас везут?» Лица казаков и солдат-новобранцев были веселы; слышался здоровый смех и забористые словца, перекрещиваясь друг с другом, летали вместе с касатками над составом воинского эшелона. Вся станция провожала свою сотню в лагерь. Тут были китайцы-лавочники с базара, принесшие гостинцы отъезжающим — леденцы и папиросы; русские переселенцы, провожавшие своих военных друзей; жены и дети старых казаков охранников, приехавшие с Дона в далекую Маньчжурию к своим кормильцам. Всем было весело, и вечернее солнце обливало их своими радостными прощальными лучами.

Командир сотни, по обыкновению, сел на паровоз и, с согласия машиниста, взялся за рычаг.

«На паровозе-то командир! — говорили казаки, рассаживаясь по вагонам, — доедем скоро и благополучно! Потому он лучше всякого машиниста понимает дело! Паровоз — это тот же конь, надо его держать в руках и не давать воли!» — Сотня была спокойна и знала, что управление паровозом и ее судьба находятся в надежных руках.

Получив от начальника станции жезл, машинист дал свисток и поезд, гремя на стрелках и стыках рельс, развивая ход, двинулся на запад и вскоре скрылся за поворотом в клубах дыма и пара.

✱

Толпа провожавших стала расходиться. Жены казаков, окруженные целыми выводками ребят различных возрастов, шли особняком и гуторили между собой о своих делах, преимущественно хозяйственного характера, или перемывали косточки своих ближних, но без всякой злобы, добродушно; доставалось и мужьям, за дело и не за дело.

«Вот видишь! — говорила одна румяная молодуха своей пожилой собеседнице, жене вахмистра: — Что он со мной сделал, аспид! Ведь нет тебе ни отдыху, ни сроку! А ему то что? Гладкий и здоровый, как бык, вот и балуется почем зря! Слава Богу, теперь хоть отдохнешь от него месяц-другой, а то просто не в моготу! Да и не я одна в таком положении, почитай, что и все казачки! Вот Авдотья, жена урядника, опять родила! А ведь у ней уж семь ребят! Старшенкой, Груне-то, поди шестнадцатый год пойдет, уже невеста, а младшему, Васятке, не больше года! Что же это такое? Одно безобразие да и только! Чего смотрит только начальство? Это ведь непорядок!»

«Да, это ты говоришь правильно, Митревна! — отвечала ей степенная, но моложавая вахмистерша, грызя семечки. — Одно баловство и больше нечего! Но ты молода и должна терпеть, а каково нам, стару-

хам! Ты думаешь, нам легче? Ничуть! Мой старик еще не угомонился! Не даром говорится — седина в бороду, а бес в ребро! Нет, мать моя, у меня это строго, по закону! Мы православные, и посты соблюдаем, скоромного ни-ни, не только в пост, но даже по средам и пятницам! И тебе советую тако же! А своему аспиду скажи, чтобы не грешил и подумал о душе. Ну вот, мы и дома! Ты, Митревна, не горюй, такая уж наша бабья доля, ничего не поделаешь! Ну, прощевай, да приходи ко мне чай пить с пампушками!»

На этом беседа их прекратилась и приятельницы разошлись по своим «хатам», где их поджидало двуногое и четвероногое хозяйство.

*

Вверив управление паровозом командиру сотни, машинист спокойно отправился спать на тендер, где и улегся на дровах, подстелив полушубок. Он не раз уже уступал свое место у рычага Алатаеву, зная, что машина находится в умелых руках.

На этот раз Алатаев вел поезд с большой осторожностью, не желая подвергать опасности крушения людей и лошадей своей сотни. Заметив это, казаки говорили между собой: «А наш командир не дает ходу, видно, нас жалеет, а то бы гнал теперь во весь дух, только бы телеграфные столбы мелькали мимо, как частокол!»

На Эхо прибыли ночью и простояли до утра не разгружаясь. Здесь же стоял эшелон охранной сотни, которой командовал ротмистр Франк. Утром, во время разгрузки, бывшие друзья встретились и, после обычного рукопожатия, стали беседовать.

«Вадим, ты не сердишься на меня за мою бестактную выходку тогда на вечере на станции Ханьдаохэцзы?» — спросил Алатаева Франк, удерживая его руку и смотря ему в лицо своими холодными бесцветными глазами.

«Я же сказал тебе, Аркадий, что простил твою вспышку необоснованной ревности и надеюсь, что впредь она не будет иметь места!» — отвечал ему Алатаев, освобождая свою руку и кладя ее на плечо своего бывшего друга.

«Это зависит не от меня, Вадим, а от поведения Веры! Мне кажется, что она тебя любит и, вследствие своего темперамента, готова не безумные поступки. Я знаю, что ты относишься к ней, как ко всякой красивой женщине, и только! Жениться на ней ты не можешь и не собираешься! Чтобы раз навсегда покончить с этим делом, я решил уехать из Маньчжурии, для чего подал рапорт о переводе в один из полков армейской кавалерии, стоящих в Европейской России. Когда мы уедем отсюда, жена забудет тебя, успокоится, и к нам, может быть, вернется прежнее счастье!» — Сказав это, Франк вынул из кармана платок и вытер пот, выступивший у него на лбу.

«Знаешь, друг мой, Аркадий! — произнес Алатаев, взяв его под руку и наклоняясь к его уху, — Тебе с Верой надо иметь ребенка! Тогда у вас будет связующий цемент и жена привяжется к тебе крепкими узами! Поверь моей опытности и житейской мудрости! Я знаю женщин лучше тебя и могу тебя уверить в том, что это твое единственное спасение. Иначе ты ее потеряешь!»

На этом разговор между ними закончился, так как сотни, закончив выгрузку, готовы были к выступлению в лагерь, находившийся в двух верстах от станции, на берегу Муданьцзяна.

Обе сотни выступили вместе. Под Алатаевым был его любимец «Чорт», застоявшийся и танцевавший как балерина. Несколько раз он становился на дыбы и прыгал, как раненый барс, порываясь вперед, но сдерживаемый твердой рукой он в конце концов смирился и фыркая тонкими ноздрями пошел рядом с корректным гунтером Франка впереди отряда.

Пехотный лагерь заамурцев, мимо которого проходили сотни, зашевелился, раздалась команда «Дежурных на линию!», из палаток начали выбегать офицеры и солдаты и выстраиваться на передней линейке, перед знаменем в кожаном чехле, у денежного ящика, где стоял часовой. Раздалась обюдная команда: «Смирно!», «Господа офицеры!», и сотни, повернув головы в сторону полковой святыни, прошли мимо, направляясь к конным казармам, расположенным на крутом правом берегу реки Муданьцзяна, где они должны были отбыть весь лагерный сбор в течение двух месяцев.

Здесь сотни были встречены начальником лагерного сбора, полковником Урбановичем, высокая представительная фигура которого выделялась на фоне густого гарнизонного парка.

«Здорово, заамурцы! Поздравляю вас с открытием лагерного сбора!» — гаркнул своим громовым басом полковник Урбанович, на что сотни дружно отвечали: «Здравия желаем! Покорнейше благодарим, Ваше Высокоблагородие!»

После этого оба командира сотен спешились и подошли с рапортом к начальнику сбора, с докладом о прибытии.

Приказав разместить людей и лошадей, полковник Урбанович пригласил к себе на обед командиров сотен и отправился на обширную веранду офицерского собрания, находившегося в парке, недалеко от моста, на высоком обрывистом берегу реки. Отсюда открывался чудный вид на реку Муданьцзян и всю ее широкую долину, покрытую пашнями и лугами, редкими хуторами поселян и священными рощами вязов на могилах предков. На западе, в туманной мгле горизонта, синели, словно грозовые тучи, отроги лесистого хребта Чжан-Гуан-цайлина, а с востока, круто обрываясь в Муданьцзян, постепенно повышаясь, надвинулись безлесные, с мягкими пологими склонами, покрытые кустарником и травой западные отроги горного массива Кентей-Алин.

«А здесь хорошо у вас, господин полковник!» — произнес Алатаев, любуясь открывшейся перед ним панорамой.

«Да, у нас на Эхо Божья благодать!» — ответил на это Урбанович, которого офицеры за роскошную бороду, рост и громоподобный голос называли «Саваофом».

После обеда из холодной раковой окрошки и гурьевской каши, полковник Урбанович, разливая в рюмки бенедиктин, сказал, обращаясь к обоим офицерам:

«Я с удовольствием наблюдаю вашу дружбу, нарушенную женщиной. Очень рад, что мир восстановлен. Как отец, даю вам практический совет: личные дела и интересы не ставить выше интересов родины! Вы оба давали присягу служить Царю и Отечеству верой и правдой, значит жизнь ваша не принадлежит вам, а государству. Если вы согласны со мной, то прошу вас закрепить ваше примирение братским поцелуем».

«Спасибо за участие, господин полковник! — ответил Алатаев, вставая. — Мы не протестуем и охотно исполним ваше желание. Аркадий,

давай сюда свою рожу и я ее поцелую, а ты мою!» После этого друзья обнялись и поцеловали друг друга в щеки.

«Ну, вот! — проговорил тогда старик, закуривая сигару. — Теперь я спокоен, что в гарнизоне все обстоит благополучно и наш «монастырь» не осквернит ни одна женщина своим присутствием. Должен вас предупредить, что мною отдан приказ по лагерю не допускать в его расположение ни одного лица женского пола. Примите это к сведению и руководству, а теперь имею честь откланяться! Иду отдыхать в горизонтальном положении, что советую сделать и вам!» — Произнеся эти слова, начальник лагерного сбора поднялся из-за стола и грузно шагая отправился в свою комнату вздремнуть часок после обеда.

Наши друзья также отправились по домам: Алатаев в казармы, к своей сотне, а Франк в офицерский приют, где занял отдельную комнату.

Все время лагерного сбора, то-есть с 10 мая по 10 сентября, части 3-ей бригады, разделенные в две очереди, отбывали летний курс военной подготовки, проходя практическую стрельбу, тактические занятия в поле, самоокапывание и маневры с участием всех трех родов оружия.

По праздникам, в 9 часов вечера, гремел на передней линейке оркестр и исполнялась «Заря с церемонией». Звуки русского национального гимна, нарушая тишину полей и диких сопок, неслись в даль и замирали в просторах Муданьцзяна. Яркое маньчжурское солнце скрывалось за лесистыми хребтами Лаолина и в темносиних небесах загорались искристые звезды. В 10 часов лагерь заамурцев засыпал и в темноте обозначались строгими линиями ряды его белых палаток.

Разместив своих людей в казарме, а лошадей в конюшне, Алатаев поселился тут же при сотне, в маленькой комнатке, рядом с Ерофеичем. Отказавшись столоваться в собрании, он зачислил себя на довольствие при сотне и с удовольствием ел борщ и солдатскую кашу, предпочитая эту вкусную здоровую пищу всяким изысканным блюдам французской кухни. Товарищи над ним трунили, говоря, что он это делает из скупости, но он только отмалчивался, насвистывая свои любимые мотивы из «Цыганского барона» и «Прекрасной Елены».

Весь день он был со своей сотней и выполнял многие солдатские работы, для образца и показа новобранцам. Многих лошадей в трудных случаях он подковывал собственноручно, причем заканчивал работу с одного нагрева, чем приводил в восторг даже старых казаков.

На езде молодых солдат он всегда сам показывал приемы этой трудной науки. Вечером, после занятий вся сотня голяком на неоседланных лошадях, во главе с командиром отправлялась на реку купаться, поить и чистить коней. Алатаев на «Чорте» обыкновенно первый бросался в воду и переплывал на другой берег, за ним вся сотня. Вследствие быстроты течения, плыть можно было только вниз, и требовалось большое искусство в управлении конем, чтобы заставить его плыть хотя-бы наискосок против струи. Командир сотни легко проделывал это на своем жеребце и некоторые казаки пробовали следовать за ним, но в большинстве случаев неудачно. Однажды рискнул проделать это один из молодых солдат. Проплыв немного, он должен был повернуть коня к берегу, но не сумел этого сделать, так как испугавшийся конь, захлестнутый волной, погрузился с головой в воду. Солдат растерялся, выпустил коня и, не умея плавать, стал тонуть, крикнув только «Спасите!».

Сейчас же бросились ему на помощь донцы, но его понесло течением

вниз по реке и всякая надежда спасти его была потеряна. Командир сотни, плывший в это время наперерез, видел всю эту картину и, оставив коня, бросился в воду, вдогонку за тонувшим и нырнул. Долго он не показывался на поверхности и казаки встревожились, думая, что их любимец утонул, спасая солдата. Но вот, через минуту, на далеком расстоянии на реке показалась черная курчавая голова Алатаева. Она подвигалась к берегу и вскоре сам командир сотни, неся на руках тело утонувшего, вышел на песчаную косу левого берега. Вся сотня замерла, увидев эту картину и многие стали креститься, повторяя: «Ну, слава Богу! Командир наш жив!». Утонувшего долго пришлось откачивать и только после искусственного дыхания, проделанного Алатаевым, молодой солдат стал дышать и пришел в сознание.

Этот случай еще больше поднял престиж командира сотни в глазах заамурцев и они стали смотреть на него как на необыкновенного человека, одаренного сверхестественными качествами и талантами. Полковник Урбанович, узнав о человеколюбивом подвиге Алатаева, хотел представить его к медали «За спасение погибающих», но он отказался, ссылаясь на то, что за всю свою жизнь спас не один десяток погибавших в море житейском. «Не давать же за все это медали!» — говорил он, когда начальник лагерного сбора призвал его к себе для объяснений.

Река Муданьцзян славится не только быстротой своего течения, но и обилием прекрасной рыбы, в особенности окуней. Алатаев был большим любителем рыбной ловли и по воскресеньям, когда сотня отдыхала после обедни в лагерной церкви, он отправлялся с удочками к обрывистому берегу реки и просиживал там до позднего вечера, наслаждаясь не только процессом ловли, но, главным образом, созерцанием природы.

В день Св. Петра и Павла была отличная погода и с раннего утра Алатаев уже сидел на своем излюбленном месте на камне и внимательно следил за поплавками заброшенных удочек. Солнце поднялось уже высоко и окуни клевали лениво, забравшись в камни, откуда им были видны крючки с насаженными живцами. В сетке плавало уже с десяток больших и малых окуней и Алатаев застывал в неподвижной позе, прислушиваясь к тихому журчанью водяных струй среди береговых утесов и неумолчному стрекотанью цикад в ближайших зарослях парка.

В это время один из молодых солдат заамурцев, желая выкупаться, спускался к реке по крутому откосу. Увидев фигуру командира сотни, сидящего на камне в задумчивой созерцательной позе, он остановился и в больших черных глазах его сверкнули огоньки задорного веселья. Он был небольшого роста и скорее походил на мальчика, чем на взрослого человека. Постояв немного на месте и приложив палец к губам, он начал тихо спускаться, подкрадываясь к рыболову. Подойдя к нему сзади совсем вплотную, он снова остановился, видимо в раздумьи что дальше делать, но затем сразу бросился на Алатаева и, закрыв ему глаза руками, откинул его назад. к себе на колени. От неожиданности Алатаев сразу как будто ошалел и одно мгновение лежал без движения, но затем, придя в себя, вскочил на ноги и хотел броситься на дерзкого нарушителя своего спокойствия, но последний отбежал несколько шагов назад и спрятался за куст боярышника. Увидев, что это солдат-заамурец, Алатаев крикнул: «Ах ты нахал и негодяй! Вот я покажу тебе, как надо обращаться с начальством!» С этими словами он одним прыжком догнал солдатика и слегка ударил его по спине своим стэком. Солдат присел на землю и закрыл лицо руками. Тогда Алатаев схватил его за

руку и приподнял с земли. Каково же было его удивление, когда вместо солдата он увидел перед собой прекрасное, смеющееся и счастливое лицо Верочки Франк. Сначала он не поверил своим глазам и, отступив на шаг, проговорил:

«Вера Сергеевна. Верочка! Это ты? Какими судьбами? Ничего не понимаю! К чему такой маскарад?»

Верочка не поднималась с земли и продолжала неистово хохотать, лукаво посматривая на Алатаева и показывая свои ослепительно белые зубы. Окончательно придя в себя, Алатаев подошел к ней и, подняв ее на руки как ребенка, отнес к берегу реки и усадил на тот камень, на котором сидел раньше, а сам опустился к ее ногам и стал покрывать ее руки поцелуями. После первых излияний любви, Алатаев опомнился и, сев рядом на другой камень, спросил:

«Теперь ты мне объясни пожалуйста, что все это значит? Зачем маскарад и как ты сюда попала?»

«Глупенький! — ответила ему счастливая и радостная Верочка. — Неужели ты не знаешь, что женщинам сюда вход запрещен! Вот я и переоделась солдатом и приехала к мужу, но, конечно, не потому, что я без него соскучилась а потому, что захотелось посмотреть на тебя! Увидела тебя издалека и решила напугать, но ты, видно, не из трусливых! Я так счастлива, что вижу тебя, что и сказать не могу!»

«Но видишь ли в чем дело, моя дорогая! — возразил ей Алатаев, гладя ее рукой по спине, где он нанес удар. — Я дал честное слово твоему благоверному, что встречаться с тобой не буду, как же теперь быть? Ты меня ставишь в глупое положение перед Аркадием! Я очень рад тебя видеть, но мой совет, во избежание дальнейших недоразумений, уезжай отсюда как можно скорее, пока Аркадий не догадался, в чем дело! Но должен сказать, что ты женщина храбрая и решительная! Как это ты рискнула надеть солдатскую форму? Почему ты не предупредила меня, что ты не солдат? Ведь я тебя больно ударил стэком? Верно болит до сих пор?»

«Это мой каприз, вот и все! — отвечала ему Верочка, садясь к нему на колени и обнимая его голову. — Чтобы быть похожим на солдата я переоделась. Уж очень я соскучилась без тебя, мой милый! Представь какой случай был сегодня со мной! Иду я по улице в поселке. Навстречу сам Урбанович! Я стала ему во фронт, как полагается, а он подошел ко мне, спросил как фамилия, какой части и, взяв за подбородок, спросил, сколько мне лет. Я едва держалась и чуть не фыркнула ему в лицо! Вообрази, что получилось бы?» — Сказав это она встряхнула головой и взбила рукой свою пышную густую шевелюру. В это время одна из удочек вздрогнула, зашаталась и леска ее натянулась.

«Клюет!» — произнес Алатаев и, схватив удилище, стал выважывать крупного окуня.

«Вот и прекрасно! — воскликнула Верочка, прячась за кустом нависшей над водой ветлы. — Ты займись ловлей, а я тем временем выкупаюсь. Мне так жарко! Только пожалуйста не подсматривать! Я этого не люблю!». — Произнеся эти слова, Верочка громко рассмеялась и стала раздеваться.

Алатаев сделал вид, что не слышит и, занятый окунем, вошел по колена в воду и натянул лесу.

Теперь на время оставим молодых людей, предоставив им свободу действий, и вернемся в поселок, где Аркадий Франк сильно нервничал, по поводу долгого отсутствия жены и, в конце концов, отправился ее

искать. У самого собрания он встретился с полк. Урбановичем и тот еще издали крикнул ему громовым басом:

«Недавно повстречался мне молодой солдатик вашей сотни! Повидимому, совсем еще мальчик! Выправка у него хорошая, вот только больно уж он смешлив: все скалит зубы и смеется! Вероятно из интеллигентных?»

«Так точно, господин полковник! — отвечал командир сотни, краснея как рак и смущаясь. — Есть у меня в сотне такой потешный солдатик, похожий на мальчика. Он из дворян и хорошо грамотный. Службу усвоил быстро!»

«Вы его обязательно отправьте в учебную команду! — продолжал полковник, вытаскивая из кармана портсигар и предлагая Франку. — Из него выйдет отличный унтер-офицер, на этот счет у меня глаз опытный. Вот только он мал ростом, да это ничего: мал золотник, да дорог! Велика Федора да дура! В конце лагерей вы представьте мне всех своих молодых солдат, предназначенных в учебную команду, да не забудьте и этого мальчика! Ну, до свидания! . . А что, без баб-то в лагере спокойней, не так ли?»

«Слушаю, господин полковник! — ответил Франк, не зная куда деть глаза от стыда и страха. — Будет исполнено! Я тоже думаю, что без женщин гораздо лучше и свободнее, да и служба не страдает!»

Когда начальник лагерного сбора удалился, Франк свободно вздохнул и, сняв фуражку, вытер вспотевший лоб. Обойдя весь поселок и не найдя нигде своей супруги, он остановился в раздумьи на берегу реки и вспомнил, что Верочка должна была пойти купаться. Зная, что самое лучшее купанье в парке у обрыва, он направился туда и, дойдя до отвесной кручи, стал спускаться.

В это время Верочка, вдоволь накупавшись, вылезла из воды и, одев солдатский костюм, утоляла голод бутербродами вместе с Алатаевым.

«Что это! Как будто сюда кто-то спускается по откосу?! Слышишь шум падающих камней?» произнесла Верочка, насторожившись.

«Да, кто-то сюда идет!» — отвечал Алатаев, выходя вперед с бутербродом в руке.

«Я спрячусь!» — проговорила Верочка вполголоса и, захватив с собой кусок черного хлеба с мясом, скрылась в прибрежных кустах.

Алатаев уселся на камень и занялся давно забытыми удочками.

«А, вот где ты — крикнул Франк, сделав последний прыжок с откоса на берег. — Ловишь рыбку? Ну, как клюет? А я от скуки слоняюсь и не могу найти себе места. Можно около тебя посидеть? Я тебе не помешаю?» — С этими словами он сел на камень рядом с Алатаевым и с рассеянным видом стал смотреть на реку, искрившуюся золотой рябью под лучами заходящего солнца. Клев был хороший, большие жирные окуни наполняли сетку рыболова и плескались у берега, стараясь освободиться из плена.

Беседа между приятелями не клеилась, ограничиваясь односложными словами и замечаниями, не имеющими никакого значения. Заметно было, что бывшие друзья стали чуждыми друг другу и духовная связь между ними порвалась навсегда. Оба они чувствовали это, но были бессильны изменить положение и поэтому тяготились друг другом. «Ну, что-ж, — произнес наконец Франк, подымаясь с камня, — уже поздно! Я пойду домой! Счастливо оставаться!»

«Прощай, Аркадий! — отвечал ему Алатаев, не отрывая глаз от поплавка. — Я тоже скоро кончаю, так как клев затихает!»

Постояв еще немного на берегу, Франк стал подыматься по крутой тропе к парку. На одном из уступов естественной лестницы он увидел что-то белое и поднял его. Это был платок Верочки, с ее инициалами «В. Ф.». От него пахло ее любимыми духами «вера виолетта». Он остановился в раздумьи и, держа перед собой платок, соображал, как он сюда попал. В бесцветных глазах его заискрились недобрые огоньки и, скомкав платок, он быстро зашагал через парк к собранию. Верочка была уже дома и, увидя мужа, бросилась к нему навстречу с радостным приветствием, но он, остановившись на пороге и протянув ей платок, холодно проговорил: «Ты конечно узнаешь этот платок?» — «Да, это мой!» — отвечала Верочка, густо покраснев и пряча платок в карман.

«Так вот, дорогая! — продолжал он тем же ледяным тоном. — Сейчас же переодевайся и отправляйся на вокзал! Через час идет поезд на Харбин. Ты приехала сюда не ради меня, а потому мне не нужна!»

Через час Верочка сидела уже в поезде. Проезжая через Муданьцзян по мосту, она увидела на берегу Вадима, ловившего по прежнему окуней. Высунувшись из окна, она стала махать ему платком, но он не смотрел на поезд, будучи занят своими удочками и хорошим вечерним клевом.

Лагерные сборы первой очереди подходили к концу. Занятия в поле закончились, наступил период экзаменов, проверки боевой подготовки. 25-ая сотня Алатаева оказалась первой по стрельбе и строевому учению, а сам командир сотни выбил Императорский приз за офицерскую стрельбу из винтовки, сделав очень малый квадрат, не выпустив пуль из третьего номера мишени.

После смотра начальник лагерного сбора благодарил сотню за стрельбу и, обнимая перед строем ротмистра Алатаева и целуя его в лоб, сказал: «В лице вашего доблестного командира благодарю вас за добросовестную работу, за лихую стрельбу и рубку! Не сомневаюсь, что в будущем вы так же метко будете стрелять врагов нашей родины и славно рубить их, как это вы сделали с мишенями!»

На это заамурцы ответили дружным «Рады стараться!» и, после общего парада всему лагерному сбору, отправились в свои казармы, где командир сотни устроил им парадный обед с чаркой водки.

После вечерней зари с церемонией в офицерском собрании по подписке был устроен ужин, причем подавали уху и вареных окуней, наловленных накануне командиром 25-ой сотни.

Во время ужина, посмотрев пристально на ротмистра Франка, начальник сбора вспомнил о кандидатах в учебную команду и спросил его:

«Я теперь только вспомнил, что среди ваших кандидатов не было того молодого солдата, похожего на мальчика, которого вы обещали мне представить?»

Ротмистр Франк не ожидал такого вопроса и растерялся, не зная что ответить. Тогда ему на помощь поспешил Алатаев и сказал:

«Да, я помню этого солдатика твоей сотни. Он, кажется, заболел и отправлен в лазарет отряда в Имяньпо. Я тогда был дежурным по лагерю и проверял отправляемых по списку. Он скорее похож на девченку, чем на мальчика. Вот фамилии его не помню!» — Сказав это, он лукаво улыбнулся и многозначительно посмотрел на своего бывшего друга, который совсем смутился под перекрестными взглядами всех присутствующих и готов был провалиться под землю. Чтобы переме-

нить тему разговора, Алатаев продолжал: «Господа! Я вам расскажу интересную историю с судьбой лошадей, павших от сибирской язвы в лагерном обозе. Как вам известно, там пало от сибирки три лошади и их приказано было облить карболкой, закопать в сопках, подальше от лагеря и там засыпать известью. Так и было сделано. Вот как-то не днях я объезжал своего застоявшегося «Чорта» и случайно наткнулся на яму, где они были закопаны, но лошадей там не было. Их выкопали китайцы соседней деревни, свезли в свои фанзы и скушали с большим удовольствием. Я проверил это по следам трех арб, которые вывезли лошадей из сопок, и потом расспрашивал об этом китайцев. Сначала они запирались и боялись сказать правду, но когда я пригрозил — они сознались во всем и показали снятые шкуры лошадей. Как вам это нравится, господа! Ведь это не анекдот, а реальная действительность! И представьте себе, ни один китаец не подох от сибирской язвы! Чем это объяснить?» — Произнеся это, Алатаев окинул присутствующихъ вопросительным взглядом.

Эта тема была подхвачена всеми. Возникли споры и дебаты, и о молодом солдате, похожем на мальчика или девочку, забыли.

Франк, дувшийся до сих пор на Алатаева после помятного вечера в день святых апостолов Петра и Павла, с благодарностью взглянул на своего друга и шепнул ему на ухо: «Мне надо с тобой поговорить сегодня, так как завтра с утра мы грузимся. После ужина приходи в парк, я буду тебя ждать на скамейке у обрыва. Хорошо?»

«Конечно приду! — ответил ему Алатаев так же тихо. — Только сначала схожу в сотню и сделаю необходимые распоряжения на завтрашний день!»

Ужин, по обыкновению, затянулся до поздней ночи, несмотря на то, что начальник лагерного сбора, ссылаясь на свою старость, ушел довольно рано «на покой». Под конец молодежь разошлась во всю и, под аккомпанемент Алатаева на гитаре, все начали петь хоровые юнкерские песни и романсы не совсем скромного содержания. Уже под утро, когда засерело небо и начали меркнуть звезды, Алатаев вышел в парк и, увидев в полутьме фигуру своего приятеля, направился к нему.

«А я думал уже, что ты не придешь! — произнес Франк, освобождая место на скамейке. — Ну, садись, поговорим!»

«Ладно, поговорим! — отвечал Алатаев, садясь рядом. — Но имей в виду, что времени у нас мало: в 6 утра назначена погрузка, а сейчас уже четыре часа!»

«Я это знаю, а потому буду краток и не задержу тебя долго! — возразил Франк, закуривая папиросу и затягиваясь дымом. — Дело вот в чем: Вера, несмотря на обещания, старается увидеться с тобой и ставит меня, да и тебя также, в глупое положение. Дальше это продолжаться не может, так как я все же человек с нервами и кровью и не хочу, чтобы на меня показывали пальцем, считая покладистым рогоносцем!» — Сказав это, Франк вопросительно смотрел на своего бывшего друга и нервно кусал рыжеватые усы.

«Так что же ты от меня хочешь? — спросил Алатаев, устремив свой взор на реку, блиставшую огоньками утренней зари. — Я свое слово не нарушил и не ищу свидания с твоей женой! Если она не исполняет данных тебе обещаний, то с нее ты и спрашивай! Я тут совершенно не при чем! Я ведь тоже имею нервы и кровь, как и ты, и ничто человеческое мне не чуждо! Если ты не хочешь носить рога, прими по своему усмотрению необходимые меры, как подобает мужчи-

не! Если ты находишь, что я стою на дороге к твоему счастью, — я к твоим услугам, как друг и соперник в одно и то же время. Или я, или ты должен уступить и сойти со сцены! Твой перевод в Россию затянется надолго и много еще утечет воды за это время! Опять повторяю, жена твоя должна иметь детей, тогда между вами восстановится мир, о котором ты мечтаешь! Ты не плохой кавалерист и знаешь, как надо управлять лошадью, если она норовиста. Вот все, что я могу тебе сказать как старый друг! Причем еще прибавлю: если хочешь иметь хорошего коня, — всегда объезжай его сам, не поручая это никакому наезднику! Ну, прощай, желаю тебе успеха! Уже поздно! Перед погрузкой надо немного отдохнуть!»

«Постой! — перебил его Франк, видимо взволнованный разговором. — Еще успеешь отдохнуть перед погрузкой, но я хочу тебе еще сказать, что если ты питаешь серьезное чувство к Вере, я уступаю ее тебе и дам ей развод!»

«Аркадий! — ответил ему Алатаев, вставая со скамейки и кладя руку на плечо своему собеседнику. — Я уже не раз говорил тебе, что твоя Вера нравится мне как женщина, но жениться на ней я не собираюсь, да и не могу, так как связан уже законным браком! Если ты не можешь повлиять на свою жену, то советую тебе, еще до твоего перевода, отправить ее в Россию!»

«Я уже пробовал, дорогой Вадим, но она и слышать об этом не хочет и объявила, что бросит меня, если я буду настаивать на этом!» — сказал с отчаянием в голосе Франк.

«Ну, голубчик, — проговорил Алатаев тем же спокойным тоном, — я бессилен помочь твоему горю и не знаю, что тебе еще посоветовать! Но могу тебя утешить: в будущем году, как предсказала гадалка, я отправлюсь к праотцам; тогда, может быть, счастье опять повернется к тебе лицом и все будет в порядке! Имей в виду, что женщина всегда останется женщиной, и в мужчине она уважает и любит только силу, а слабость презирает! Повторяю, если я тебе мешаю, — ты можешь убить меня на дуэли, если же ты этого не находишь, то оставь меня в покое. Ну, прощай! Больше нам говорить не о чем!» — С этими словами Алатаев повернулся и направился к выходу из парка. Ротмистр Франк долго еще сидел на скамейке со своими думами, пока не услышал сигнала «Подъем» своего трубача. Тогда он нехотя поднялся и тихо побрел к своей сотне. Наступало утро и на востоке разгоралась заря яркого летнего дня.

Когда солнце встало, сотни уже погрузились в вагоны и ждали прибытия паровозов, для отправления к местам своих стоянок, на станции Сяо-Суйфын и Маоэршань. Весь пехотный лагерь провожал кавалерию. На вокзале играл оркестр и станичники вместе с солдатами заамурцами отплясывали трепака под дружный лихой посвист и гиканье старых казаков-охранников.

Начальник лагерного сбора полковник Урбанович обходил вагоны и, беседуя с солдатами, смешил их своими меткими остроумными замечаниями и прибаутками. Его густой бас гудел как шмель среди множества других звуков и голосов солдатской толпы. Яркое маньчжурское солнце сияло в синем небе и далекие сопки трепетали в раскаленном воздухе фиолетовых марей. Касатки летали низко, как перед дождем. На востоке клубились тучи и вспыхивали зарницы. Начинало парить. Лица у всех были потные и лоснились, но веселые улыбки не сходили с них. Всем было весело и беззаботный смех слышался над

станцией Эхо. Но вот пришли очередные паровозы и, став в голове своих составов, набирали пары, пыхтя и тяжело вздыхая. Раздался сигнал «по вагонам» и сразу опустела платформа вокзала. Вскоре послышались отходные свистки, и составы разошлись в разные стороны, на восток и на запад. Из вагонов выглядывали веселые лица заамурцев и головы лошадей. Плакала гармошка, тренькала балалайка и чей-то звучный баритон напевал арию тореадора из «Кармен». Это, конечно, был Алатаев, сидевший на паровозе в будке машиниста. По обыкновению, он вел состав своего эшелона и «набирал ход», поднимаясь к станции Модаоши, откуда начинался крутой подъем к туннелям у станции Даймагоу. Машинист с кочегаром играли в карты на тендере, а у топки стоял солдат-заамурец и, по указанию своего командира, бросал поленья дров в зиявшую огнем пасть паровоза.

В пути разразилась гроза с ливнем. Яркие молнии бороздили потемневшее небо и удары грома заглушали шум и грохот поезда, с трудом взбиравшегося на крутой перевал Кентей-Алина. Машинист с кочегаром перебрались с тендера в будку и продолжали игру в шестьдесят шесть, не обращая внимания на грозу и ливень. Алатаев, посвистывая, управлял паровозом и, поглядывая вперед на путь, мановением руки приказывал своему помощнику «дать жару», то-есть подсыпать дров. Пройдя туннели и станцию Даймагоу, поезд пошел под уклон с перевала, и Алатаев, дав контр-пар, начал спускать его на тормазах к станции Мулин.

От станции Мулин поезд втянулся в плодородный район реки Мурени. Влево от полотна виднелись тучные поля кукурузы, пшеницы, бобов и гаоляна. Хлеба начали уже созревать, желтеть и наливаться под действием теплой влаги, приносимой юго-восточным муссоном с поверхности вод Тихого океана. Вдалеке на заднем плане синели лесистые отроги Кентей-Алина, вершины которого скрывались в тучах.

Любуясь этой панорамой, пробегавшей мимо как на кино-ленте, Алатаев обратился к своему кочегару с вопросом: «Семенов! Посмотри! Ведь это красота Божья! Обилие плодов земных! Нравится тебе Маньчжурия или нет?»

Подбросив дров в топку и вытерев пот, струившийся с медно-красного бритого лица, кочегар отвечал, рассеянно смотря на проносившиеся поля и пашни: «Что и говорить! Благодать и красота Божья! Край хороший, с голоду здесь не пропадешь! Жить можно припеваючи, но все же не то, что у нас в Рассее! Чего-то здесь не хватает, а чего — и сам не знаю! Как будто и все здесь есть, но душа не лежит к Маньчжурии! Тянет домой, а дома у нас, в Новгородской губернии, живут бедно: земля плохая, песок да камень с глиной, лесу много, опять же луга, но их мало и скотину пасти негде, одним словом беда и слезы, а все же тянет домой! Не надо мне этой Маньчжурии! Находятся, которые здесь остаются после службы, а я бы ни за что не остался! Вот через год кончаю службу, поеду домой, прикуплю коровенок и займусь сыроварением! Выгодное это дело и немудреное! Я об этом читал в книжках в нашей библиотеке и теперь поведу свое хозяйство по другому! У нас тоже можно хорошо жить, только надо подумать и поразмыслить! Для темного человека везде плохо, а ежели с умом, — ничего, жить можно! . .»

В это время Алатаев, заметив, что впереди на одном из телеграфных столбов сидит какой-то большой человек в черном полушубке, дал предупредительный свисток «тормозить», и закрыл клапан топки.

Замедлив свой бег, поезд остановился, скрипя и скрежеща неподвижными колесами. Человек в полушубке оказался большим черным медведем, забравшимся на телеграфный столб. Соскочив с паровоза, Алатаев первый бросился к медведю, за ним из вагонов выбежали солдаты, также заметившие еще издали Мишку.

Таежный богатырь, увидев себя окруженным людьми, на знал, что ему делать и совершенно растерялся. Слезать со столба он боялся, так как внизу в толпе раздавались крики, свистки и смех.

«Мишка! Михаил Михайлыч! — кричали казаки, бросая в обезумевшего зверя камнями и чем попало, — слезай скорее к нам! Чего тебе сидеть на столбе. Чать, ведь ты не маленький, вон какой верзила! Да ты не бойся, мы тебя не тронем! Слезай, голубчик! Побаловался, и будя! Чего ты там не видал на столбе-то?»

Командир сотни стоял тут же в толпе солдат и улыбаясь наблюдал за медведем, который от страха портил воздух и готов был на отчаянный поступок. Видя, что люди атаковали его со всех сторон и ожидая чего-нибудь худшего, Мишка решил бежать и ринулся вниз по столбу задом, царапая его своими острыми когтями. Это произошло с такой быстротой и неожиданностью, что стоявшие под столбом солдаты не успели отскочить и очутились под медведем. Свалившись на людей, Мишка крякнул и, сразу став на ноги, пустился наутек с такой быстротой, что никто не заметил, как он скрылся в ближайших зарослях.

Крякнул не один медведь, упав со столба, крякнули и два казака, на головы которых свалился Топтыгин. Потирая помятые бока, они ругались и должны были отражать насмешки своих товарищей, издевавшихся над их неловкостью и ротозейством.

«Братцы! — говорили казаки, подмигивая друг другу, — Что-й-то дух нехороший пошел, как наши побывали под медведем! Видно придется каптенармусу выдать кое-кому чистое белье!

С переляку еще и не то бывает! У медведя — медвежья болезнь, а а у нашего брата расстройство желудка!»

Командир сотни из жалости к злосчастным жертвам насмешек стал их защищать и сказал, обращаясь к толпе казаков: «Это не беда! Со всяким может случиться такое несчастье! Не смейтесь чужой беде, — своя на гряде!»

Но осмеянные казаки не обижались, они подшучивали над собой вместе со всеми и готовы были доказать свои слова увесистыми кулаками; но до этого дело не дошло, так как пронзительный свисток паровоза, поданный командиром сотни, загнал всех в вагоны.

В пути было много разговоров об этом случае и вообще о медведях. На вопросы молодых солдат о том, зачем медведь лезет на телеграфный столб, старый охранник Ерофеич отвечал: «А видишь ли, дурья твоя голова, ведмедь слышит гуденье и думая, что на столбе пчелиный улей, лезет наверх, желая полакомиться медом! Ты тоже по глупости делаешь очень часто то, что не следует! Так и ведмедь! Он умный зверь, а что касается телеграфа — он дурак дураком!»

Когда Алатаев остановил поезд, то первым делом отдал приказание по вагонам оставить винтовки, так как вовсе не имел намерения убивать медведя.

Иногда медведи, забираясь на телеграфные столбы в поисках меда, рвут проволоку своими могучими лапами и прерывают сообщение.

К вечеру эшелон благополучно прибыл на станцию Сяо-Суйфын

и был встречен казачками, соскучившимися по своим «мужикам» и «аспидам». Долго еще в домиках семейных светились огни в окнах и шли беседы о лагерном житье-бытье. Только к полуночи, когда луна поднялась над темными отрогами Тайпинлина, погасли приветливые огоньки в военном казачьем поселке и крепкий сон овладел его обитателями. Из глубины тайги доносились жалобные крики болотных сов и монотонное уханье филина.

«ОРЛИНАЯ КРОВЬ»

К северо-востоку от станции Мацяохэ, в западных отрогах хребта Тайпинлина, находилась обширная лесная концессия братьев Поповых. Как по богатству своих древесных пород, так и по техническому оборудованию она была одной из лучших в Маньчжурии. Последнее объяснялось неутомимой энергией, организаторским талантом и чисто русской изобретательностью главы фирмы, богатыря телом и духом, Александра Дмитриевича Попова, сумевшего создать здесь, на далекой окраине, большое предприятие культурно-экономического значения. Дела фирмы шли прекрасно, подымая благосостояние предприятия и обогащая местное маньчжурское и пришлое русское население.

В те времена еще не было уничтожено хунхузничество и шайки бывших боксеров держались в глубине горных лесов, делая набеги на поселения маньчжур и даже города, облагая данью торговые фирмы и богатое купечество. Местная китайская власть, не располагая реальными силами в виде организованных войск, была совершенно бессильна бороться с этим злом и смотрела сквозь пальцы на хозяйничанье в крае хунхузов.

Русские охранные войска, разбросанные по линии КВжд, не вмешивались в действия китайских властей, так как в их задачу входила только охрана железной дороги, ее сооружений, поселков и предприятий в полосе отчуждения. Но нередко случалось, что зарвавшиеся хунхузы уводили в плен, для получения выкупа, китайских купцов и подрядчиков из полосы отчуждения. Тогда ближайшая заамурская часть, преимущественно сотня или охотничья команда, выступала против хунхузов и преследовала их до полного уничтожения.

Так однажды осенью, перед открытием сезонных работ, большая шайка хунхузов увела в плен главного подрядчика и его двух старшинок с лесной концессии братьев Поповых и, требуя крупную сумму выкупа, в противном случае грозила смертью всем пленным. Вследствие этого работы на концессии приостановились и предприятие несло большие убытки. Переговоры между фирмой и хунхузами ни к чему не привели, так как атаман шайки, известный своей жестокостью Лан, то-есть Волк, не соглашался ни на какие уступки и, назначив срок выкупа, прислал в контору отрубленный мизинец подрядчика, с предупреждением, в случае невыполнения его требований, прислать вместо пальца голову. Положение становилось критическим, так как сумма выкупа была настолько значительна, что выплата ее разорила бы подрядчика. Волей неволей концессионеру пришлось обратиться за содействием к охранным войскам, и через день сотня под командой ротмистра Алатаева прибыла походным порядком на станцию Мацяохэ,

где и разместилась в казармах штаба заамурской роты. Командир сотни был приглашен для переговоров в контору концессии, где получил сведения о хунхузах и их местонахождении, а затем на обед к хозяину предприятия. Во время обеда братья Поповы посвятили Алатаева во все подробности дела, причем младший брат, Иван Дмитриевич, большой любитель природы и охотник, прекрасно изучивший район своей концессии, описал ему местность, где засели хунхузы. Становище их находилось на высоком берегу горной речки, в глухой тайге, в тридцати пяти верстах к северо-востоку от станции, и было окружено двойным рядом засек из срубленных деревьев. Шайка состояла из четырехсот прекрасно вооруженных людей. Поэтому ее предводитель Лан, рассчитывая на свою силу, действовал смело и решительно. До этого им были ограблены и разорены многие города и селения на левом берегу Уссури, совершенно безнаказанно; это придало ему смелости совершить невероятную дерзость — приблизиться к линии КВжд, где стояли на охране русские войска.

«Каким образом вы думаете освободить пленников? — спросил Александр Дмитриевич Алатаева, подливая в его бокал старое бургундское вино. — Ведь эти негодяи сразу же перебьют их, как только вы поведете наступление!»

«Я еще не составил плана кампании, — отвечал командир сотни, пробуя прекрасное вино, — так как вопрос этот можно решить только на месте, в зависимости от обстоятельств и условий. Но думаю, что придется применить военную хитрость и дипломатию, так как прямой силой тут ничего не сделаешь: пленников они прикончат при нашей атаке, и цель не будет достигнута.»

«Да, это задача довольно трудная и рискованная! — высказался старший брат Попов, устремив на Алатаева свои проницательные голубые глаза. — Ведь шайка очень большая и состоит из старых отборных хунхузов под водительством опытного и хитрого таежного Волка!»

«Э, нет! — возразил Алатаев, — численность шайки никакой роли не играет! Заамурцы и казаки никогда врагов не считают! Чем их больше, тем лучше! Вся задача в том, как обмануть врага и вырвать у него пленников живыми. Это, конечно, не так просто! Придется пустить в ход не только тактику и стратегию, но главным образом политику Макиавелли, то-есть усыпление бдительности врага. Шайка сама по себе нас, конечно, не интересует, это дело китайских властей, но задачу свою мы должны выполнить во что бы то ни стало. Выступить я предполагаю завтра на рассвете. К этому времени вы приготовьте мне надежного проводника и переводчика. Желательно, чтобы о нашем выступлении не знала ни одна собака и не лаяла! Ну, спасибо за угощение! Теперь я пойду в сотню и буду там ночевать со своими ребятами в казарме. Счастливо оставаться!» Сказав это, Алатаев распрощался с братьями Поповыми и ушел к своей сотне.

«Ну, как тебе понравился этот офицер?» — спросил старший Попов своего брата, когда фигура Алатаева скрылась за дверью.

«На меня он произвел хорошее впечатление, — отвечал Иван Дмитриевич, усаживаясь в кресло против брата. — Сразу видно, что это смелый, решительный человек! Да и наружность у него необыкновенная! Недаром женщины от него без ума! Типичный сердцеед и Дон-Жуан! Взгляд у него какой-то особенный, гипнотизирующий!»

«Ну, а как тебе кажется, — продолжал расспрашивать Александр

Дмитриевич, — выполнит он задачу? Освободит нашего подрядчика, или хунхузы его убьют заранее?»

«Предсказывать я не берусь, — отвечал Иван, — но думаю, что ему удастся выручить нашего Шан-Сина, хотя я себе даже не представляю, как он это сделает!»

«Ну, ты, как и вся молодежь, увлекся «Цыганским Бароном» и приписываешь ему какие-то особые качества! Хотя, признаться, и мне он понравился! Я люблю цельные натуры и терпеть не могу расплывчатости и неопределенности! Знаешь, что я думаю? Алатаев пользуется такой популярностью и обаянием среди китайцев, что когда Лан узнает о том, что против него выступил знаменитый Черный Капитан, он без боя отдаст пленников, зная, что в противном случае гибель неизбежна! Для Алатаева, конечно, безразлично, будет ли жив наш подрядчик или нет, для него главное — уничтожить шайку бандитов!» — сказав это, Александр Дмитриевич вопросительно посмотрел на своего брата и стал раскуривать свою короткую трубку.

«Да, я с тобой согласен! — отвечал Иван после небольшого раздумья. — Это для нас главное! Поэтому, ты разреши мне идти вместе с ними. Может быть мне удастся умерить его пыл и, кроме того, я хочу испытать себя в деле, если нельзя будет обойтись без боя! Человек в жизни должен испытать все, а опасность закаляет сердце и укрепляет душу.»

«Как хочешь, Иван! — проговорил старший брат, выпуская изо рта клубы дыма. — Я тебя не держу, но считаю, что твое участие будет бесполезно, так как Алатаев советов твоих спрашивать не будет. Ты уже взрослый и сам за себя отвечаешь.»

Братья Поповы еще долго беседовали на эту тему, пока не наступила ночь.

Сделав необходимые распоряжения о прикомандировании к отряду проводника и переводчика и о снабжении отряда продуктами и фуражем, Александр Дмитриевич отправился на покой и вскоре заснул богатырским сном на своей походной постели, рядом с конторой.

Было еще темно, когда сотня выступила в поход, но не по большой дороге через концессию, а по тропе, проложенной в тайге звероловами и охотниками. Проводник китаец, рабочий концессии, находился во главе передового отряда из пяти старых опытных казаков. Командир сотни был на своем «Чорте», а под Иваном Поповым прекрасный монгольиноходец, выведенный из глубины монгольских степей любителем и знатоком лошадей, старшим братом Александром. Двигаться пришлось гуськом, так что конная сотня растянулась на целую версту, и издали напоминала тонкую змею, извивавшуюся по холмам в сопках, среди желто-буро-зеленой осенней листвы таежных зарослей.

Алатаев, по обыкновению, был одет легко, на нем была коричневая замшевая куртка, на ногах синие рейтузы с зеленым кантом, и на голове белая папаха; лакированные сапоги блестели на солнце и сзади, над низким каблуком, серебрились большие рыцарские шпоры; на левом боку виднелась кривая кавказская шашка в богатой серебряной оправе; с правой стороны у пояса чернела кобура револьвера нагана; левая рука в белой замшевой перчатке держала поводья, а в правой виднелся стэк. Вся фигура Алатаева, вместе с конем, была настолько типична и художественно красива, что Иван Дмитриевич, ехавший вслед за ним, невольно залюбовался и стал «подтягиваться» в седле, стараясь принять правильную кавалерийскую посадку, что для него не представляло больших затруднений. Он был одет по таежному, в

меховую куртку и шапку с наушниками; за спиной у него, дулом вниз, висел короткий карабин Маузера.

В видах соблюдения тишины и скрытности движения, запрещены были разговоры, и отряд подвигался почти беззвучно; даже привычные казачьи лошади, как бы сознательно, шли молча, обходя каждую сухую ветку.

Алатаев приучил свою сотню к немому управлению и все команды и приказания подавал жестами, но главным образом стэком. Мимика тоже играла немалую роль в этом деле, и по выражению лица своего командира старые казаки уже знали, что им надо делать. Вместе с сигнализацией уставной, сотня руководствовалась и своей собственной, выработанной практически командиром сотни.

Перевалив два небольших увала, заросших дубняком, сотня остановилась на отдых в глубоком распадке, а командир сотни, взяв с собой проводника и одного старого казака, отправился дальше в разведку пешком. До хунхузского становища оставалось не более десяти верст, и целью Алатаева было узнать подступы к нему и составление плана атаки. Выполнить это надо было днем, при ярком солнечном свете. Обойдя становище со всех сторон, Алатаев убедился, что его можно взять в кольцо и блокировать, отрезав хунхузам все пути отступления, заняв все тактические ключи вокруг их укрепления.

Возвратился он только поздно вечером, когда полная луна взошла над лесистым гребнем Тайпинлина и недра тайги погрузились в ночную темь.

Огней не разводили и даже трубки курили закрываясь папахами, чтобы не спугнуть хунхузов, усыпив их бдительность. Часовые их находились у завалов и, видимо, были довольно беспечны, не ожидая нападения со стороны «белых дьяволов».

Собрав своих урядников и старых казаков, командир сотни объявил им план блокады становища, причем сказал, что он решил послать к хунхузам переводчика с предложением отпустить подрядчика и всех пленных, в противном случае все хунхузы будут перебиты до одного. Но переводчик наотрез отказался идти к хунхузам, ссылаясь на то, что его обязательно убьют. Тогда вызвались идти на переговоры многие казаки, в том числе и Иван Дмитриевич Попов, но командир сотни отклонил все эти предложения и сказал:

«Нет, ребята, я не могу пустить вас к хунхузам, так как отвечаю за каждого из вас перед Царем-батюшкой, да и Ивана Дмитриевича не пущу, так как отвечаю за него перед старшим братом. Вот за меня никто не отвечает, или, вернее, я сам отвечаю за себя, а потому завтра рано утром все должны занять свои места вокруг хунхузского стана, а я один отправлюсь к ним для переговоров. Если они согласятся на мои предложения, — то я вернусь к вам с пленными, если же нет, — то вы услышите мой револьверный выстрел, по которому Ерофеич примет на себя командование сотней и отомстит за мою смерть и гибель пленников. Уверен, что вы выполните свой долг и не посрамите земли русской! А теперь ложитесь спать и отдыхайте спокойно! Утро вечера мудренее!» Произнеся эти слова, командир сотни отошел в сторону и долго еще беседовал с вахмистром, давая ему инструкции и наставления.

Никто не осмелился возражать на заявление командира сотни, так как всем был хорошо известен крутой его нрав и упрямство. Он подавлял всех своей непреклонной волей и не допускал никаких возражений в делах, касавшихся его лично.

Иван Дмитриевич вздумал было запротестовать, но Алатаев в весьма деликатной форме дал ему понять, что разговоры на эту тему излишни и вопрос исчерпан, и, в конце концов, прибавил:

«Я знаю, что жизнь моя застрахована, по крайней мере на этот год! Смерть моя придет только в будущем году, как предсказала одна колдунья! Я убежден, что она не ошиблась, поэтому я смело смотрю теперь в глаза смерти и не боюсь ничего! Если, паче чаяния, меня убьют, передайте мой прощальный привет вашему почтенному брату!»

Через полчаса все в сотне спали, люди и кони, и только часовые в секретах, выставленных в стороне от бивака, зорко всматривались в темноту тайги, прислушиваясь к звукам, доносившимся из ее недр.

На ближайшей сопке плакали красные волки и из темного кедровника раздавался крик и уханье филина-пугача. Светлый диск луны выплыл уже на середину неба и бросал свои зелено-желтые бледные лучи в лесную чащу.

Командир сотни, встав перед рассветом, отправил людей, согласно составленному им плану, по своим местам, предупредив, что он пойдет к хунхузам с восходом солнца.

Иван Дмитриевич остался при штабе сотни, т. е. там, где был вахмистр с трубачем, фельдшером и коноводами при лошадях.

Утро было свежее. Слегка морозило и на рассвете земля и увядшая листва покрылись белым налетом инея. Но вот на востоке блеснули первые лучи солнца и в тайге сразу стало светло. Алатаев встал и сказав «Уже пора!», перекрестился, глядя на восток, три раза и, отстегнув крышку револьверной кобуры, зашагал по направлению к речке, в верховьях которой находилось хунхузское гнездо.

Идя по берегу, он нашел тропу и догадавшись, что она идет к становищу, двинулся по ней. Через час он очутился у первой засеки и увидя хунхузского часового замахал ему платком. В первое мгновение хунхуз опешил, приняв это за галлюцинацию или наваждение, но когда Алатаев крикнул ему по-китайски: «Ходя! Не бойся! Иди сюда!» — он дал пронзительный свисток, по которому из фанзы выскочило до десятка хунхузов с винтовками в руках и сейчас же окружили «русского капитана». Это был передовой пост, вроде заставы.

Старшинка поста, старый седой хунхуз, подошел к Алатаеву и хотел отобрать от него револьвер, но, получив отказ, успокоился, когда узнал, что перед ним сам Черный Капитан, прибывший для переговоров. После этого хунхузы стали относиться к нему с почтением и сразу же отправили его, под конвоем четырех бандитов, к предводителю, помещавшемуся в отдельном доме, рядом с большим бараком, для рабочих, где жили хунхузы.

При появлении Черного Капитана в становище, из барака высыпали все бандиты и, окружив его плотным кольцом, стали с любопытством на него смотреть, как на какое-то чудо, невиданное и непонятное для их психологии. Вождь хунхузов, знаменитый Лан, в это время был занят курением опиума и не мог принять русского капитана как следует, т. е. с подобающими почестями; поэтому Алатаев был помещен временно в общем бараке, где его угощали чаем с пампушками. Алатаев с удовольствием пил горячий ароматный чай и делал наблюдения над жизнью и бытом хунхузов в их «мирной» обстановке. Его поразили порядок и дисциплинированность в хунхузской шайке и та особенная сдержанность, присущая людям, находящимся вне закона, под Дамокловым мечом карающей Немезиды. Бандиты были в большинстве, как

на подбор, крепкими, закаленными лесными бродягами, угрюмыми и свирепыми на вид, всегда готовыми к борьбе за свое жалкое существование. Одеты они были прекрасно: в новые куртки синего цвета и на ногах крепкие улы из свиной кожи. Вооружение довольно разнообразно и состояло из магазинных винтовок всевозможных систем.

Вскоре Алатаев был приглашен к вождю хунхузов, который, при его входе встал и встретил его обычным китайским приветствием, затем усадил рядом с собою за стол, где было приготовлено угощение в виде чая, конфет и печений. Согласно этикету, вначале разговор шел о здоровье, о погоде и других незначительных вещах; в это время Алатаев внимательно присматривался к своему собеседнику. Это был небольшого роста, но могучего сложения китаец, с типичным монгольским лицом и выдающимся подбородком. В узких черных глазах его по временам вспыхивали дикие огоньки и при улыбке сверкали большие крепкие зубы, что делало его похожим на волка, отчего он и получил свое прозвище.

После «хороших слов» китайской вежливости, закуривая трубку с дорогим нефритовым наконечником, Лан наконец спросил на русско-китайском жаргоне:

«Зачем пожаловал к нам почтенный русский капитан?»

На это Алатаев сейчас же ответил: «Я послан сюда своим начальством восстановить порядок, нарушенный хунхузами, и освободить взятых в плен на лесной концессии Поповых подрядчиков. Если они не будут освобождены или будут убиты, я принужден буду применить силу! В моем распоряжении сотня заамурцев, которая окружила со всех сторон твое становище, заняв все выходы. Как ты знаешь, мы не вмешиваемся во внутреннее управление Маньчжурии китайскими властями, но в данном случае ты нарушил наши права в полосе отчуждения, уведя в плен наших людей. Я не хочу кровопролития и требую немедленного освобождения пленных. Вот почему я пришел к тебе сам объявить об этом. Ты меня знаешь, я никогда не бросаю слов на ветер!» Сказав это, Алатаев допил свою чашку чая и, в ожидании ответа, уставился на хунхуза своими немигающими гипнотизирующими глазами.

Не выдержав этого взгляда, Лан опустил голову и погрузился в раздумье. Идти на уступки, это значило по-китайски «потерять лицо» и популярность не только у своих хунхузов, но и всего населения! Не исполнить требования и принять бой — равносильно гибели всей шайки! Положение стало критическим! Не находя из него выхода, он решил подействовать на Алатаева страхом и, вынув изо рта трубку, проговорил: «Я вижу, что ты храбрый человек, так как рисковал жизнью, придя к хунхузам! И мне жаль, если ты погибнешь! Что, если я прикажу сейчас же убить тебя и всех пленных? Хунхузов в четыре раза больше чем русских и еще неизвестно, чем кончится бой! Что ты мне скажешь на это?» Произнеся эти слова, хунхузский вождь поднял голову и встретился с упорным, пронизывающим насквозь взглядом Черного Капитана, который, не меняя выражения и сохраняя полное спокойствие, отвечал:

«Как видишь, я не из трусливых, если пришел к тебе для переговоров! Смерти я не боюсь! Меня не запугаешь! Но должен предупредить тебя, что в твоем распоряжении остался всего один час времени, по истечении которого моя сотня откроет стрельбу из пулеметов по твоему притону и ручаюсь тебе головой, что ни один хунхуз не уйдет отсюда живой! Погибнешь и ты, а вместе с тобой и я! Итак, выбирай:

или соглашение, или принимай бой!» Проговорив это, Алатаев посмотрел на часы и встал. За ним поднялся и хунхузский вождь. На лице его можно было прочесть растерянность, граничившую с отчаянием. Видимо, он колебался, но, посмотрев на решительную фигуру русского офицера, стоявшего перед ним с презрительной усмешкой на лице, крикнул своего помощника и отдал ему приказание позвать всех своих старшинок на совещание.

«Это вопрос серьезный, — заявил предводитель, — и я не могу решить его сам, без совещания с моими старшинками. Как они решат, так и будет!»

«Дело твое! — отвечал на это Черный Капитан, смотря на часы, — но имей в виду, что время идет и через час все твои люди погибнут, если ты не исполнишь моего требования!» Сказав это, Алатаев отошел в дальний угол фанзы и, скрестив руки на груди, стал ждать окончания переговоров старшинок-хунхузов.

Через минут десять в фанзу вошло семь вооруженных с ног до головы довольно рослых головорезов. Сделав поклон атаману, они, как будто совершенно не замечая присутствия Черного Капитана, встали по военному в один ряд по старшинству около двери. Бросаемые ими мимолетные взгляды на Черного Капитана говорили о их звериной к нему ненависти, но Капитан делал вид, что совершенно не замечает этих враждебных взглядов. Атаман, не сказав ни одного слова, продолжал сидеть на кане. Он, видимо, обдумывал и подготовлялся к тяжелому и неприятному разговору с ними. Нахмурив брови, он все время смотрел на пол, в одну точку, и потом, подняв свирепое лицо, отрывисто крикнул: «Почему нет Корявого?» Двое из стоявших с левого края бросились за Корявым и через минуту оба возвратились, сказав, что Корявый болен, но одевается и сейчас же придет. Почти следом за ними пришел и Корявый, продолжая застегивать свою меховую куртку. При входе он тоже низко поклонился Атаману и, как самый старший помощник, встал крайним на правом фланге. Атаман сразу же заговорил, обращаясь ко всем: «Лесные мои братья! Я позвал вас для того, чтобы сказать вам, что присутствующий здесь храбрый Черный Капитан заявил мне, что мы окружены его солдатами и он требует, чтобы мы освободили наших пленников, за которых мы надеялись получить большой выкуп, иначе все мы будем уничтожены!» При этих словах все помощники заговорили одновременно и по выражению их лиц видно было, что они сейчас же могут наброситься на Черного Капитана и разорвать его на куски, но последний как будто не понимал угрожавшей ему опасности и спокойно продолжал стоять в стороне. Растерявшийся Атаман, овладев собой, громко крикнул, чтобы все замолчали, но это не помогло, а через минуту он выстрелил из Маузера вверх и, воспользовавшись моментом затишья, громко и с озлоблением заговорил: «Пока я буду говорить, все должны молчать, а не болтать как сороки! Черный Капитан заявил мне, что наши пленники должны быть освобождены сегодня же, до одиннадцати часов утра. Если мы не исполним этого требования, то ровно в 11 часов его войска начнут стрелять и всех нас уничтожат!»

После этого одновременно заговорило несколько человек, а один здоровый, молодой, по прозвищу «Медведь», выхватил нож и как зверь на добычу бросился на Капитана, громко крикнув: «Смерть собаке!» Но спокойно стоявший Черный Капитан был наготове и ударом кулака в челюсть свалил нападавшего к ногам Атамана. В тот же мо-

мент Атаман выстрелил в голову упавшего и ударил ногой по окровавленному лицу, что ошеломляюще подействовало на остальных. Шум сразу прекратился, и Атаман заговорил опять: «Кто меня не будет слушать, того постигнет такая же участь!» и вероятно для усиления своего упавшего авторитета еще раз выстрелил в мертвеца и хотел снова говорить, но стоявший ближе всех к Атаману Корявый поклонился ему и сказал: «У нас много войск, ружей и патронов, нам не страшны угрозы Черного Капитана. Его тоже надо связать и присоединить к пленникам, а солдат его надо всех перебить, головы отрубить и привязать к деревьям, а туши бросить на съедение зверям, чтобы навсегда пропало у них желание нападать на нас!, — и, обращаясь к стоявшим, спросил: — Прав я или нет, братья?»

Все снова загалдели, трудно было понять, что они говорили, но отдельные громкие выкрики требовали немедленной смерти Черного Капитана и всех его солдат. Капитан видел, что Атаман потерял власть над своими легкомысленными помощниками, от которых в любой момент можно было ожидать нападения. Атаман, сознавая повидимому свое бессилие, все время держал в правой руке пистолет. Но вот неожиданно для всех выступил вперед Черный Капитан и повелевающим властным голосом сказал по-китайски: «Молчать!»

Сразу же воцарилась полная тишина, лишь из-за двери слышались голоса хунхузов, осуждавших нерешительность Атамана. Алатаев подошел ближе к помощникам, которые невольно попятились назад, и несколько секунд смотрел на них сверху вниз взглядом укротителя. Хунхузы, не выдерживая этого упорного взгляда, готовы были постыдно бежать из фанзы, но Капитан, повернувшись в сторону Атамана, спокойным, не допускающим возражения тоном произнес: «Атаман, я вижу, что твои помощники дисциплины не знают, болтливы хуже баб, а время бежит! Через час мои войска откроют пулеметный огонь, и ни одного из вас, находящихся в этой фанзе, не останется в живых, а к вечеру будут уничтожены и все твои войска! Может быть, вместе с вами погибну и я, но таков был мой приказ моим войскам!» Тогда неожиданно заговорил Корявый: «У нас войск больше пяти тысяч, а сколько у тебя?» На это Капитан ответил, обращаясь только к Атаману: «Атаман! Бабья пустая болтовня продолжается, а время бежит! Войск у вас не пять тысяч, а всего лишь около 450 человек; у меня много меньше, но вполне достаточно для того, чтобы сегодня же уничтожить весь ваш отряд! Атаман, решай быстро, освободи пленников, или все вы сегодня же умрете! Выбирай то или другое решение! Никаких изменений не будет! А так как у вас продолжается пустая болтовня, то мне противно присутствовать и я лучше выйду из фанзы, но повторяю: решай быстро, чтобы не опоздать!» Сказав это, Алатаев спокойными твердыми шагами направился к двери. Стоявшие цепью перед дверью помощники невольно расступились. За закрывшейся дверью снова послышались многочисленные голоса и крики, но громче других кричал Корявый: «Лесные братья! Иностранная собака запугивает нас, но нам бояться нечего! Черный Капитан сам проговорился, что его отряд много меньше нашего, и если между нами не будет продажных предателей, то мы перебьем всех русских! Я предлагаю вам разорвать на мелкие кусочки иностранную гадину, а вместе с ними и продажного предателя!» — но последнее слово было недосказано, так как Атаман, давно зная сильное желание Корявого быть атаманом отряда, безошибочно понял, что слова «продажного предателя» относятся к нему; по-

этому, чтобы спасти себя от зверской расправы, он не дал договорить Корявому и выстрелил ему в лоб. Корявый, с раздробленным черепом, свалился ка к камень. Атаман, указывая пальцем на Корявого, сказал:

«Помните, братья, я ваш Атаман! Кто осмелится ослушаться меня, того постигнет та же участь! Корявый, опьяненный опиумом, не сознавал, что болтает длинный язык его! В дальнейшем я один буду решать срочные вопросы! Идите все к Черному Капитану, скажите ему, что я сейчас приду и буду при всех говорить с ним!»

Помощники сразу же вышли на двор. Держа наготове маузер, вслед за ними вышел из фанзы и Атаман. Приказав стоявшей все время при полуоткрытой двери личной его охране убрать падаль, показав рукой на убитых им своих двух помощников, он, подойдя к Черному Капитану, громко заговорил, чтобы все окружающие слышали:

«Капитан, ты очень храбрый! Ты один пришел к нам! Мы любим храбрых! Я много о тебе слышал и знаю, что твои слова не расходятся с делом, и если ты докажешь, что твои войска окружили нас, то я согласен освободить пленников. Если же ты этого доказать не сумеешь, то вместе с пленниками сегодня же здесь умрешь на большом костре!»

В толпе послышался одобрительный шепот. Черный Капитан, улыбнувшись, ответил: «Атаман! Ты сам только что признал, что мои слова не расходятся с делом и доказывать это тебе я не буду, считая это твое предложение унизительным для себя! — Затем, взглянув на часы, он продолжал: — Через 38 минут ты услышишь доказательство от моих солдат!»

В это время в толпе хунхузов послышались голоса, говорившие о том, что в разных районах становища видели перебегающих за камнями и деревьями русских солдат, видели и конных. После всего слышанного, Атаман ушел в толпу хунхузов и долго с ними беседовал. В результате он твердо решил отпустить пленников и, обратившись к Черному Капитану, сказал: «Капитан! Если я отпущу тебе пленников, можешь ли ты дать мне честное слово, что ты со своими войсками уйдешь без сражения?» Алатаев не успел ответить, как трянул выстрел. Многие хунхузы побледнели и не знали, что им делать; несколько человек рысью побежало спрятаться за фанзу, а из оставшихся большинство шептались между собою, часто упоминая по-китайски: русские солдаты, «казаки», «атаман»! Когда гул от выстрела стих, Алатаев произнес: «Атаман, я уже отказался дать тебе подтверждение, теперь ты услышал его от моих войск! Через три минуты ты услышишь второе предупреждение, а еще через три минуты будут стрелять пулеметы и никто из вас не избежит смерти! Ты спрашиваешь меня, дам ли я честное слово, что не нападу на вас и уведу ли свои войска? Да, Атаман, я даю слово русского офицера, что мой отряд не нападет на вас и сегодня же далеко будет отсюда; но даю тебе еще одно честное слово, что второй раз для таких же переговоров я не приду к вам, а прямо нападу и беспощадно уничтожу вас; но я вижу, что ты умный и нравишься мне, поэтому советую тебе подальше уйти отсюда и в будущем стараться не встречаться со мною да и вообще с русскими войсками, как с врагами, иначе все вы погибнете!»

В это время грянул второй предупредительный выстрел. Атаман забеспокоился и послал двух помощников за пленниками, а сам, обращаясь к Алатаеву, проговорил: «Капитан, я верю тебе и освобождаю пленников! Сообщи своим войскам, что наши переговоры мирно закончились!» Тогда Алатаев вынул из внутреннего кармана небольшой рус-

ский флаг, быстро привязал его к длинной палке и дав одному из помощников атамана, приказал ему залезть на крышу фанзы и махать флагом влево и вправо, показав, как это надо делать. Помощник, смотревший ранее в фанзе на Капитана звериным взглядом, теперь с улыбкой и радостным лицом рысью побежал исполнять его распоряжение и через несколько секунд усердно махал во все стороны флагом, а Капитан первый раз за все время вытащил из чехла свой наган и сделал вверх четыре выстрела с разными промежутками времени, на которые послышались ответные пять винтовочных выстрелов с другими промежутками времени. Эти выстрелы были условными, после выстрелов и махания флагом. Вахмистр приказал трубить сбор. Черный Капитан тоже слышал эти звуки и, одобрительно кивнув головой, мысленно похвалил Ерофеича за распорядительность. В это время привели пленников, всего семь китайцев. Ноги и руки их были связаны и, кроме того, они были крепко привязаны друг к другу длинными косами. Изможденные бледные лица их свидетельствовали о переживаниях. Атаман приказал всех развязать. Повидимому они уже знали, что русский Капитан освобождает их; как только сняли с них веревки, они бросились к Алатаеву и, упав на колени, много раз кланялись в землю, выражая этим Черному Капитану свою благодарность.

Теперь хунхузы, окружавшие Алатаева и Атамана, уже не смотрели на Черного Капитана враждебно, но восхищались им, гордо стоявшим среди них, как выделяется стройный высокий дуб над кустарником. Некоторые говорили между собою: «Вот нам бы такого Атамана! Какой он храбрый и бравый! Один стоит тысячи человек!» Другие говорили, что в нем должно быть есть кровь Великого Вана. В одной большой группе один из ораторов, по фамилии Ван-фу, говорил: «Я давно слышал, что где-то далеко, в холодной стране есть высокие снежные горы, они всегда покрыты снегом. В глубоких ущельях этих гор есть люди, князья, хозяева этих гор, которые происходят от орлов, превратившихся в людей! Они ничего не боятся и сами походят на орлов! Посмотрите на этого Капитана, сразу видно, что он не простой человек! Стоит он, как орел между кур! У него глаза, нос, лицо — все орлиное! А храбрый какой! Разве простой человек, будь он хоть сам генерал, без оужия один осмелится придти к нам, да еще даже с требованием освободить без выкупа пленников!» «Так вот, братья», — продолжал оратор, — « я твердо верю, что он из тех князей, в которых течет орлиная кровь! Я уверен, что он даже ночью один без оружия не побоится пойти в берлогу к самому Великому Вану, и Великий Ван, как увидит его, сразу узнает, что он не простой человек, а тоже из Великих князей и не тронет его! Если когда-нибудь мы будем сражаться с русскими, то я стрелять в него не буду, пуля отскочит от него и меня же убьет, и вам, братья, тоже не советую в него стрелять!» В толпе послышались голоса одобрения.

В одной из групп старший из личной охраны Атамана, по прозвищу «Хорек», — отъявленный, жестокий головорез, рассказывал: «Когда пришел Черный Капитан к нашему Атаману, я все время наблюдал через щель незакрытой двери и хорошо видел, как Медведь, с поднятым ножом в руке, набросился на спокойно сидевшего Капитана и я собственными глазами хорошо видел, как Медведь сразу же отлетел от него вверх ногами, а Капитан так и остался на том же месте! Я, братья, сами знаете, храбрый, а тут перепугался, потому что сразу понял, что Черный Капитан — какой то большой князь, вроде Великого Вана! Те-

перь, если даже сам Атаман прикажет мне стрелять в Капитана, я все-таки не буду, я знаю, что пуля отскочит от него так же, как Медведь отскочил, и моя пуля убьет меня же!»

Вскоре все хунхузы поклялись не стрелять в Черного Капитана.

Как человек наблюдательный, Алатаев видел, что хунхузы смотрят на него уже не враждебными, а скорее восторженными взглядами. В этот момент он имел огромную между ними популярность: стоило ему приказать бросить атамана и всех старшинок в костер, — и это было бы выполнено беспрекословно. Таково влияние сильной человеческой воли! Наконец, когда пленники были уведены, Алатаев зашел за фанзу, где лежали тела убитых старшинок, и, сняв шапку, проговорил: «Я пришел сюда, не желая вам зла и не я виновен в смерти этих храбрых людей! Я преклоняюсь перед ними и буду просить Бога, простить им грехи, несмотря на то, что они были разбойниками! Бог безпредельно добр и всемогущ! Все мы, люди — Его дети и перед лицом Его все мы равны! Эти люди хотели убить меня, но сами погибли, и я не питаю к ним злобы! Предайте их земле, как подобает честным людям! Мертвые сраму не имут, — так говорят мои земляки!»

В это время свыше четырехсот пар глаз смотрело на говорившего, изумляясь слышанному и виденному.

Затем, надев шапку, Алатаев вошел в толпу хунхузов и сказал им по-китайски: «Атаман и вы, лесные воины, — если бы вы не освободили пленников, то теперь многих из вас не было бы уже в живых, а до вечера все вы были бы уничтожены! Все население Маньчжурии смотрит на вас, как на шакалов, которые не хотят работать и грабят тех, кто работает! Если бы мои войска сегодня всех вас уничожили, то никто вас, как паразитов, не пожалел бы! Если вы еще раз помешаете спокойной работе на лесных концессиях, то я вас всюду найду и всех, как вредных паразитов, без сожаления раздавлю! Подумайте над этим. Нехорошей жизнью вы живете! Идите лучше на лесную концессию, займитесь честным трудом, будете сыты и заработаете деньги; если же вы останетесь шакалами и с оружием в руках будете нападать лишь на слабых и невооруженных, то берегитесь и не попадайтесь на моем пути! Я ухожу и буду рад узнать, что вы занялись честным трудом! Прощайте!» — С последними словами он обвел всех медленным гипнотизирующим взглядом и, не сказав более ни слова, простился с Атаманом легким кивком головы и скорым шагом направился по тропе к большим кедрам .Не успел он пройти и сорока шагов, как вахмистр с сорока всадниками карьером мчался навстречу своему Командиру. Не доскакав нескольких шагов, отряд круто остановился, и вахмистр доложил Алатаеву: «В отряде все обстоит благополучно! Пленники, семь китайцев, пришли в сопровождении вооруженного подозрительного китайца, которого я разоружил и всех отправил в ложбину, где для отряда уже готов обед и чай!». — Алатаев поцеловал Ерофеича в лоб и приказал трубить сбор всего отряда. Затем, сев на застоявшегося коня, он вместе со своим отрядом скрылся за горой с большими кедрами, а вскоре туда же собрался и весь его отряд.

Возвратившись в фанзу, Атаман отказался от обеда и приказал никого к нему не пускать. Много пережив за короткое время, он предвидел еще не мало тяжелых сюрпризов. Наклонив голову, он долго ходил по фанзе, обдумывая тяжелую думу и лишь вечером пришел к заключению, что ему с помощниками нельзя заняться в Маньчжурии честным трудом: слишком много каждый из них сделал злодеяний, их

всюду знают и, конечно, с радостью отомстят и выдадут властям, которые отрубят им головы. Придя к такому заключению, он приказал позвать всех помощников; усадив их на каны, он стоя говорил им взволнованным голосом: «Черный Капитан прав, некоторых из нас ожидает в Маньчжурии позорная смерть, но заняться здесь честным трудом мы тоже не можем, так как жители выдадут нас и мы потеряем свои головы! Принимая во внимание все это, после отъезда Черного Капитана, я долго думал и решил так: оставаться нам здесь опасно, а поэтому сегодня ночью в 4 часа утра весь отряд должен пойти к фанзе одноглазого старика Сюй; если что либо помешает, то все должны собраться у барсовой горы, где вороньи гнезда. Хорошо ли вы поняли меня? Может быть кто против сказанного мною?» Но никто ему не возражал. Тогда Атаман отпустил всех и приказал готовиться к походу. Потом позвал своего старшинку личной охраны, «Хорька», которому приказал принести сюда все ценности Корявого и Медведя. Через несколько минут на столе лежали довольно ценные, разной величины четырнадцать корней женьшеня, много золотых женских украшений: кольца, брошки, серьги и проч. В двух кожаных мешочках было более шести фунтов золотого песку и мелких самородков, три пары ценных пантов пятнистых оленей, 17 штук собольих шкурок и много других менее ценных предметов. Атаман быстро и внимательно все осмотрел и сказал: «За все это ты, Хорек, отвечаешь мне своей головой! Убери все!». Затем, сделав нужные распоряжения для предстоящего похода и плотно покушав, со спокойной и радостной улыбкой заснул крепким сном переутомившегося человека.

Через день вся шайка хунхузов собралась у фанзы старика Сюя. Там, после многих споров и пререканий, большинство изъявило желание отправиться на работы по заготовке леса на лесные концессии и только 20 человек старых хунхузов под командою Волка ушли на юг, к городу Гирину, где разошлись в разные стороны. Многие из них впоследствии занялись торговлей и сделались купцами, а Волк со своими старшинками был принят в китайскую армию с чином «полковника».

«Ну, и молодец же вы, Вадим Николаевич!» — вскричал Иван Дмитриевич Попов, встречая Алатаева в таборе. — «Как это вам удалось без выкупа и без кровопролития выручить наших людей из когтей смерти! Это просто невероятно и чудесно! Вы настоящий маг и чародей! Но, признаться вам откровенно, мы с Ерофеичем едва не открыли огонь по хунхузам, когда услышали их крики и шум! Предполагая, что вы уже убиты, мы готовы были ринуться в атаку! Но ваши условные выстрелы предупредили несчастье и тогда мы успокоились, зная, что вы здравы и невредимы! То, что вы сделали, дорогой, не укладывается ни в какие рамки логики и благоразумия! Вы герой и в то же время безумец!»

«Я же вам говорил, дорогой Иван Дмитриевич» — отвечал ему Алатаев — «что мне ничего не угрожает в этом году! Да и на самом деле не было никакой опасности, так как их предводитель сразу взвесил шансы и увидел всю бесполезность сопротивления. То, что сделал я, мог бы проделать всякий! Никакой храбрости тут не было, а просто на просто одна голая логика, и только! А так как логика баба, и при том еще голая, то отсюда понятно, почему она восторжествовала! А теперь забирайте своих подрядчиков, пока они еще целы, и будем собираться домой, вы на Мацяохэ, а мы на Сяо-Суйфын, напрямик через сопки!»

Сказав это, Алатаев приказал трубить «сбор» и вскоре вся сотня

подтянулась к табору на берегу горной речки, где вскоре запылали костры и в походных котелках варился вкусный борщ с мясом, и проголодавшиеся заамурцы, в предвкушении сытного обеда, попивали горячий чай с белым хлебом, отпущенным из конторы концессии.

Иван Дмитриевич уговаривал командира сотни идти вместе с ним на Мацяохэ, где, по его словам, старший брат, Саша, ждет с торжественной встречей и богатым угощением, но Алатаев остался непреклонен, прося передать брату благодарность за «русское гостеприимство и ласку».

После обеда с чаркой водки старые казаки стали просить командира сотни разрешить им атаковать хунхузов, так как, по их понятиям, хунхузы не люди и ни в какие сделки с ними входить не гоже и даже зазорно.

На это Алатаев им ответил:

«Этого разрешить вам, ребята, никак не могу! Хунхузы отпустили меня и пленных под условием, ненападения. Я принял это условие, чтобы спасти жизнь пленных. Что-же вы хотите, чтобы я нарушил свое слово? Чтобы я был обманщиком? Нет, ваш командир им никогда не был и не будет! Кому-бы я не дал слово, я его должен сдержать, будь это хунхуз, или даже самый отъявленный негодяй! Я потеряю «свое лицо», или по-русски честное имя, если нарушу данное слово! Хунхузы свободно могли меня убить, но они этого не сделали, а вы хотите, чтобы я был неблагодарным предателем? Подумайте сами, о чем вы просите! Если я разрешу вам напасть на них, позор падет на меня и на вас и тогда всякий може сказать, что казаки 25 сотни трусы и обманщики! Так вы этого хотите? Да?

Сказав это, командир сотни окинул взором, собравшихся вокруг него станичников и ждал ответа. Но казаки стояли потупившись и, почесывая затылки, молчали.

Тогда выступил вперед Ерофеич; громко крякнув, он проговорил:

«Ваше Высокоблагородие! Не извольте сердиться на этих дураков! Они болтают зря, зная наперед, что вы им не разрешите! Они храбры на словах, а на деле не дюже! Их и слушать-то не пристало, не токмо разговаривать!»

Высказав свое мнение, старый вахмистр окинул победоносным взглядом казачий круг и, немного погодя, прибавил:

«Прикажете седлать, Ваше Высокородие?»

«Ну конечно седлать, мой старый ворчун!» — ответил командир сотни. — «А к Ивану Дмитриевичу назначь конвой из десяти человек, на всякий пожарный случай!»

Сердечно распрощавшись с Иваном Поповым, Алатаев сел на подведенного ему «Чорта» и поскакал по косогору на перевал, где находилась битая тропа, соединяющая город Мишань со станцией Сяо-Суйфын. За ним потянулась вся сотня. Ерофеич, как всегда был в арьергарде, для «прикрытия тыла» и для порядка.

Станичники пели свои донские песни и горное эхо повторяло их в далеких распадках отрогов Тайпинлина.

ЗА ТИГРЯТАМИ

Возвратясь на станцию Сяо-Суйфын, Алатаев застал там агента фирмы Гагенбек из Владивостока, швейцарца Христиана Фридриховича Краузе, грузного, пузатого человечка, с большой совершенно лысой головой и проницательными серыми глазами, насмешливо смотревшими из под круглых золотых очков. Он говорил на ломанном русском языке, вставляя немецкие фразы. Выйдя на двор, навстречу хозяину, он приветствовал его такими словами:

«A, mein lieber Rittmeister!» Где это вы пропадали так долго! Мне уже надоель ожидаль и скучаль, и хотель завтра zurück nach Hause! Хорошо, что вы приезжаль! Я получиль телеграмм aus Hamburg, zu kaufen kleine Tiger! Во Владивостоке нет, вот я и приехаль к вам за этим делом! Никто, как вы может мне помогайт!» — Сказав это, агент хлопнул Алатаева по плечу и воскликнул «So!» —

—Здравствуйте, дорогой Христиан Фридрихович!» — отвечал Алатаев, беря его за руку. — «Очень рад вас видеть, но должен огорчить вас, т. к. теперь тигрят у меня нет! Если уж вам они очень нужны, я смогу их достать во всякое время в тайге, на что потребуется всего три, четыре дня! Завтра же я отправлюсь за ними, а вам придется поскучать еще немного!» —

«Mein Gott!» взмолился гельвет, следуя за Алатаевым в столовую, где кипел уже на столе самовар и аппетитно пахла копченная изюбрятина. — «Я тоже пойду с вами kleine Tiger fangen! Zu Hause скучаль больше не хотель!» — «Я ничего против этого не имею, Herr Krause!» — отвечал ему Алатаев, угощая его ветчиной, — «но думаю, что это для вас будет очень трудно, ведь нам придется идти по тайге, что для вас непосильно!» —

«Вы ошибку даваль, мой друг!» — возразил ему агент, попивая настоящее баварское пиво. — «Я не Sontagsjäger, а старый Tierjäger, и в тайги ходиль один mit meinem Hund! Я буду вам помогаль Tiger fangen und seine Mutter töten!» —

«Вот и прекрасно, дорогой коллега», — отвечал Вадим, приказав денщику убирать со стола. «Завтра утром мы с вами отправимся за тигрятами, а еперь будем ложиться спать! Утро вечера мудренее!» —

«Да, это так», — сказал Краузе, снимая с себя сюртук и приготовляясь ко сну — «утро мудрец, а вечер глюпец, так говорит ваш Volk, наш тоже!» —

Через полчаса он уже спал мертвым сном и громкий храп его гремел на весь дом, пугая собак, привязанных у крыльца для предстоящей охоты.

После вечерней зари Ерофеич, по обыкновению, явился к командиру сотни с докладом. Отрапортовав о том, что в сотне при перекличке люди оказались все налицо и что все обстоит благополучно, вахмистр замолк, уставившись на командира почтительно-внимательным взором.

«Послушай Ерофеич!» — обратился к нему Алатаев, надевая на себя мягкий шелковый халат, вышитый гладью искусною женскою рукою. — «Где-бы нам достать живых тигрят, хоть парочку? Ты, вероятно, знаешь, что за ними приехал сюда из Владивостока агент Гагенбека? Мне не хотелось бы ему отказать, так как человек он хороший!» — Проговорив это, Алатаев подошел вплотную к своему помощнику, в ожидании его ответа.

Помолчав немного и крякнув в кулак, Ерофеич сказал:

«Так что, Ваше Выс-дие, ребята анадысь баяли, что недалече отсюда в хребтах ходит тигрица с двумя детьми. Они и берлогу ее знают. Прикажите завтра-же ребятам поймать тигрят. Если звери еще не ушли, то дело верное!» Доложив об этом вахмистр посмотрел вопросительно на своего командира и приготовился выслушать его приказание.

«Великолепно!» — воскликнул Алатаев, положив руку на плечо Ерофеича.

«Передай ребятам, чтобы приготовились. Завтра в 7 часов утра выступаем. С нами пойдут старые собаки с «Ведьмой». Подо мной будет «Алмаз», а «Чорт» пусть отдыхает. Ребятам захватить с собой веревки и все, что надо. Продуктов дня на три. На всякий случай, скажг столярам, чтобы приготовили клетку на двух тигрят, иначе некуда будет их посадить, когда привезем их домой! С нами пойдут две вьючных и одна поседланная смирная лошадь.

Вот, пока и все. Ступай с Богом! Спокойной ночи!» — Произнеся эти слова, командир сотни проводил вахмистра и вышел с ним на двор. Было тихо; снег валил крупными хлопьями и устилал землю белой пеленой.

Сквозь бегущие по небу облака проглядывала луна, бросая на землю летучие скользящие тени.

Собаки, громыхая цепями, встретили своего хозяина радостным лаем.

«Будет пороша!» — произнес Алатаев, лаская бросившихся к нему собак. — «Это облегчит завтрашнюю охоту!» — «Да, слава Богу, выпал снежок!» отвечал Ерофеич, надевая папаху. — «Завтра к вечеру станет, однако, по свежей порошке можно выследить зверя легко. Не извольте беспокоиться. Ваше Высокородие, все будет в порядке!» —

Отпустив вахмистра, командир сотни возвратился домой, и вскоре весь военный поселок погрузился в сон.

К полночи небо очистилось от туч и яркий диск луны медленно подвигался по горизонту, освещая белые, запорошенные снегом, горы и леса отрогов Тайпинлина.

Еще до рассвета тигрица-мать вернулась со своими детьми в свое логовище, в каменные розсыпи высокого скалистого хребта, круто обрывающегося в узкую долину Сяо-Суйфына. Поймав в ближайших дубняках двух полувзрослых кабанов, она досыта накормила свое голодное потомство и, закусив плотно сама, расположилась со своими детьми на отдых под навесом скал, заросших густым орешником, виноградом и лианами.

Наевшись до отвала, тигрята еле передвигали ноги и, мурлыкая про себя свои детские песенки, завалились спать, как только добрались до своего уютного логова.

Осмотрев заботливым материнским оком ребят, тигрица зевнула и, выбрав себе местечко рядом с ними, улеглась, растянувшись во весь свой гигантский рост на краю обрыва, с таким расчетом, чтобы слышать малейший звук, доносившийся сюда из недр тайги и горных далей, подернутых неясною дымкою тумана.

Тигрята не шевелились и спали беззаботным сном раннего детства, но их мать, умудренная житейским опытом и инстинктом самоохранения в жестокой борьбе за существование, даже во сне чутко прислушивалась, и небольшие круглые уши ее находились в постоянном движе-

нии, поворачиваясь в сторону возникшего звука. Она спала, но частица ее мозга бодрствовала, находясь на страже, как часовой на своем посту.

Солнце поднялось уже над горизонтом, и яркие лучи его осветили землю, покрытую девственной пеленой снега. Играя всеми цветами радуги, под горячими солнечными лучами, снег начал таять, образуя на южных склонах гор проталины и плеши. В чистом прозрачном, как кисталл, воздухе запахло талою землей и опавшими листьями.

Тишина не нарушалась ни одним звуком, только изредка слышался в дубняках стук дятлов и посвистывание синичек.

Пошевеливая ушами, тигрица лежала неподвижно; но вот она подняла голову и, прищурив глаза, стала прислушиваться; до ее сознания достигли необычные в тайге звуки. Далекий собачий лай, с небольшими перерывами, раздавался в дубняках, где прошлой ночью тигрица охотилась на кабанов.

Послушав внимательно, она поднялась и, подойдя к краю обрыва, стала всматриваться в даль, где маячили между деревьями какие-то темные точки. Острое зрение хищника сразу-же определило в них собак и всадников, быстро передвигавшихся по склону хребта, заросшего редким дубняком.

Круглые желто-зеленые глаза зверя были широко раскрыты и устремлены вдаль; уши насторожены и кончик пушистого хвоста шевелился, отбивая удары влево и вправо и выдавая волнение и тревогу.

Постояв у обрыва, тигрица подошла к детям и мягкими ударами лап стала их будить, подымая на ноги. Тигрята повиновались неохотно и, ворча себе под нос, вставали, сладко зевая и снова заваливаясь спать. Мать от них не отставала, так что им пришлось подняться окончательно и последовать за ней.

Собачий лай приближался быстро к логовищу. Зная по опыту его значение, тигрица решила увести детей подальше от опасности, поэтому, подталкивая их мордой и лапами, она вывела их из логовища и погнала по гребню хребта, в противоположную от лая сторону. Тигрята подвигались медленно и неохотно, не смотря на старание матери ускорить их шаги.

Вскоре она услышала ненавистные ей собачьи голоса в непосредственной близости, и передовые собаки, выскочив из зарослей, окружили ее со всех сторон, давая громким лаем сигнал своим хозяевам, что звери настигнуты и задержаны.

Тигрица приостановилась, а за нею и тигрята. Молодые, горячие и неопытные собаки сразу-же бросились на тигрят и стали их кусать за бока; те неистово визжали, отбиваясь лапами и щелкая зубами; но мамаша только и ждала этого момента; сделав прыжок, она несколькими ударами своих страшных когтей уложила четырех собак на месте, разбив им черепа и сломав спины. Несколько раненых, отскочив с визгом в сторону, отказались от дальнейших нападений.

Воспользовавшись временным замешательством собак, тигрица увела своих детей дальше и, спрятав их в непролазной каменной трущобе, в зарослях аралий и винограда, приготовилась к отчаянной защите.

Вскоре подоспели все собаки, в числе двенадцати штук, и повели правильную осаду до прихода охотников, которые, во главе с Алатаевым, спешили на помощь своим псам.

Наученные горьким опытом, собаки держались на почтительном расстоянии от хищников и только издали лаяли на них, не рискуя приближаться к разъяренным зверям.

Достигнув каменных розсыпей, охотники спешились, оставив при конях двух коноводов, а сами двинулись дальше, в каменные трущобы, откуда доносился лай собак и свирепое ворчанье тигрицы.

Впереди находился Алатаев с карабином в руках; за ним шел агент Краузе, еле передвигавший ноги от усталости, он был безоружен и нес в руках фотоаппарат; четыре казака, с винтовками и принадлежностями для ловли, замыкали шествие.

Herr Краузе пыхтел и отдувался, ругаясь по немецки и посылая к чорту сопки Маньчжурии и всех ее тигров, но героически шел вперед, не отставая от Алатаева и слушая его иронические замечания на счет своей особы. Пот лил с него ручьями; очки постоянно заволакивались туманом и ноги подкашивались, но агент Гагенбека не терял бодрости, постоянно повторяя: «Mein Gott!» Это нишего и даже ошень карашо! Хороший Geschäft нельзя получить даром! Терпенье и труд всем нос утрут, как говорят русские люди!»

Чтобы он не отставал, казаки часто подталкивали его сзади в спину, помогая в трудных местах перелезть через бурелом и камни.

Узнав, что тигрица находится при своих детях, Алатаев отрядил двух казаков разъединить их, для облегчения поимки тигрят.

«Если вам не удасться отогнать тигрицу, — поучал их командир сотни, — и она бросится на вас, тогда можете ее убить; но это только в крайнем случае, если другого выхода не будет! Надеюсь, вы меня поняли, ребята?»

«Не изволье беспокоиться, Ваше Высокоблагородие!» отвечали казаки, заряжая винтовки и подтягивая потуже пояса. — «Мы ее так пужанем, что она уйдет без оглядки и детишек своих нам оставит!» Через полчаса после ухода казаков, послышались частые выстрелы и усиленный лай собак. Тигрица, напуганная стрельбой и окруженная сворой собак, отбилась от тигрят и пошла по хребту, преследуемая казаками, бросавшими в нее фугасы, рвавшиеся с оглушительным шумом и треском.

Этим моментом и воспользовался Алатаев, чтобы поймать тигрят. Потеряв мать, дети бросились ее искать и, разойдясь в разные стороны, были атакованы собаками. На их ожесточенный лай прибежал Алатаев с двумя казаками и, при помощи палок и веревок, быстро связал одного тигренка, не смотря на его отчаянное сопротивление.

Другой тигренок, в поисках матери, нарвался на отставшего и задыхавшегося от бега, агента Краузе. Увидев перед собой тигра, преследуемого двумя собаками, он задумал было его снять и, наставив свой аппарат, приготовился щелкнуть затвором, но в это мгновение на него наскочил отбивавшийся от собак звереныш и, сбив его с ног, стал кусать его аппарат, выставленный господином Краузе вперед, для самозащиты.

Быстро покончив с одним тигренком, Алатаев услышал неистовые крики своего гостя и, оставив на месте пленника, поспешил к нему напомощь.

«Helft! Helft!» кричал в это время Краузе, отбиваясь от тигренка и стараясь вырвать из его зубов аппарат. — «Спасайт мой аппарат фирмы Кодак № 3! Это вещь не мой, он выдан мне компанией Гагенбек и сыновья в Гамбурге! Я за него отвечайт и платиль!» Когда Алатаев с подбежавшими казаками освободили злосчастного Краузе из когтей и зубов звереныша, он едва держался на ногах и весь изцарапанный повторял, со слезами на глазах:

«O mein Gott! Что я теперь скажу своему патрону! Der ganze Apparat ist verfallen! Я не сделал ни один экспозиция! Вся моя экскурсия не стоит яичной скорлупы! Einen kleinen Tieger вы поймаль сами, но все-таки я помогаль вам einen zu fangen!»

Второй связанный тигренок лежал тут-же на снегу и тяжело дышал, после отчаянной борьбы и сопротивления.

Herr Krause в общей суматохе потерял свои очки, и, показывая обломки своего аппарата Алатаеву, говорил:

«Это нишево! Я гордиль у жтем, что держаль junger Tiger, пока вы его словиль! Ich werde schreiben свой патрон nach Hamburg, что я прилагаль grosse участие в нашей Tigerjagd. Бедный meine Brille! Их носиль mien Vater и носиль бы mein Sohn, если бы не этот junger Teufel, которого мы с вами поймаль!»

«Все хорошо, что хорошо кончается, Herr Краузе!» — заявил командир сотни, приказав трубачу играть сбор.

Через полчаса тигрята были перенесены к табору, где стояли кони. На большом костре кипел большой медный чайник и охотники утоляли жажду ароматным чаем и закусывали малороссийским салом. Для Herr Краузе откупорена была бутылка шампанского и Алатаев, поздравляя его с успехом сказал, иронически улыбаясь:

«Herr Краузе! Поздравляю вас с удачей! Если-бы не вы, нам не удалось бы поймать двух тигрят, но кто из вас держал, вы- ли тигренка, или он вас — неизвестно! Одним словом «мы пахали!»

«O ja!» — отвечал ему агент не смущаясь. — Мы с вами пахаль маленьки Tiger и теперь будем trinken за его здоровье!»

Казаки тоже приняли участие в угощении, но шампанское им не понравилось; они морщась его пили и, отплевываясь, говорили: «Тьфу! Наша смирновка куда вкуснее этого заморского зелья! От него с души воротит и в носу свербит, а толку никакого!» — Вскоре пришли на табор казаки, угнавшие тигрицу. Они рассказывали, что мать сначала не хотела бросать своих детей, и выстрелы из винтовок на нее не действовали; но когда около нее начали рваться гранаты, она не выдержала и ушла, по временам возвращаясь, так что пришлось ее преследовать верст на пять, пока она не скрылась совсем в каменных розсыпях.

Пойманные тигрята, которым было уже шесть месяцев от роду, лежали связанные на снегу и, не будучи в состоянии шевелиться, только вращали злобными желто-зелеными глазами, бросая свирепые взгляды на людей и собак, толпившихся вокруг них.

Из шестнадцати собак взятых на ловлю, осталось в живых только восемь старых псов, остальные погибли от когтей и зубов хищников.

Навьючив свою живую добычу на коней, отряд двинулся в обратный путь и еще засветло возвратился на станцию Сяо-Суйфын.

Не слыша за собой преследования и грома рвущихся гранат, тигрица остановилась и, подумав, направилась к тому месту, где остались ее дети. Не найдя их, она стала по следам разыскивать их и, обойдя большую площадь, достигла места, где был расположен табор.

Обнюхав следы становища, она остановилась в раздумьи и, подняв голову кверху, заревела жалобно, призывая своих пропавших детей. Ее крик, нарушая тишину тайги, несся в даль и замирал в каменных трущобах гор. Но никто на этот крик не отзывался, тайга была безмолвна и только в ближайших зарослях посвистывали рябчики.

Это был стон и плач тоскующей матери, потерявшей своих детей.

Постояв немного около табора, тигрица двинулась дальше по следам отряда и к вечеру вышла к станции Сяо- Суйфын. Здесь следы совершенно терялись в массе других следов, и тигрица, не зная, что предпринять дальше, легла на выступе скалы, откуда ей была видна вся станция. Инстинкт матери подсказывал ей, что ее дети здесь недалеко. Желая дать им знать о себе, она вызывала их тонким нежным голосом. Тигрята, посаженные в клетку на дворе казармы, слышали далекий страстный и нежный призыв матери и отвечали ей детскими голосами; но она не слышала их и, пролежав всю ночь на скале, ушла в тайгу, оплакивая своих малышей.

Впоследствии она еще раз выходила на эту скалу, со слабой надеждой вернуть своих детей, но затем ушла совсем, покинув те места, где она потеряла свое счастье.

Ее дети в это время совершали длительное путешествие на пароходе «Добровольного флота» из Владивостока в Гамбург, вокруг Азии, и, сидя в тесной клетке, под любопытными взглядами назойливых людей, вспоминали свою прекрасную родину, милую спокойную тайгу и уютную берлогу в неприступных скалах, где они жили безмятежно и беззаботно под опекой нежной любящей матери.

Смотря своими круглыми желтыми глазами на блестевшую изумрудами, безбрежную гладь океана, они прижимались друг к другу и жалобно мурлыкали.

В ЛЬВИНОЙ КЛЕТКЕ

В ноябре месяце во Владивостоке появился, популярный на Дальнем Востоке, цирк Боровского, с прекрасно подобранной труппой наездников, наездниц, музыкальных клоунов, акробатов и жонглеров. Особенно хороши были лошади, разнообразных пород и мастей; значительная часть их принадлежала известному заводу Янковского и отличалась высшей школой выездки и дрессировки.

Перед праздниками Рождества Христова из Маниллы прибыл, по приглашению Боровского, знаменитый укротитель зверей, итальянец Челини, со своими львами и тиграми, из десяти великолепных экземпляров.

Страстный любитель и знаток лошадей, и вообще животных, Алатаев не мог пропустить этого случая и, взяв отпуск, покатил во Владивосток.

Цирк он посещал ежедневно, не только вечером во время представления, но и днем, когда шла репетиция. Благодаря своему общительному характеру, веселому нраву и щедрости, он быстро сошелся и даже подружился с хозяином цирка Боровским, главным образом на почве выездки лошадей и вольтижировки, причем показал ему такое искусство езды и головоломные трюки, что старые цирковые наездники были поражены и даже посрамлены.

Придя в восторг от его езды, Боровский воскликнул:

«Батенька мой! Как же вам не стыдно закапывать в землю ваш талант ваше дарование! Ведь это большой грех! Ведь вы прославились бы на весь мир и стали бы знаменитостью! Поступайте ко мне в труппу, даже в качестве компаньона и пайщика, — я дам вам какой хотите гонорар!» —

На эти слова Алатаев только посмеивался и насвистывал свой любимый мотив из «Цыганского барона».

Со всей цирковой богемой он стал на самой «короткой ноге» и, угощая «циркачей» после представления в ресторане «Золотой рог», пил с ними шампанское «на брудершафт».

Все наездницы были влюблены в «красавца» Алатаева и таяли от одного его взгляда, ссорясь между собой и ревнуя его друг к другу. Из-за него даже между двумя примадоннами состоялась дуэль на хлыстах, окончившаяся благополучно, только благодаря вмешательству самого Боровского.

С укротителем зверей у Алатаева также вскоре возникла дружба, и итальянец даже обещал своему «руссо амико» подарить львенка, так как одна из его львиц должна была вскоре принести детенышей.

Алатаев чувствовал себя прекрасно, вращаясь в среде беспечной цирковой богемы и даже приезд во Владивосток супружества Франк, не мог изменить его образ жизни и времяпрепровождения.

Супруги поместились в той же гостинице, где и Алатаев, в «Золотом роге», но его никогда не было дома, так как он постоянно пропадал в цирке.

Верочка не могла с этим примириться и устраивала Вадиму «немые» сцены и «дулась» на него, но это его, повидимому, ничуть не трогало, и он продолжал «ухаживать за циркачками», как говорила мадам Франк. Но вот на второй день Рождества Боровский давал большое гала-представление, с выходом всей труппы и с новыми интересными номерами. Цирк был переполнен публикой; не было ни одного свободного места. Весь партер был занят военными, армейскими и морскими офицерами. Ложи пестрели бобрами, военными фуражками, котиком и каракулями местной краевой гражданской и военно-морской знати, купечества и представителей иностранной колонии. Выше, места бельэтажа заполнены были публикой поскромнее и попроще, здесь представлена была местная чиновная бюрократия с семьями; а еще выше, на «галерке», виднелось море солдатских и матросских голов в бескозырках, в перемежку с шапками и картузами.

Под звуки прекрасного оркестра моряков с военного крейсера, труппа исполняла свои номера, получая в награду оглушительные рукоплескания галерки. Тут же в партере сидели супруги Франк и рядом с ними Алатаев. На Верочке было дорогое котиковое манто и котиковая шапочка, оттенявшая белизну ее классического лица, с бархатными миндалевидными глазами. Молодежь на нее заглядывалась, что раздражало ее супруга и заставляло нервно крутить свои рыжие усы.

Наездницы, по окончании своего номера, легко и изящно спрыгивали с лошади и рукой посылали воздушный поцелуй публике; но Верочка прекрасно видела, что эти поцелуи предназначались лишь одному Алатаеву, что говорили без слов и глаза наездницы, искрящиеся веселым задором. Верочка не могла этого перенести и нервно кусала губы, не зная, что предпринять. Алатаев же только улыбался и больше обращал внимание на лошадей, которых водили под уздцы клоуны, или прислуга. В антрактах Алатаев не оставался с Франками и, уходил в конюшни, или за кулисы, где его с нетерпением ожидали «циркачи» и «циркачки» в своих уборных.

Верочка не могла простить этого своему другу и искала случая ему отомстить; случай этот подвернулся в скором времени.

В последнем отделении выступил укротитель со своими зверями, для чего на арене была установлена большая составная клетка, куда выпущены были хищники. Подергивая своими упругими хвостами, играя стальными мускулами и щуря желтые глаза от электрического света, царственные звери метались по клетке, в ожидании появления своего господина.

Как только укротитель вошел в клетку, захлопнув за собою дверь, хищники как-бы замерли на месте, устремив на него внимательные взоры. Не давая им опомниться, хлопая бичем и отдавая отрывистые приказания, итальянец, одетый в яркий костюм ковбоя, начал гонять своих учеников по клетке, заставляя их прыгать через барьер, садиться на высокие скамейки, ложиться и катать деревянный шар. Некоторые, наиболее дикие, повиновались неохотно и выражали протест грозным рычанием, от которого у людей нервных бегали по телу мурашки от страха. По окончании представления, укротитель, пятясь назад, быстро отворил дверь и выскочил из клетки. В это же время несколько зверей с грозным рыканьем бросилось к двери, как бы желая удержать своего мучителя. Этот номер произвел особенное впечатление и галерка стала неистово хлопать в ладоши и кричать «Браво!».

В этот момент Верочка, встав со своего места, протянула руку к клетке и ударила носовым платком по лапе льва, подошедшего близко к решетке. В одно мгновение платок очутился в когтях льва; хищник, затянув к себе платок, бросил его на пол и с удовольствием обнюхивал его, вдыхая в себя запах духов.

Верочка была ошеломлена и от неожиданности вскрикнула:

«Ай,ай, мой платок! Вадим Николаевич, пожалуйста, достаньте его!» Алатаев, сидевший рядом и наблюдавший всю это сцену, быстро встал и, подойдя к дверям, отворил их и вошел в клетку.

Это произошло настолько неожиданно, что вся публика, занятая выражением восторга и восхищения перед укротителем, сначала не обратила внимания на вошедшего в клетку офицера; но затем, когда сам укротитель заметил это и застыл в неподвижной позе, боясь пошевелиться, взоры всех были прикованы к клетке, где стоял среди зверей офицер в кавалерийской форме заамурца и, держа перед собой стэк, пристально смотрел в глаза страшным хищникам, сбившимся в кучу и с любопытством разглядывавшим неожиданного гостя. В этот момент Вадим был на волосок от смерти. В наступившей тишине слышно было только тяжелое дыхание зверей и их глухое грозное ворчание. Постояв немного и не спуская пристального взора с царей джунглей, Алатаев шагнул вперед и поднял платок, втоптанный в песок мягкими, широкими лапами гигантских кошек. Затем, держа стэк в протянутой руке, начал отступать к двери, у которой уже стоял снаружи укротитель, готовый ее распахнуть. Момент был самый критический! Малейшее неосторожное движение могло вызвать нападение зверей и смерть смельчака была бы неизбежной. Хищники неотступно следовали за Алатаевым и расстояние между ними сокращалось. До двери остался один шаг.

Весь цирк, затаив дыхание, следил за состязанием человека с хищниками. В этот миг раздалось щелканье растворяемой двери и Алатаев, пятясь назад, одним прыжком был уже вне клетки. Дверца захлопнулась и все звери с ревом и рыканием бросились туда, где секунду перед тем стоял человек, но его там уже не было; они опоздали.

Как вода из прорвавшейся плотины, зашумел и зарокотал весь цирк. Среди этого шума нельзя было разобрать отдельных голосов, слышались только крики «Браво», «Виват!» «Слава герою!» «Браво амико руссо!» Последние слова принадлежали итальянцу Челини, который со слезами на глазах, пожимал руку Алатаева и по итальянски выражал ему свое восхищение и удивление хладнокровию и выдержке.

Вся богема, во главе с директором цирка, несмотря на сопротивление, подхватила Алатаева на руки и стала его качать, подбрасывая высоко вверх.

Долго еще не смолкали крики и не прекращались овации. Публика не хотела расходиться, каждому хотелось посмотреть на безумного смельчака и пожать ему руку.

Супружество Франк стояло в стороне, наблюдая издали триумф своего друга. Но вот герой вечера, освободившись наконец от бурных оваций, подошел к ним и, вручая Верочке платок, проговорил:

«Согласно вашему желанию, я достал вам платок! Возьмите его! Простите, что я не сумел сохранить его в должной чистоте На нем есть следы когтей царя зверей!»

Верочка не знала, как держать себя и как благодарить своего друга за его неслыханно безумный подвиг. Краснея и смущаясь, не смея смотреть в глаза Алатаеву, она сказала:

«Вадим Николаевич! Я во всем виновата! Не знаю, как и благодарить вас! Но ведь я никак не думала, что вы войдете в клетку за платком! Ведь я пошутила, прося достать мой платок! Мне стыдно, что я подвергла вас смертельному риску! Простите меня, глупую, если можете!» Сказав это, Верочка прижала грязный платок к своему лицу и закрыла глаза, в ожидании ответа.

«Не стоит благодарности, многоуважаемая Вера Сергеевна!» — отвечал ей Алатаев, — «я не совершил никакого подвига, так как знал наверняка, что ничем не рискую Я просто хотел испытать свои нервы, а может быть порисоваться перед публикой! Вы говорите, что вы пошутили! Но должен вам сказать, что такими вещами шутить нельзя! Смерть — персона важная и серьезная и шуток не любит! Затем, честь имею кланяться! Прощай, Аркадий!» —

Сделав общий поклон, Алатаев вышел из цирка и вместе с толпой отправился в город.

Франки тоже отправились домой. Взяв под руку свою жену, Аркадий сказал ей:

«Вот видишь, моя милая, до чего довела тебя твоя эксцентричность и взбалмошность! Представь себе, если бы звери на наших глазах растерзали этого безумца! Ведь это был бы сплошной кошмар!

Ты подумала об этом, когда просила его достать платок? Ведь ты его хорошо знаешь! Скажи, пожалуйста, что тобой руководило? Я не допускаю мысли, что ты действовала сознательно! Ведь ты посылала его на верную смерть! Он это понял сразу и тем не менее не уклонился от исполнения твоей глупой и нелепой просьбы. Вся публика была возмущена твоим поступком; я это заметил по враждебным взглядам и по нелестным отзывам в твой адрес с галерки. Я уверен, что если бы Вадима растерзали звери, то и тебя растерзала бы обозленная толпа! Я тебя прошу, Вера, больше таких номеров не выкидывать и оставить Вадима в покое. Он по рыцарски держит свое слово, а ты, как слабая женщина, толкаешь его на клятвопреступление. Последний раз прошу

тебя бросить свои фантазии, иначе все это плохо кончится!» — После этого Франк замолчал, а Верочка не удостоила его даже ответом.

Нервы ее не выдержали и, придя домой, она закатила такую истерику своему мужу, с плачем и рыданиями, что он должен был пригласить врача, дежурившего всю ночь у ее постели.

К вечеру следующего дня она успокоилась, но на бледном красивом лице ее резко обозначались следы душевных переживаний и нравственных страданий.

Еще через день Франки покинули Владивосток и выехали домой в Маньчжурию, на станцию Маоэршань. Верочка сильно похудела и изменилась не только физически, но и духовно. Она как бы ушла в себя и стала старше на несколько лет. Прежней беспечности как не бывало. Наблюдая за ней, муж решил, что после случая во Владивостоке в ее психике произошел перелом, что, конечно, его могло только радовать.

После праздников Алатаев пригласил к себе всю труппу цирка Боровского в гости на станцию Сяо-Суйфын, причем хозяин, казалось, хотел превзойти самого себя в радушном гостеприимстве и хлебосольстве. Катанье на тройках сменялось охотами и облавами по зверю, причем одна из наездниц, очаровательная американка с пепельными волосами, Нэлли, едва не стала жертвой медведя, неожиданно выскочившего из берлоги и бросившегося на первого подвернувшегося стрелка, которым и оказалась зазевавшаяся наездница. Ее спас от неминуемой смерти итальянец Челини, стоявший рядом. Он убил медведя в тот момент, когда тот готов был нанести удар лапой по голове злосчастной охотницы.

По вечерам устраивались концерты в казарме сотни, в которых принимали участие цирковые музыканты, акробаты и жонглеры. На эти представления к Алатаеву съезжались зрители со всех ближайших станций, как служащие КВжд, так и «вольные».

Для всех это был настоящий праздник, о котором говорили с восторгом еще год спустя.

Прогостив у Алатаева две недели, «циркачи» возвратились к себе во Владивосток, унеся с собой прекрасную память о днях, проведенных под гостеприимною кровлей командира заамурской сотни. Красавица Нелли, с двумя подругами, проехала и далее, в Харбин, для ознакомления с городом, а на обратном пути снова останавливалась на станции Сяо-Суйфын, у Алатаева.

Ни для кого не было секретом, что американка неравнодушна к Вадиму, которого она называла «чудным мальчиком», но этот «мальчик» был очень осторожен и не давал никаких поводов для развития романа. На Крещенье, после водосвятия, совершенного отцомъ Василием, вся сотня, во главе с командиром, купалась в проруби на реке Сяо-Суйфын. Многие «циркачи» и «циркачки», соблазнясь примером, также погружались в ледяную воду реки, в воспоминание чего они получили от Алатаева серебряные нательные кресты с надписью, сделанные в Харбине по его специальному заказу.

Даже итальянец Челини рискнул окунуться с головой в прорубь и был от этого в восторге, говоря, что теперь он стал настоящим «руссо», то-есть русским медведем.

На прощальном обеде, после шампанского, Алатаев выпил с каждым гостем бокал кахетинского на «брудершафт», в ознаменование чего преподнес каждому золотое кольцо с лягушкой, на счастье. Красавица Нэлли уехала с дорогим бриллиантовым кольцом и с разбитым сердцем.

ПОЕДИНОК.

Как-то перед Рождеством, будучи у меня в гостях на станции Ханьдаохецзы, Алатаев предложил мне прогуляться с ним по тайге до станции Хайлин через сопки, куда он должен был отправиться по делам службы, для производства дознания.

Напрямик до Хайлина было не более сорока верст, и мы предполагали выйти к цели за один день, принимая во внимание битую тропу, соединяющую ст. Ханьдаохецзы с Хайлином.

Одевшись по таежному и взяв с собой чайник и продукты на два дня, вооруженные винтовками, мы выступили чуть свет, направляясь к юго-востоку, через густые дремучие кедровники, окружавшие в то время станцию, где я жил.

По пути мы решили стрелять только рябчиков, так как охота на зверя задержала бы нас в тайге на неопределенное время.

Как на зло, нам постоянно попадались следы различных зверей, в особенности кабанов и изюбрей, и мы даже вспугивали их с лежек; но, не соблазняясь добычей и трофеями, мы подвигались довольно быстро по тропе, стреляя по временам глупых рябчиков, взлетавших из-под ног и садившихся тут же над нами на березы и кедры. Стрелять их приходилось в голову, чтобы не разбить туловища. Обезглавленный рябчик обыкновенно падал к нашим ногам, но некоторые, зацепившись за ветки, оставались на дереве; тогда вторым выстрелом, срезавшим сучок, освобождали птицу. К полудню у нас за спинами уже болталось по десятку рябчиков. На этом мы и забастовали и, найдя красивое уютное местечко под скалой, у корней векового кедра, расположились на отдых. Вскоре запылал костер и тучи искр понеслись в вышину, теряясь в густой темной хвое лесного великана. Пока закипал чайник, наше жаркое из печеных рябчиков было уже готово. Способ этот называется «хунхузским» и состоит в следующем: потрошенную, но не ощипанную птицу зарывают в горячую золу костра, где она зажаривается в собственном соку. Жаркое это очень нежно, сочно и вкусно, но отдает немного дымом, что особенно пикантно в таежной обстановке, при наличии волчьего аппетита.

Съев по одному рябчику, мы только раздразнили свой аппетит и, в конце концов, уничтожили полдюжины птиц без хлеба и без соли. Для придания кушанью остроты, взамен соли и перца, мы начиняли рябчика ягодами рябины, отчего мясо становилось ароматным и вкусным. Чая и сахара мы с собой не взяли, но заменили все это стеблями лианы-лимонника, дававшими полную иллюзию «чая с лимоном».

Пообедав плотно и опорожнив по пяти кружек таежного чая, мы двинулись дальше и вскоре пересекли совершенно свежий след колоссального тигра.

«Эге! — произнес мой приятель, измеряя рукой гигантский круглый

след владыки тайги. — Я таких следов еще не видел! Вероятно это сам Великий Ван! Дядя с весом! Пудов на двадцать! Не пойти ли нам за ним? Авось пофартит нам, и мы добудем его скоро! Любопытно даже посмотреть на такого великана!» — Сказав это, Алатаев посмотрел на меня вопросительно.

«Ну, что ж! — отвечал я. — Идти, так идти! Времени терять нечего: осталось до заката солнца немного! Может быть на наше счастье зверь не ушел далеко!»

Осмотрев свое оружие и посоветовавшись, мы двинулись по следам хищника, которые увели нас в противоположную сторону, то есть к северу, где вздымался крутой отрог главного кряжа, поросший частым ельником. Предполагая, что тигр заляжет на гребне хребта, мы пошли наперерез его направлению и вскоре услышали характерный звук его шагов по замерзшему насту, образовавшемуся на самом гребне, в снежных «надувах». Зверь шел недалеко от нас, но разглядеть его в густых зарослях молодого ельника не было никакой возможности. Мы ускорили шаги, стараясь его догнать, но тонкий слух хищника предупредил его об опасности и он, постояв несколько секунд на перевале, спустился по другую сторону гребня и ринулся вниз под откос прыжками. Когда мы достигли перевала, тигр был уже далеко и преследовать его уже не было смысла.

«Экая досада! — произнес Алатаев, снимая папаху и вытирая платком вспотевший лоб. — А счастье было так возможно, так близко! Ну, Пенсне! Теперь, для очистки совести, спустимся в падь и посмотрим, куда он пошел дальше! Если нам не по пути, — плюнем на него и двинем на Хайлин!»

«С тобой хоть на край света, мой милый Черный Капитан!» — отвечал я в тон своему приятелю,подтягивая потуже пояс. Идя по следам хищника мы убедились, какие гигантские прыжки может делать эта кошка! Один из прыжков, измеренных нами, достигал 15 шагов!

Спустившись в глубокую падь, мы вышли на тропу, которая привела нас к фанзе зверолова. Услышав наши шаги, хозяин, старичек-маньчжур, вышел нам навстречу и пригласил к себе «суте» и «чифань», то есть спать и кушать. Было уже поздно. Солнце спряталось уже за лесистым гребнем Чжан Гуан-Цайлина и в тайге протянулись ночные тени. Луна всходила поздно, а идти по дремучему лесу в темную ночь нам не улыбалось, поэтому мы решили заночевать в фанзе, приняв приглашение старого зверолова. На этот раз мы для ужина сварили трех рябчиков в котле и угостили хозяина. В свою очередь он угостил нас ароматным китайским чаем с эйнемовским печеньем, что привело нас в недоумение. На наш вопрос, откуда у него русское печенье, старик не мог нам толково ответить, и мы терялись в догадках. Найденные нами трехлинейные патроны и гильзы на одной из полок в фанзе, вместе с печеньем, навели нас на мысль, что здесь бывают хунхузы. На наши вопросы старик отвечал «хуза мэю!», но мы ему не поверили и, на всякий случай, ложась спать, не разделись и винтовки держали при себе. На теплых канах было так уютно, что вскоре мы заснули, накрывшись меховым одеялом, чистота которого находилась под большим сомнением.

«Что, тебя кусают?» — спросил меня сквозь сон Алатаев.

«Конечно кусают! — отвечал я, почесываясь и переворачиваясь на другой бок. — Но это пустяки в сравнении с вечностью и соленым огурцом! Не обращай на это внимания и покорись судьбе! Сегодня мы

ели вкусных рябчиков, а ночью нас будут есть насекомые! Все это в порядке вещей и вполне естественно, а потому рекомендую тебе поскорее погрузиться в объятия Морфея, или, как говорят брамины, в нирвану!»

Старый зверолов долго еще возился у очага по хозяйству, но наконец и он улегся рядом с нами на кан и вскоре захрапел.

Под утро, когда тусклое бумажное оконце начало светлеть, я проснулся я от какого-то шума, доносившегося из тайги. Слышались голоса и далекие сигнальные свистки. Хозяина в фанзе не было. Накинув тулуп, он куда-то вышел. Алатаев крепко спал, завернувшись с головой в одеяло. Зная по опыту значение этих звуков, я сразу понял, что это хунхузы, а потому, не долго думая, бросился к дверям, чтобы их запереть засовом, но тут же столкнулся с хозяином фанзы, который взволнованным голосом проговорил:

«Капитан! Шибко худо есть! Хуза юдеши ю! Ига сот хуза. Старшинка Корявый требует сдачи оружия!»

Алатаев, услышавший сквозь сон последнюю фразу старика, вскочил как ужаленный с кан и ,схватив винтовку, выбежал из фанзы, крикнув мне на ходу:

«Пенсне! За мной!»

Выбежав на двор, Алатаев остановился посреди поляны и, положив винтовку на плечо, крикнул повелительным голосом, обращаясь на китайском языке к хунхузам, засевшим на опушке леса вокруг фанзы:

«Я — Черный Капитан! Если ваши пули и убьют меня, то знайте, что полтораста казаков и заамурцев придут сюда, и ни один из вас не уйдет живой! Все вы погибнете! Ваши пули мне не страшны! Вас много, нас двое! Вы прячетесь, как трусливые зайцы, в кустах! Пусть один из вас, если вы храбры, выходит на бой со мной и стреляет в меня первый!» — сказав это, Алатаев не спеша снял с плеча винтовку и приготовился к стрельбе.

Тогда на окраину опушки вышел один хунхуз и, крикнув что-то товарищам, стал целиться из карабина в Алатаева. Это был сам предводитель Корявый, славившийся храбростью и удачей.

Раздался выстрел. Все ожидали, что Черный Капитан будет сражен пулей на столь близком разстоянии, но он стоял как ни в чем не бывало и, подняв винтовку к плечу, произнес:

«Я знаю, что ты храбрый человек и хороший стрелок, но твои пули застревают у меня в кармане! Я мог бы тебя убить немедленно, но твоей смерти мне не надо! Возьми обратно свою пулю, может быть она пригодится тебе когда-нибудь!» — С этими словами Алатаев опустил свою винтовку и, подозвав к себе Корявого, передал ему свинцовую пулю, вынутую из кармана.

Корявый был до того убит и угнетен всем происшедшим, что производил впечатление загипнотизированного. Чтобы не потерять окончательно свое обаяние и престиж у хунхузов, он дружески поздоровался с Алатаевым и громко проговорил, чтобы его все слышали:

«Я не знал, что имею дело с Черным Капитаном! Я не хотел тебя убивать и стрелял в воздух, но ты мою пулю перехватил, так как ты чародей! В тебе сидит душа Великого Вана! Иди своей дорогой, а мы пойдем своей! Прощай! Встречу с тобой я никогда не забуду!» — Произнеся эти слова, предводитель отдал приказание своему отряду двигаться дальше, а сам подошел к маленькой божнице, стоявшей вблизи

фанзы и зажег молитвенную свечу, ударив семь раз в чугунный колокол, висевший на нижних ветвях старого кедра. Басовые звуки его, вибрируя на одной ноте, неслись в глубину тайги и медленно замирали в ее недрах. Вождь хунхузов молился великому духу гор и лесов и благодарил его за спасение от смерти. Постояв на коленях перед изображением Великого Вана и посмотрев на восток, где разгоралась розовым пожаром утренняя заря, он встал и, вскинув за плечо карабин, отправился вслед за своим отрядом.

Старый зверолов, на глазах которого Черный Капитан одержал такую блестящую победу над хунхузами, по уходе Корявого бросился на колени перед Алатаевым и, кланяясь ему в ноги, просил прощения за то, что не предупредил нас своевременно о появлении хунхузов.

Подняв дрожавшего старика, Алатаев обласкал его и, хлопая его по плечу, сказал по-китайски:

«Не бойся, старик! Я не сержусь на тебя, так как я раньше тебя знал о приходе хунхузов и был уверен, что они нас не тронут. Спасибо за гостеприимство и приют; а это тебе плата за ночлег и за беспокойство!» — С этими словами Черный Капитан вынул из кармана золотой в 10 рублей и подал старику. Сначала тот наотрез отказался взять деньги, а потом, подумав, взял монету и, заложив ее за щеку, ушел к себе в фанзу готовить завтрак и чай.

Закусив жареными рябчиками и напившись чая «с лимоном», мы вышли на тропу и направились на юг, к станции Хайлин, до которой было не менее тридцати верст. К полудню мы вышли из темного кедровника в светлые дубняки, где на каждом шагу попадались свежие следы зверей и даже тигров, но это нас не соблазняло и мы ходко шли по битой тропе, делясь впечатлениями минувшей ночи, чреватой интересными приключениями. «Знаешь, Вадим, — говорил я своему другу, шагая ему вслед, — я думал уже, что нам придется бежать в тайгу и там отстреливаться от хунхузов, но вышло иначе после того, как ты вызвал Корявого на поединок! Но я не могу еще до сих пор понять, почему он тебя не убил? Ведь стрелок он хороший!?»

«Видишь ли, мой друг! — отвечал мне Алатаев не оборачиваясь и не убавляя шага. — Здесь главную роль играет психология! Я воспользовался только моментом и, зная наивную психику этих детей природы, сразу взял инициативу в свои руки. Если бы мы бежали, то нас перестреляли бы как куропаток! Вызвав предводителя на поединок, я действовал на их воображение, а пуля Корявого, которую я якобы перехватил, находилась в моем кармане, на всякий случай. Это произвело на них огромное впечатление и они убедились в правдивости слухов о моей неуязвимости! Их воля была подавлена и подчинилась моей воле. Корявый целился в меня хорошо, но в последний момент рука его дрогнула, и пуля просвистела у меня над головой. Перед тем, как нажать спуск, он понял, что перед ним стоит «страшный» Черный Капитан и что стрелять бесполезно. Как видишь, Пенсне, ларчик открывался просто! А в общем, все это ерунда в сравнении с вечностью и соленым огурцом, как говорят оптимисты вроде тебя! . . А вот, кстати, видна уже станция Хайлин! Еще осталось хода полчаса!»

Мы спускались с последнего увала и приближались к поселку. Прощальные лучи заходящего солнца горели золотыми бликами в окнах станционных зданий и переливались радужными огнями. Темнело быстро. Дым из фанз китайского поселка подымался столбом к темно-

синему небу, в глубине которого ярко блистала Вечерняя Звезда. Алатаев был в хорошем настроении и, по обыкновению, насвистывал какой-то веселый мотив шансонетки.

ЗВЕРИНАЯ НОЧЬ.

На станции Хайлин стояла сотня заамурцев, под командой ротмистра Озолинга, который носил кличку «Дон-Кихота» за свое сходство с героем романа Сервантеса как по внешности, так и духовному содержанию.

Подойдя к его дому, мы увидели его высокую тощую фигуру, совершенно голую, у крыльца. Денщик, стоя на табуретке, поливал из ведра водой своего командира, который пыхтел, фыркал и отдувался, растирая свое костлявое, но мускулистое тело мохнатым полотенцем. Мороз был порядочный и от него валил пар клубами. Он нас не видел, так как от удовольствия закрыл глаза, не обращая внимания на окружающее. Когда Алатаев, подойдя к нему, хлопнул его рукой по спине, он широко открыл свои выпуклые голубые глаза и увидя нас произнес:

«А, это ты, Вадим! И Пенсне с тобой! Ну, заходите в мою фанзу, а я сейчас кончу свой туалет и буду к вашим услугам!»

В это время другой солдат подошел с ведром воды и снова началось окачиванье ледяною водой и фырканье.

Не ожидая вторичного приглащения, мы последовали за денщиком в дом и расположились там в жарко натопленном кабинете хозяина. Умывшись и приведя себя в порядок, мы вышли в столовую, где нас ожидал Дон-Кихот, приглашая к столу, где уютно и дружески кипел самовар и разнообразный ужин из дичины, распространяя аромат, возбуждал наш и без того хороший аппетит.

После ужина, которому мы отдали должную честь, хозяин пригласил нас в кабинет, где приготовлен был у пылавшего камина черный кофе с ликерами. Глядя на комфорт жизни старого холостяка, Алатаев, хлопая его по сухому колену, проговорил, отхлебывая душистый мокка из маленькой китайской чашечки:

«А ты живешь недурно, Дон-Кихот! И видимо не подражаешь своему прототипу! А где же твоя Дульцинея, без которой я не могу себе представить героя Сервантеса?»

Грустно улыбаясь и закручивая длинный рыжеватый ус, Озолинг отвечал:

«Молодость моя прошла безвозвратно, приближается старость! Для чего же я буду лишать себя последнего удовольствия — хорошо поесть, сладко поспать, почитать интересную книгу и побеседовать с друзьями! Женщин мне не надо: я уже потерял к ним вкус. Карьеры я не ищу, но службу люблю, или, вернее, военное дело, и слежу за его развитием. Многие называют меня сибаритом, но это неверно, как неверно и то, что я Дон-Кихот! Самую правильную оценку дали мне мои солдаты. Они меня не любят, но уважают и ценят, как заботливого начальника и знающего командира. Я не пользуюсь с их стороны обаянием и поклонением, какими пользуешься ты, но не сомневаюсь, что они пойдут за мной в огонь и в воду! Я для них только офицер и командир, а ты для них идеал человека, — это разница! Но я не

претендую на их любовь, может быть потому, что сам не питаю к ним отеческих чувств! Я отношусь к ним рассудком, а ты сердцем, вот почему к тебе и расположены их сердца. Ты и Пенсне принадлежите к одной породе людей, у которых голова и сердце работают самостоятельно и независимо друг от друга, у меня же они всегда в контакте. Что лучше — не знаю, но моя система практичнее».

Произнеся эти слова, Озолинг умолк и, откинувшись на спинку кресла, стал пускать изо рта сигарный дым голубоватыми кольцами.

В камине ярко горели березовые дрова, поставленные стоймя, бросая красноватые блики на нас и всю обстановку уютного кабинета, по стенам которого на персидских коврах было развешено дорогое старинное оружие времен крестоносцев, гордость хозяина.

Долго мы не расходились, беседуя на разные темы, пока старинные часы, висевшие в столовой, не пробили полночь.

«Ну что-ж, господа! — произнес наконец зевая Алатаев, — вы как себе хотите, а я пойду спать!» — С этими словами он поднялся и, пожелав всем спокойной ночи, отправился в столовую, где ему была приготовлена постель на широкой тахте под большой копией с картины Репина «Запорожцы», работы самого хозяина, который был недурным художником.

Утром ротмистр Озолинг получил письмо от своего приятеля Аркадия Франк, со станции Маоэршань, в котором тот сообщал о своем решении перевестись, по семейным обстоятельствам, в Россию и, между прочим, просил местного охотника Семена Кулешева приехать к нему на охоту, так как в окрестностях станции появились тигры. Узнав об этом, мы с Алатаевым решили отправиться туда немедленно и, сев на первый же пассажирский поезд, к вечеру прибыли на станцию Новый Разъезд. Переночевав на посту заамурцев, рано утром, чуть свет, мы двинулись на север, где в вышине голубого неба ярко горела в лучах восходящего солнца вершина Маоэршани.

Благодаря урожаю желудей, в дубняках мы нашли многочисленные стада кабанов. На солнцепеках все склоны гор были буквально «вспаханы» кабанами, но эта добыча нас не интересовала, и звери как будто чувствовали это и попадались нам на каждом шагу, не делая попыток к бегству. Почуяв нас, старые кабаны прятались за стволы деревьев, а молодежь затаивалась и ожидала, когда мы пройдем мимо. При таких условиях мы могли бы настрелять массу зверя, но мы не обращали внимания на толстокожихъ, разыскивая следы владыки тайги.

Наконец около полудня нам попался свежий след большого тигра самца, выслеживавшего кабанов. Идя по следу хищника, мы вскоре пришли к месту, где он задавил молодого кабана, пудов на шесть, и съел его почти целиком, оставив нетронутыми копыта, челюсти с клыками и внутренности. Судя по кровавым следам на снегу, кабан долго сопротивлялся и носил на своей спине страшного хищника, но все же покорился своей судьбе и стал добычей владыки гор и лесов. Здесь же, под старым кедром, была лежка отдыхавшего хищника, а немного в стороне чернела куча его смоловидных экскрементов, с шерстью и щетиной съеденного секача.

Закусив здесь, чем Бог послал, мы продолжали преследование, и к вечеру должны были остановиться у подножья Маоэршани, так как ночь надвигалась и надо было устраиваться с ночевкой. Выбрав себе уютное местечко под скалой, мы разожгли большой костер, наломали

еловых лап (веток) для постелей и заготовили запас дров на всю долгую декабрьскую ночь.

Для поддержания огня нам пришлось поочередно дежурить всю ночь, так как с полуночи недра тайги огласились ревом тигров. Это было время их спариванья, когда за самкой ходят несколько самцов, дерутся между собой и ревут, оглашая дремучие лесные дебри громоподобными звуками. Таежные обитатели называют эти ночи «звериными», по-китайски «э-шоу-э». В это время таежники не выходят из своих фанз, и запоздалый путник спешит добраться до своего убогого жилища, чтобы не застала ночь в лесу.

Голоса зверей раздавались иногда очень близко от нашего становища, но это нас не беспокоило, так как друг и союзник человека, огонь, держал хищников на почтительном расстоянии. Судя по тону голосов, тигров было не менее четырех. По временам они смолкали и тогда тишина тайги становилась зловещей и таинственной; казалось, что надвигается что-то страшное и неотвратимое; но вот, голоса опять зарокотали, как раскаты отдаленного грома, и дрогнула старая тайга, отзываясь многократным эхо в далеких горных ущельях.

«Послушай, Николай, — говорил мой друг, сидя у костерка и прислушиваясь к голосам царственных зверей, — ведь это настоящая лесная симфония! Это гимн великой первобытной природы! Славословие величия мироздания и мудрости Творца вселенной! С музыкальной точки зрения это поэма, оратория, равной которой не найдешь нигде! Очень жаль, что никто из великих мировых композиторов не созерцал величественной красоты первобытной природы и не слышал музыки дикого дремучего леса, какую мы слушаем сейчас с тобой! Я уверен, что Мусоргский, Чайковский, Глинка, Бетховен, Моцарт и Шопен создали бы нечто грандиозное и потрясающее, вроде «Сотворения мира» или «Грехопадения первых людей», если бы хоть один раз посидели у костра в звериную ночь в Маньчжурии! Они не видели и не слышали ничего подобного в своих жалких культурных Европах, где настоящая, подлинная первозданная природа уничтожена без остатка и заменена суррогатом, то есть жалким ее подобием!..»

В этот момент тигры подошли настолько близко, что мы ясно слышали их громкое дыхание, исходившее из гигантских легких, и сдержанное мяуканье царственных зверей. Под впечатлением этого величественного гимна Алатаев не мог сдержать своего порыва. Встав во весь рост и отойдя немного от костра в глубь тайги, он запел свою любимую песню «Ноченька». Его могучий, на низких нотах, голос свободно вылетал из груди и вибрируя уносился в недра тайги, замирая в далеких каменных твердынях Маоэршани. Хищники, услышав впервые эти незнакомые им звуки, умолкли, прислушиваясь к ним чутким ухом: затем раздался громоподобный рев старого тигра, который, казалось, хотел заглушить голос человека, осмелившегося состязаться с царем тайги, Великим Ваном.

Я слушал это состязание, затаив дыхание, и чувствовал, как волосы на голове моей шевелились и «мурашки бегали по телу» от нервного возбуждения: до того сильное впечатление производили эти звуки в обстановке дикого первобытного леса. В них было что-то таинственное и мистическое, жутко-прекрасное и величественное!

После «Ноченьки» мой приятель спел еще несколько арий из опер, а затем стал подражать хищникам и ревел как тигр, удачно имитируя

голос молодого. Звери опять притихли, услышав новые звуки, а затем голоса их смолкли совсем, постепенно замирая в глубине тайги.

Сколько времени продолжался этот вокальный поединок, сказать трудно, так как он происходил с перерывами, когда хищники то приближались, то удалялись от нашего становища. Заснули мы только под утро, на час-полтора, когда тигры ушли совсем, и таежная тишина нарушалась только журчаньем ручейка под ледяным покровом и треском деревьев, от дыханья дедушки-мороза.

На рассвете мы снова двинулись по следам хищника и вскоре согнали его с лежки в зарослях лиан и винограда. Грозно зарычав на нас за причиненное беспокойство, он повернул на юг, к линии КВжд. и, перевалив «Раздвоенную Сопку», вышел к полуказарме «Дабижа», где натворил немало хлопот своим появлением.

В это время часовым на посту стоял бравый заамурец, малоросс Ковальчук. Чмыхая носом и похлопывая от мороза валенками, он подошел к глубокой выемке, откуда был виден путь и закругление, где должен был с минуты на минуту показаться поезд с Нового Разъезда. Подойдя к самому краю выемки, Ковальчук остолбенел: внизу, на полотне дороги, между рельс стоял какой-то невиданный зверь. Подойдя еще ближе, шагов на сто, Ковальчук стал с любопытством его разглядывать. Гм! — думал он про себя, почесывая затылок! — что это за штука? Неначе кинь, неначе корова. Ни, це не корова, бо нема рогив и хвист довгий! Що це таке? Мабудь корова нашего артельного старосты! Эге-ж, так воно и есть! Треба ему казаты, бо скоро будет поезд и задавыть скотыну!»

Сказав это самому себе, Ковальчук побежал к полуказарме и стал стучать в окно старосты, приговаривая:

«Эй, дядько! Там на линии стоит ваша руда корова! Треба ии прогнать видтиля, бо скоро будет поезд и ее задавыть! Та швыдче, а то пропаде ваша худоба!»

На этот зов вышла жена старосты, молодуха Анисья, в полушубке и валенках своего мужа. Услышав слова часового, она, всплеснув руками, крикнула «ой, лышечко!» и понеслась к выемке. Увидев тигра, продолжавшего стоять в раздумье на пути, она усомнилась, что это ее корова, так как хвост у нее короче и есть рога, а у этой скотины рогов нет.

«Ни, це не моя корова! — рассуждала тетка Анисья, всматриваясь в странное животное, с любопытством разглядывавшее людей, собравшихся у выемки. — Моя руда дома в сарае, а это мабуть корова сусидей с Нового Разъезда! Треба ее отогнать с пути, а то задавыть поизд!»

В это время хищник, перейдя линию дороги, поднялся на насыпь выемки и, оглядываясь на пост, где бегали и кричали люди, скрылся в зарослях тайги. На этот шум и крики вышел старший поста, унтерофицер Скорняков, с винтовкою в руках. Узнав от часового, в чем дело, он пошел удостовериться по следам, какого зверя Ковальчук принял за корову. Следы оказались круглые кошачьи, величиной с тарелку. Сомнений никаких не было: они принадлежали тигру, а не рудой корове тетки Анисьи.

Товарищи подняли на смех Ковальчука, принявшего страшного хищника за корову, но он из упрямства не сдавался и говорил: «Лопни мои глаза, если это была не руда корова артельного старосты, тильки у ней хвист дуже довгий, як у кота Васьки!»

С тех пор Ковальчук получил прозвище «Довгий хвист», которое закрепилось за ним до конца его службы.

Через час после этого происшествия мы с Алатаевым вышли по следам тигра на пост Добижа и узнали там о всех деталях этого оригинального эпизода. Отдохнув немного у заамурцев, мы продолжали преследование хищника в компании с Ковальчуком, который изъявил желание нас сопровождать, чтобы «подывыться» еще раз на «проклятy зверюгу», которая была похожа на руду корову и в то же время на кота Ваську! Но «подывыться» на тигра ему на этот раз так и не удалось, так как после полудня поднялся ветер, набежали тучи, пошел снег и засыпал все следы. Пришлось бросить преследование и возвратиться на пост.

Плотно пообедав у заамурцев и уничтожив изрядное количество борща с гречневой кашей, мы отправились по шпалам на станцию Маоэршань, куда вышли к вечеру. Узнав, что мы расположились до прихода поезда у начальника станции, ротмистр Франк явился к нам и усиленно стал приглашать к себе, но Алатаев категорически отказался, сказав: «Аркадий! Не проси! Это бесполезно! Слово свое я не нарушу, даже с твоего согласия! Передай мой привет Вере Сергеевне и скажи, что меня съел тигр, или тигрица, как хочешь! Скоро придет харбинский поезд и мы уедем восвояси!»

Действительно, в это время подходил к станции пассажирский поезд, и мы вышли на вокзал. Через четверть часа мы мчались на восток, вспоминая чудную «звериную ночь» и «Довгий хвист» рудой коровы Ковальчука. Возвратясь домой, Аркадий имел крупный разговор с женой из-за Вадима.

ПИСЬМО ИЗ РОССИИ.

Вскоре после этого Алатаев получил письмо от своей жены из Петербурга. Она писала ему редко, но всегда обстоятельно описывая жизнь детей, а о себе ограничиваясь краткими сведениями. Письмо это, написанное четким, красивым и твердым почерком, содержало в себе пять больших листов и характеризовало его автора, как человека умного, волевого и с большим тактом. Эти письма прочитывались всегда вечером в постели, когда никто не мешает и есть возможность сосредоточиться и подумать.

Получив письмо с утренней почтой, Алатаев отложил его чтение до вечера и, уже отходя ко сну, вскрыл пакет и долго любовался своими дочерьми, глядевшими на отца с фотокарточки, присланной матерью. Они значительно выросли и с удивлением, казалось, смотрели на отца, целовавшего их изображения и мысленно обнимавшего их стройные хрупкие тельца. Мария немного старше Анны и похожа на мать, а младшая — вылитый отец, такая же смуглая, черноглазая южанка. Поставив карточку детей на ночной столик, Алатаев занялся чтением письма.

«Дорогой Вадим! — писала жена. — В предыдущем своем письме я тебе уже сообщала, что дети болели корью, но теперь, слава Богу, они совсем поправились и если не будет никаких осложнений, бояться за последствия нечего. Я больше опасалась за Аню, как слабейшую,

но теперь, по словам врача, опасность миновала. Мария уже начала учиться, к ней ходит учительница и готовит ее для поступления в первый класс Смольного Института. Я считаю, что это лучшее учебное заведение для девочек; вероятно и ты такого же мнения. Во время уроков Аня сидит тут же и внимательно слушает все, что говорит учительница. Она очень способна, но с горячим, увлекающимся характером, который унаследовала от тебя, поэтому я не уверена в ее будущем, но об этом теперь говорить еще рано. Как ты знаешь я всецело отдала себя детям, в них вся моя жизнь, хот ямама против этого и гоотдала себя детям, в них вся моя жизнь, хотя мама против этого и говорит, что я должна бывать в «свете», на вечерах, балах и раутах, и не имею права отказываться от своей молодости. Может быть, она и права, но меня из дому никуда не тянет, а «свет» меня не интересует. Единственно, что я себе позволяю, это посещение оперы, концертов, художественных выставок и музеев. Они доставляют мне удовольствие и наполняют мою жизнь личную, которой, собственно говоря, у меня нет. Теперь я много читаю, стараясь пополнить свои знания, не только для себя, но и для детей, они часто вспоминают свою поездку в Маньчжурию и пребывание в гостях у папы, на станции Сяо-Суйфын. Особенно им понравились твои ручные звери и птицы, а также лошадки.

Они не могут забыть поездки в тайгу и с восторгом рассказывают своим подругам об охотах, хунхузах и жизни заамурцев на постах и лесных концессиях. Все это произвело на них большое впечатление, которое вероятно останется на всю жизнь. Девочки мечтают о будущей поездке, как о чем-то сверхсчастливом. У меня тоже осталось прекрасное впечатление от этого путешествия, которое я с удовольствием повторила бы. На днях у тети Нюси на рауте я познакомилась с Военным Министром; говорили о тебе; он вполне сочувствует твоему переводу в гвардию и сказал мне: «Пусть подает рапорт по команде а с нашей стороны препятствий не будет». Я говорила также с командиром лейбгвардии Кирасирского полка он также ничего не имеет против твоего перевода и советует тебе не терять времени пока в полку есть вакансии. Как видишь, обстоятельства складываются очень благоприятно и надо этим пользоваться. Я не знаю, что тебя привлекает в Маньчжурии? Дикая природа и свободная жизнь на окраине? Ты все это испытал, прожив там около десяти лет! Ты уже не мальчик и пора подумать о детях, которые ждут тебя с нетерпением. Если тебя привлекают в Маньчжурии женщины, то, уверяю тебя, что петербургские женщины не хуже! Я не мешаю тебе жить, как ты хочешь, и не буду мешать в Петербурге, так как я хочу сохранить отца для наших детей. Итак, дорогой Вадим, подумай и, не откладывая в долгий ящик, переводись в Россию, ради будущего твоей семьи. О себе я не говорю, моя личная жизнь кончена.

Я ушла бы в монастырь теперь-же, если бы не наши девочки, которые нуждаются в материнской ласке, уходе и духовном влиянии. Время летит быстро; не теряй его, так как потерянного не вернешь! Девочки просят тебя поцеловать всех зверюшек в глазки, а особенно Барса и козочку Микки. Все мы вместе шлем сердечный привет казакам и молодым солдатам, особенно старикам, Ерофеичу и Думнову, которые нас всегда так баловали заботами и вниманием. Дети обнимают и целуют тебя крепко. Да хранит тебя Христос! Твоя Ксения». — Прочитав несколько раз письмо жены, Алатаев глубоко задумался и, всматриваясь в детски-наивные лица своих милых девочек, старался

проникнуть духовным взором в будущее, скрытое от смертных непроницаемой завесой.

Вполне разделяя взгляды жены и соглашаясь с ней теоретически, он в то же время не находил практического выхода из создавшегося положения. Служба в гвардии и жизнь в столице ему не улыбались. Жена героиня: она принесла себя в жертву ради детей, но он не способен на такой подвиг, не смотря на всю любовь к детям и готовность отдать за них свою жизнь. Он верил, как убежденный фаталист, в свою обреченность и видел всю бессмысленность самопожертвования.

Многие случаи, когда он рисковал своей жизнью, окончательно укрепили в нем уверенность в судьбе, предсказанной гадалкой. В этом году ему исполнится 33 года и он должен умереть! Ничто не может предотвратить это! С этой мыслью он примирился и смерть его не страшила.

Много раз жизнь его висела на волоске, но волосок не рвался, не смотря на сильное напряжение, и Алатаев знал, что он не порвется, так как не пришло еще время. Думая об этом, лежа на кровати, он, желая проверить себя, снял со стены заряженный револьвер Нагана и, приставив дуло к виску, спустил курок. Пистон разбился, но выстрела не последовало.

Опустив револьвер, он произнес совершенно спокойно:

«Я так и знал».

После этого он еще раз взвел курок и, прицелившись в темное пятно на стене, снова спустил курок, выстрела опять не последовало. Тогда он вынул все патроны из барабана и осмотрел их. Медные гильзы снаружи были покрыты зеленой ржавчиной; затем, достав щипцы, он вынул пулю из одного патрона; порох отсырел и не высыпался из гильзы.

«Вот тебе на! Патроны-то отсырели, вероятно подмокли!» — проговорил Алатаев, вешая револьвер на прежнее место. — «А ведь они могли быть совершенно исправны!» — подумал он. — «И тогда я умер бы наверняка! Ну, как после этого не верить в судьбу! Мне еще нет 33 лет, но скоро будет, тогда опасно производить такие эксперименты!»

Долго после этого он не мог заснуть, так как всевозможные мысли бродили в голове его, и ему казалось, что на него смотрят из темноты детски-наивные и любопытные голубые и черные глазки малюток; а за ними бледнело в темноте строгое и в то же время доброе лицо их матери.

Полная луна показалась в это время из-за гребней гор и бросила свои бледные лучи в комнату, где спал командир сотни. На полу, около кровати, блестели медные гильзы револьверных патронов. Возле них суетились мыши и катали их по полу; патроны звенели в тишине ночной, им вторил неугомонный сверчок за печкой

В соседней комнате, где была спальня китаянки Ин-Тао, слышались чьи-то осторожные шаги и тяжелые вздохи. Там находился ручной ежик; он бодрствовал всю ночь и, чуя мышей, пыхтел и сопел, стараясь до них добраться, но дверь была заперта и не поддавалась его усилиям. Мыши это знали и дразнили ежа, просовывая свои носы в щелку под дверью.

На следующий день, будучи на занятиях в сотне, Алатаев сказал своему вахмистру:

«Ерофеич! После занятий зайдешь ко мне. Есть дело!»

«Слушаю!» — отвечал Ерофеич, сопровождая командира на плац, где производилась езда молодых, под руководством одного из взводных.

Сделав несколько указаний ученикам, Алатаев ушел к себе домой, где его ожидал Игнат с утренним кофе.

По окончании занятий Ерофеич явился на зов командира.

«Садись, старина!» — встретил его Алатаев веселым восклицанием. — «Игнат! Налей начальству стакан кофе! Перед обедом, для аппетита это полезно!»

«Нет, уж увольте!» — возразил Ерофеич, садясь в кресло к столу — «Отродясь этого зелья не пробовал! Лучше уж чайку!»

«Ну, как хочешь, чайку так чайку! Вот на, прочти письмо моей жены, подумай и скажи свое мнение, оно меня интересует! Только, пожалуйста, откровенно, забыв о том, что я твой начальник и командир сотни!» — сказав это Алатаев передал письмо вахмистру.

Взяв письмо, Ерофеич углубился в чтение. Он был хорошо грамотен и начитан.

Прочитав письмо обстоятельно два раза, он почтительно отложил его в сторону и занялся чаепитием, причем, прихлебывал чай с блюдечка.

Только после второго стакана Алатаев его спросил:

«Ну, что ты теперь скажешь, старик?»

Перевернув стакан вверх донышком и положив на него остаток сахара, он проговорил: «Покорнейше благодарю за угощение! Письмо я прочитал и скажу прямо, без обиняков; супруга-то ваша права! Ее дело женское, к тому же она мать! Вот, хотя бы к примеру моя половина! Тоже голову мне проела: поедем да поедем домой на Дон! Надоела мне твоя Маньчжурия! Глаза бы мои на нее не глядели! По бабьи, оно, конечно, может и так, но мы, казаки смотрим иначе: служба царская везде одинакова и казак должен исполнять присягу без рассуждения! Служба в гвардии, конечно ,почетнее и к царю ближе, но и здесь мы также служим царю и отечеству не за страх, а за совесть!» . . .

«Так ты находишь, старик, что моя баба права, и я должен послушаться ее совета и перевестись в столицу?» — перебил его командир сотни, возвышая голос.

«Так точно, думаю, что она права по своему, по бабьи!» — отвечал Ерофеич, смело смотря в глаза своему командиру.

«Ну, спасибо тебе за совет!» — произнес Алатаев, вставая из-за стола. — «Я тоже думаю, что наша служба здесь не менее почетна, чем в гвардии!»

ЧОРТ ВЫРУЧИЛ

Через неделю Алатаев получил письмо от Верочки; оно было написано наспех и имело весьма лаконическое и исчерпывающее содержание.

«Дорогой Вадим!»— писала Верочка, — «Я много думала обо всем и пришла к единственному решению, приемлемому для меня и тебя. Я бросаю мужа и уезжаю навсегда в Россию, но перед отъездом приеду к тебе попрощаться; без этого я не в силах расстаться с тобой. Прости, что я тебе надоела со своей любовью, но это будет последнее наше

свидание; надеюсь, что ты не откажешь мне в этой милости. Муж одобрил мое решение, но отказал в свидании с тобой, основываясь на данном тобою слове. Ты мне такого обещания не давал, а потому до скорого свидания! Вера».

Прочитав письмо ,Вадим долго размышлял, вникая в его содержание, и пришел к определенному выводу о неизбежности столкновения с Аркадием, так как выдавать Веру он не собирался.

«Ну, что-ж!» — подумал про себя Алатаев, — «чему быть, тому не миновать! Скоро уж мне стукнет 33 года! Пора и честь знать! Если гадалка права, то это неизбежно, если же она наврала, то в судьбу я больше не верю. А впрочем, все это ерунда и не стоит выеденного яйца! Что представляет собой наша жизнь в сравнении с вечностью и соленым огурцом!» — Сказав это громко, он вышел на двор, насвистывая излюбленные свои мотивы из опереток и цыганских романсов.

Солнце сияло уже по весеннему. Снег на дворе стаял. Солнопеки ближайших сопок желтели прошлогодней листвой и, вбирая в себя горячие солнечные лучи, готовились к новой жизни и творческой деятельности. В дубовой роще кричали грачи, занятые хлопотами по устройству гнезд; им вторили неугомонные воробьи, для которых, по приказанию командира сотни, были сооружены особые ящики под крышей казармы. Слышалось воркованье голубей, кудахтанье кур и хрюканье поросят.

С вышины голубого неба неслись трубные звуки лебедей; курлыкали журавли, гоготали гуси и крякали утки.

Алатаев перестал свистеть и, прислушиваясь к голосам оживающей природы, стоял очарованный этой музыкой, которую он любил и понимал по своему.

Было раннее утро. У коновязей казаки чистили лошадей; слышались их окрики: «Стой! Не балуй! Назад! Прими!» и другие, которые так знакомы всем конникам и составляют неотъемлемую принадлежность кавалерийского обихода.

Затем пройдя в конюшню, Алатаев приказал поседлать «Чорта» и, сев на него, выехал на дорогу, идущую к станции Силинхэ.

Желая совершить прогулку и проманежить застоявшегося коня, он с места пустил его рысью, затем полевым галопом и, наконец, дав шпоры, пошел карьером. Застоявшийся конь, почувствовал волю всадника, летел, как птица, едва касаясь ногами земли.

Проскакав переменным аллюром верст десять по дороге, он свернул в сторону по тропе и направился в горы, пустив коня шагом. Тропа шла узким ущельем и поднималась круто на хребет, заросший густым смешанным лесом. Через тропу часто перебегали козы; завидев их, «Чорт» захрапел и, навострив уши, косился по сторонам своим огненным взглядом.

На одном крутом повороте конь захрапел, остановился и шарахнулся бы в сторону, если бы его не сдержала твердая опытная рука всадника.

На тропе стоял на задних лапах медведь и с любопытством рассматривал невиданного зверя о двух головах.

Сдерживая коня, Алатаев крикнул:

«Здравствуй, Михаил Михайлович! Как поживаешь!»

После этого медведь ринулся в кусты и в мгновение ока исчез в зарослях.

Понукаемый шпорами, «Чорт» потоптался на месте и, нервно кусая удила, двинулся дальше.

Вскоре показалась прогалина в лесу; это был перевал через хребет в седловине, между двумя скалистыми вершинами.

На тропе виднелась небольшая кумирня (Мяо), сложенная из обломков серого гранита. Внутри ее, на большом плоском камне стоял черепок с пеплом, куда воткнуты были полуобгоревшие курительные свечи. Кумирня находилась у корней векового кедра, на стволе которого виднелся затес, с надписью китайскими иероглифами, гласившими следующее:

«Прохожий! Если у тебя чистое сердце, иди смело вперед и не бойся ничего. Если же сердце твое нечисто, — возвращайся назад, откуда пришел!»

Зная иероглифы и прочтя надпись, Алатаев подумал:

«Это предупреждение касается и меня на моем жизненном пути! Я должен идти вперед, а не назад, так как совесть моя чиста, а чувство страха мне незнакомо! Кому суждено утонуть, тот не будет повешен!»

Отсюда с перевала открывался чудный вид на горный хребет Тайпинлина, вздымавший свои остроконечные лесистые вершины в небесную лазурь, усеянную белыми облачками-барашками.

Полюбовавшись прекрасной панорамой гор и лесов, Вадим направился дальше и, спустившись с перевала, очутился в широкой долине Большого Суйфына, покрытой пашнями земледельцев и хуторами.

Солнце поднялось высоко. Перевалило за полдень. Чувство голода заставило Алатаева подъехать к фанзе, у которой копошились люди.

Завидев русского, женщины маньчжурки поспешили спрятаться, и у фанзы остался один старик, ожидавший приближения всадника.

«Эй, чжангуйда!» — крикнул Алатаев, осаживая коня и спешиваясь. — «Чифань ю-мэ-ю?»

«Ю чифань, ю!» — ответил хозяин, приглашая путника в фанзу, где старуха маньчжурка ставила на стол кушанья для обеда в глиняных росписных чашках.

Усадив пришельца за стол на низком кане, старик принялся угощать его, накладывая ему в чашку лапшу, зелень, чумизную кашу и чеснок, поливая все это острою ароматною соей. Алатаев отлично работал палочками, но от ханшина отказался, что очень удивило маньчжура, знавшего, что русские любят в компании выпить.

Женщины в трапезе участия не принимали, и обедали отдельно в другой половине фанзы.

Своего коня Алатаев привязал к столбу, вблизи фанзы, и бросил перед ним сноп чумизной соломы, которую он уплетал с видимым удовольствием.

После обеда был подан чай с китайским печеньем и медом диких пчел, изумрудного цвета и горьковатого вкуса.

Когда Алатаев собирался немного вздремнуть на теплом кане, из соседнего хутора прибежал молодой рабочий и сообщил, что туда пришла партия хунхузов в тридцать человек и расположилась обедать, и что часа через три она двинется дальше на Санчагоу и пройдет через здешний, хутор. Хозяин забеспокоился, и началась уборка всего ценного в потайные безопасные места.

Разбудив своего гостя, хозяин ему сказал с таинственным видом:

«Капитан! Вставай! Хунхузы близко! Скоро придут сюда! Уходи отсюда! Еще есть время!»

Но это известие не произвело на Вадима особенного впечатления: он продолжал спокойно лежать и отвечал удивленному старику:

«Ты хорошо знаешь Черного Капитана, а потому не беспокойся! Пошли сейчас же верного человека на Сяо-Суйфын с моей запиской! Только поскорее! Пусть идет туда бегом, напрямик, через сопки! За это я ему хорошо заплачу!»

«Сын!» — ответил ему старик, с озабоченным видом, и вышел из фанзы. Оторвав из полевой книжки листок, Алатаев написал карандашем:

«Ерофеич! С получением сего, веди сотню к хуторам Тачинза, за перевал. Жду! Есть дичь! Ротмистр Алатаев».

Через четверть часа молодой рабочий маньчжур отправился бегом к северо-западу на станцию Сяо-Суйфын, напрямик через тайгу, с запиской Черного Капитана, но на одном из перевалов, откуда видна была линия КВжд и сама станция, его выследил тигр и, сделав засаду за поваленным кедром, бросился на него и, раздробив ему череп ударом лапы, стал раздирать его тело, насыщаясь трепещущим мясом и горячей кровью. Через час от человека ничего не осталось, кроме кожаных ул (обувь), лоскутов одежды и косы.

Тигр был старый и ленивый. Насытившись и облизав шершавым языком окровавленные лапы и морду, он выбрал себе для отдыха уютное местечко под стволом векового кедра и, растянувшись во весь свой рост, погрузился в сон, не обращая внимания на ворон и сорок собравшихся здесь издалека, полакомиться остатками трапезы владыки тайги.

В это время на перевал подымался урядник Кузнецов. Выйдя с утра на охоту и ничего не убив, кроме двух рябчиков, он возвращался уже домой на Сяо-Суйфын, когда услышал карканье ворон.

Постояв немного и подумав: «Это неспроста!», он двинулся на крик и вскоре наткнулся на кровавые остатки тигрового обеда. «Эге!» — произнес он вслух, шевеля палкой лохмотья одежды съеденного человека. — «Не иначе, как тигра задрала манзу! А вот и бумажка какая-то валяется среди тряпок!» Сказав это, казак поднял записку Алатаева и, прочтя ее, воскликнул:

«Батюшки! Да ведь это писал наш командир! Он просит помощи! Дичь — это хунхузы! Вот беда-то! Надо бежать на станцию и погнать сотню на выручку! Может быть еще не поздно!» — После этого урядник Кузнецов, подтянув потуже пояс, пустился бежать к станции, до которой было не более пяти верст.

Владыка тайги проснулся от шума шагов человека и, подняв свою огромную голову, стал прислушиваться. Когда-же шум прекратился, он снова заснул богатырским сном.

Через полчаса Кузнецов был уже на станции и вручил Ерофеичу записку командира. Не прошло и пятнадцати минут, как сотня, под командой вахмистра, шла наметом на юго-восток, к хуторам Тачинза.

Послав записку Ерофеичу, Алатаев запер своего коня в сарай и, взяв карабин с сотней патронов, отправился в разведку, с целью ознакомления с местностью и выяснения пути следования хунхузов. Тропа, по которой они должны были идти, пролегала в глубокой пади и по ущелью, с обеих сторон которого подымались крутые отвесные скаты.

Выбрав место с хорошим кругозором и обстрелом, Алатаев залег на нем и стал ждать появления хунхузов, рассчитав, что как раз к этому времени должна прибыть сотня.

Солнце начало уже склоняться к западу, когда на тропе показались хунхузы. Впереди шел предводитель, небольшого роста, широкоплечий китаец, в меховой рысьей шапке, с пистолетом Маузера на боку. За ним гуськом двигались остальные, вооруженные винтовками, закинутыми на ремне за спину. Они шли молча, изредка перекидываясь словами, и курили трубки.

Пропустив мимо себя несколько человек, Алатаев поднял карабин и почти не целясь выстрелил в предводителя, который упал, как подкошенный. Затем пули его начали поражать хунхузов и привели их в замешательство. Когда они опомнились и бросились бежать от губительного огня неведомого врага, на тропе лежало уже полтора десятка убитых. Потеряв вождя, хунхузы действовали несогласованно и старались только укрыться от метких пуль неведомого стрелка. Сначала им показалось, что врагов много, и они готовы даже были пуститься в общее паническое бегство, но потом, сообразив, что стреляет один человек, они залегли за пни и камни и начали обстреливать Алатаева частым, но не метким огнем. Пули их свистали над головой Вадима, не причиняя ему вреда. Одна из пуль, ударившись в скалу над его головой, отколола кусок гранита, который отлетел в сторону с такой силой, что пробил своим острым концом папаху и разрезал кожу на голове Алатаева, выше уха. Чтобы унять обильную кровь, он принужден был снять папаху и туго перевязать голову носовым платком, но это мало помогало, так как вскоре весь платок пропитался кровью, что мешало ему смотреть и стрелять. Но, несмотря на это, каждый выстрел его не пропадал даром и каждая выпущенная пуля попадала в цель. Хунхузы потеряли уже почти половину своего состава, а волшебный стрелок продолжал поражать их губительным огнем. Тогда хунхузы, точно определив местонахождение врага, зашли ему в тыл и с флангов, и пули их стали ложиться около самой головы Алатаева, угрожая поразить его на смерть. Заметив эту опасность, Вадиму пришлось часто менять свою позицию, и он уже подумывал об отступлении, так как сотни все еще не было и рассчитывать на нее не приходилось.

Надо было добраться до коня! Но как это сделать, когда хунхузы окружили его со всех сторон? Алатаев был уверен, что преданный ему «Чорт», услышав его призывный свист, прибежит к нему, но расстояние было слишком велико и конь, запертый в сарае, навряд-ли его услышит! Но надо попытаться. Подумав об этом, Вадим напряг все свои силы и свистнул так пронзительно, что многократное эхо откликнулось ему в далеких горных ущельях.

Заслышав стрельбу, «Чорт» начал нервничать и бегать по сараю, ища выхода. Вдруг до слуха его долетел отдаленный звук знакомого свиста. Навострив уши, он стал прислушиваться. Каждый мускул его стройного могучего тела вздрагивал, тонкие ноздри раздувались и глаза сверкали зеленоватым огоньком в темноте.

После второго свиста «Чорт» ринулся к двери и сразу же вышиб ее передними ногами. Очутившись на свободе, он понесся вихрем в том направлении, откуда раздавался свист.

Алатаев, сидя в своей засаде, за грудой камней, услышав бег своего коня и храп его в ближайших зарослях. Ещо один свист и «Чорт», про-

рвав блокаду хунхузов, стоял уже перед Алатаевым, выражая свою радость довольным ржаньем.

В одно мгновение Вадим был уже на коне и, пригнувшись к его шее, скакал через кусты и камни вверх по косогору, уходя от хунхузов, открывших бешенную, но беспорядочную стрельбу по Черному Капитану, но пули их пролетали мимо, жалобно свистя мимо ушей верного коня.

В это время со всех сторон затрещали перекрестные винтовочные выстрелы, — это прибывшая сотня, окружившая со всех сторон хунхузов, открыла убийственный огонь. Бандиты, почувствовав себя в ловушке, дрались отчаянно, и, на предложение командира сотни сдаться, отвечали криками «Та!» и бешенной стрельбой, но кольцо казаков все суживалось и последних, оставшихся в живых, четырех раненых хунхузов, забрали в плен.

Один из них, раненый в живот, вскоре умер, а трех остальных Алатаев помиловал, отпустив на свободу, за стойкое сопротивление и храбрую защиту. Когда им сделали перевязку и объявили, что отпускают их на свободу, они не хотели верить, считая это невозможным, нелогичным и сверхестественным. В их диком примитивном мозгу не укладывалась мысль о гуманности, благородстве и милосердии! Они считали себя обреченными и, покоряясь неизбежному року, примирились со своей участью. Когда же они убедились, что русские их не обманывают, они бросились в ноги Черному Капитану и горячо благодарили его, называя «Великим Ваном», т. е. Великим Начальником. Когда же командир сотни приказал снабдить их на дорогу продуктами и папиросами, они, вероятно, вообразили, что это сон, а не действительность.

Когда отпущенные хунхузы скрылись в тайге, Алатаев обнял своего верного старого вахмистра и, расцеловав в обе щеки, сказал:

«Ну, Ерофеич! Большое спасибо тебе за то, что выручил меня, прибыв с сотней как раз во время! Иначе мне бы не сдобровать! А я, дурак, вообразил, что смогу один справиться с шайкой в 50 человек! Теперь я вижу, что это невозможно! Но, если б их было вдвое меньше, я бы с ними справился!» — Затем, обращаясь к казакам, обступившим его плотным кольцом, он крикнул:

«А вам, ребята, я низко кланяюсь за вашу службу, усердие и готовность пожертвовать собой во славу русского оружия! Этот бой вы провели прекрасно, я любовался вами! Раненых у нас только пять человек, а хунхузы перебиты все, за исключением трех! Но они тоже дрались молодцами !Ни один из них не струсил и не сложил оружия! Мы им должны отдать почести, как полагается воинам, т. е. предадим тела их земле, чтобы они не гнили и не портили воздух в тайге! Обыщите их, какие найдете деньги, — берите себе! Не закапывать же их в землю! Наши русские винтовки отобрать, остальное их оружие сжечь! После этого будем закусывать, чем Бог послал, а потом на боковую! Скоро ночь, пора на отдых! Спасибо вам еще раз!» — Произнеся это, командир сотни сел на камень и фельдшер сделал ему перевязку головы, так как из глбокого пореза продолжала сочиться кровь.

«Рады стараться, Ваше Высокоблагородие!» — гаркнули казаки, и недра тайги вторили эти звуки в далеких горных ущельях.

Так как ночь надвигалась быстро, то уборку трупов пришлось отложить до утра. Вскоре на месте боя запылали большие костры и сотня, сварив ужин в котелках, после чая улеглась спать, выставив «для

порядка» часовых к биваку и у коновязей. Когда молодой месяц показался над горами и засверкали звезды в темном небе, бивак заамурцев спал безмятежным сном, и старая тайга тихо шумела, напевая древнюю колыбельную песню. В кедровнике ухал филин-пугач и на ближайшем скалистом хребте кричали козлы. Рано утром, едва только засерело небо и звезды начали меркнуть, бивак зашевелился, опять разгорелись костры и зазвенели о каменистую землю лопаты. Казаки копали общую могилу для убитых хунхузов. Не прошло и часа дружной работы, как была готова глубокая яма, куда свалены были трупы хунхузов и засыпаны землей. Вскоре вместо ямы возвышался высокий холм. на вершине которого поставлен был столб, с надписью на русском языке, гласящей:

«Здесь находится прах 40 хунхузов, убитых в славном бою с русскими тогда-то». — Под надписью стояла собственноручная подпись Алатаева и китайскими иероглифами «Черный Капитан».

Среди хунхузского оружия нашлось десять русских трехлинеек, которые розданы были казакам, для перевозки, а все остальные винтовки были сожжены на костре.

В поясах бандитов оказалось около тысячи рублей русскими кредитками. Эти деньги были поделены между казаками поровну, а пистолет Маузера в деревянной кобуре командир сотни подарил вахмистру.

Раненые были помещены на арбу, равно как оружие и патроны, отобранные от хунхузов.

Солнце поднялось уже высоко в ярком голубом небе когда сотня двинулась к себе домой, на север, к станции Сяо-Суйфын. Впереди сотни гарцевал на красавце «Чорте» командир. На черной курчавой голове его виднелась белая повязка.

«Что, ребята, зажурились!» — гаркнул Ерофеич своим зычным голосом. — «Грянем-ка нашу любимую донскую!» — Казаки только этого и ждали. Вскоре высокий тенор сотенного запевалы нарушил тишину тайги, и мощные звуки казачьей песни раздались под сводами дремучего леса, будя далекое горное эхо.

Великий Ван, владыка тайги, отдыхавший на высоком скалистом перевале ,услышал эти звуки и поднял свою прекрасную голову. Желтые глаза его были полуоткрыты; кончик пушистого хвоста шевелился. Он пристально всматривался в даль, где в мареве горного тумана двигался неведомый змей, или дракон извиваясь по хребтам и падям и шумя своей чешуей. Он знал, что этот дракон сильнее его, повелителя гор и лесов, и огненное дыхание его смертельно для диких обитателей тайги. Он глухо рычал, скаля свои, страшные конические клыки.

В ХАРБИНЕ

На следующий день сотня отдыхала, и тишина в казарме нарушалась богатырским храпом казаков и молодых солдат, спавших беспробудно уже вторые сутки, после экспедиции на хунхузов.

«Ерофеич! Не подымай их! Пусть отсыпаются хорошенько и набирают сил! Скоро пойдем в лагери, тогда будет не до сна!» — на-

ставлял командир сотни своего вахмистра, обходя с ним помещения, ввиду капитального ремонта перед праздником св. Пасхи.

Осмотр солдатской библиотеки выяснил недостаток журналов и книг научно-популярного и исторического содержания. Указав на это Ерофеичу, Алатаев сказал, обращаясь к писарю, которого в шутку называл «начальником штаба»:

«Напиши письмо Ивану Тихоновичу Щелокову в Харбин, чтобы прислал побольше книг и журналов для нашей библиотеки, конечно новейших изданий на его выбор. Он человек умный, специалист своего дела и знает, какие книги нам нужны, для солдатского чтения. Сумму не указывай, обозначь только приблизительно от 150 до 200 рублей. Деньги будут уплачены мною лично в ближайшее время. Щелокова я знаю давно и не сомневаюсь, что заказ этот он выполнит, как всегда, добросовестно и аккуратно. Через неделю я буду в Харбине и рассчитаюсь с ним, а письмо ты заготовь сегодня, вечером я подпишу его, а утром сдай на почту».

«Слушаю!» — ответил «начальник штаба» и, вынув из-за уха перо, стал писать черновик письма.

Выйдя из канцелярии, командир сотни отправился к себе домой обедать. После чего залег спать и проснулся только к вечеру.

Рана на голове его сильно разболелась и требовала более основательного лечения, а потому, получив телеграфное разрешение от командира конного полка, он выехал в Харбин через два дня после этого.

Остановившись в гарнизонном Собрании, он отправился в центральную больницу, где ему сделали промывку и дезинфекцию раны, ввиду ее загрязнения и угрозы воспаления надкостницы. Сразу почувствовав облегчение, Алатаев пришел в магазин Щ., который находился тогда в Новом Городе, недалеко от Чурина.

«А, здравствуйте ротмистр!» — встретил Алатаева Щ., когда тот вошел в магазин. — «Я получил ваше письмо и отобрал для вашей библиотеки с полсотни книг и с десяток журналов, преимущественно национально-патриотического содержания. Есть книги и на политические темы в популярном изложении. Я считаю неправильным тот взгляд, что армия должна быть вне политики!

Наоборот, как народ, так и армия, ее детище, должны быть политически грамотными, чтобы не поддаваться провокации темных мировых сил, подрывающих наши государственные устои. Эту систему — «армия вне политики» — проводят наши внутренние враги, для облегчения захвата власти в свои руки. Я изучаю это дело уже давно и говорю на основании неопровержимых фактов. Народ и армия, политически неграмотные, легко воспримут любое лжеучение и послужат слепым орудием в руках темных дельцов и мировых спекулянтов. В числе отобранных мною книг есть и религиозного содержания, так как считаю необходимым укрепление православия в рядах нашего христолюбивого воинства!» Сказав это, хозяин магазина, выйдя из-за прилавка, подал командиру сотни счет на проданные книги, на сумму 200 рублей.

Бегло просмотрев счет, Алатаев произнес, садясь на предложенный ему стул:

Очень вам благодарен, дорогой Иван Тихонович, за вашу любезность! Получите деньги и выдайте мне расписку, для приложения к отчету. Я с вами согласен вполне и, вопреки существующей тенденции, на свой страх и риск, внушаю своим ребятам не только идеи, свя-

занные с присягой по формуле «За веру, царя и отечество», но и политическую грамоту, сообразуясь с их развитием и кругозором. Судя по заголовкам, отобранные вами книги будут очень полезны для моих деток и пополнят нашу скудную сотенную библиотеку. Сейчас я думаю поехать на Пристань, где хочу приобрести новые пластинки для нашего грамофона, а также несколько инструментов для пополнения балалаечного оркестра». Произнося это, Алатаев собирался уже уходить, но был задержан Щ., задавшим ему вопрос:

«Скажите, дорогой Вадим Николаевич, это правда, что вы один уничтожили шайку хунхузов в 50 человек? Такие слухи имеются у нас в городе, и вас считают каким-то легендарным богатырем!»

«Все это пустяки и враки, мой дорогой!» — возразил Алатаев, сверкая своими лучистыми черными глазами. — «Если бы не мой четвероногий друг и красавец «Чорт», я погиб бы наверняка! Он первый прискакал ко мне на помощь и вынес меня из боя! Сотня подоспела вовремя, благодаря чему ни одному хунхузу не удалось уйти! Правда, от моих пуль пало около двадцати бандитов, остальных прикончили мои ребята. Хунхузы стреляли плохо, но дрались отчаянно до конца, предполагая вероятно, что им все равно пощады не будет! Из 50 человек остались в живых только трое, которых я отпустил на свободу за мужество, проявленное в бою. У нас было всего пять человек ранено, из них двое умерли в больнице на Пограничной. Как видите, ничего легендарного нет, все самое обыкновенное и прозаическое. Ну, до свидания, дорогой! Спешу по делам! Спасибо за духовную пищу для моих ребят! Приезжайте ко мне на охоту в августе, по выводкам тетеревей и фазанов, или в сентябре на рев изубрей!»

«Очень благодарен за приглашение!» — ответил владелец единственный в Маньчжурии книготорговли, покручивая свой пышный черный ус. И рад бы в рай, да грехи не пускают! При моем деле почти нет свободного времени! При первой возможности воспользуюсь вашей любезностью и приеду к вам, отвести душу! Мечтаю побродить с вами по выводкам с хорошей собачкой!»

«Приезжайте, приезжайте, Иван Тихонович!» — отвечал Алатаев, выходя из магазина и пожимая руку владельцу. — «Жалеть не будете! Угощу на славу охотой и всем прочим!»

Сделав необходимые заказы на Пристани, он подумывал уже, куда бы отправиться пообедать, как вдруг, совершенно неожиданно на Китайской улице столкнулся с четой Франк. Они шли «под ручку» и о чем-то мило беседовали.

Увидев Алатаева, Верочка вырвала свою руку из под руки мужа и, густо покраснев, невольно вскрикнула «Вадим Николаевич!»

Раскланявшись, Алатаев хотел пройти мимо, но был остановлен своим бывшим другом, который произнес, взяв его под руку:

«Здравствуй Вадим! Что ж это ты от нас убегаешь? Я очень рад, что встретил тебя! Мы здесь уже второй день делаем необходимые покупки. Ты знаешь, Вера скоро уезжает в Россию! Кстати, теперь адмиральский час и мы вместе пообедаем! Надеюсь, что ты нам не откажешь в этом удовольствии!?» Сказав это, он пристально посмотрел на Алатаева, и на свою жену, не спускавшую глаз с Вадима.

Она была очень красива и изящна в модном котиковом манто и небольшой шляпке с белым эспри. Встреча эта очевидно ее обрадовала и взволновала, чего она не могла скрыть, при всем желании.

«Если ты не согласишься с нами пообедать, Вадим,» — продолжал Ротмистр Франк, переводя на него свои бледно-голубые глаза, — «то обидишь меня и Веру! Я тебя очень прошу!»

«Откуда ты взял, что я убегаю?» — проговорил Алатаев, пристально смотря на своего бывшего друга. — «Благодарю за честь и с удовольствием принимаю твое любезное приглашение, тем более, что оно совпало с моим желанием, где нибудь заморить червячка! Я к твоим услугам!» — «Ну вот и прекрасно!» — продолжал Франк, ведя его под руку. — «Тут недалеко! Зайдем к кавказцам в погребок и там закажем шашлык и кахетинское, твое любимое вино!»

Минут через десять они сидели уже в отдельном кабинете низкого и прокопченного кухонным чадом погребка и с аппетитом молодости уничтожали сочный шашлык из курагашка, запивая прекрасным красным вином, недавно полученным из Кахетии.

В начале разговоры не клеились, все чувствовали себя связанными, но потом, под влиянием старого вина, языки развязались, в особенности у Верочки, глаза которой разгорелись и на щеках запылал румянец. Она щебетала без умолку, подшучивала над мужем и Вадимом, которому втихомолку под столом пожимала ногу своей миниатюрной туфелькой.

«Вадим Николаевич!» — лепетала Верочка чокаясь с ним бокалом вина и обдавая его огнем своих искристых глаз, — «в честь какой это дамы сердца вы ранены в голову на рыцарском турнире?»

«Вера! Как тебе не стыдно! Ведь ты отлично знаешь, что Вадим ранен хунхузами, а не на рыцарском турнире!» — возразил муж, укоризненно взглянув на жену, не желавшую признавать над собой никакого авторитета.

«Аркадий!» — отвечала ему Верочка, сверкая глазами — «Ты не понимаешь шуток! Я уезжаю отсюда, может быть навсегда, и хочу запечатлеть нашу последнюю встречу чем нибудь особенным! Может быть мы не увидим Вадима Николаевича никогда, ведь он наш друг! Пусть же этот день будет последним счастливым днем нашей жизни!» Произнеся это, Верочка разрыдалась и дошла почти до истерики.

Мужу пришлось отпаивать ее холодной водой и лавровишневыми каплями. Когда она немного успокоилась и пришла в себя, Франк шепнул на ухо своему бывшему другу: «Прости меня! Но лучше ты бы ушел! Видишь, в каком она состоянии!» На что Алатаев ответил также шопотом: «Я думаю то же самое!» Затем, под предлогом экстренного дела, он вышел из погребка и, наняв извозчика, отправился за вещами в Гарнизонное Собрание, а оттуда на вокзал, и через полтора часа уехал на восток, к себе домой. На душе у него было смутно, он чувствовал себя как бы виноватым перед женщиной, отдававшей ему все силы своего горячего молодого сердца.

ИГРА В БАНЧОК.

Сев в вагон, Алатаев, по обыкновению, отправился по всему поезду, с целью узнать, нет ли кого-нибудь из знакомых. Иногда он задерживался и вступал в беседу с пассажирами, русскими и китайцами; его знали многие и охотно разговаривали с ним на различные темы, шу-

тили и смеялись, пользуясь случаем побеседовать с самим «Орлом командиром», «Черным Капитаном».

Обходя таким образом вагоны, Алатаев заметил в одном из купе перваго класса группу пассажиров, игравших в карты. Вокруг небольшого столика расположилось пять игроков; двое из них были знакомы Алатаеву: один молодой офицер заамурец, поручик Говорков, а другой начальник дистанции, инженер Вишняков. Остальных Алатаев не знал, но, при беглом взгляде на них, они показались ему подозрительными типами, хотя внешняя импозантная наружность их была безукоризненна и даже с претензией на благородство и принадлежность к высшему обществу. У Алатаева было особое чутье и опытный, наметанный глаз. Он сразу определил этих господ и, из любопытства, поздоровавшись со знакомыми, подсел к играющим и стал следить за игрой, отказавшись от участия.

Играли в польский банчок. Один из штатских, прилизанный и выхоленный брюнет интернационального типа, с золотым моноклем в глазу, метал банк и видимо нервничал, чувствуя на себе пристальный, гипнотизирующий взгляд вновь прибывшего. Алатаев не спускал глаз с его жирного лица и толстых пальцев, на одном из которых сверкал огромный бриллиант-солитер чистейшей воды.

«Камень фальшивый, — подумал Алатаев, мельком взглянув на кольцо, — но хорошей работы, вероятно фабрики Кепта!»

В это время банкомет сорвал банк и бесцеремонно забрал себе всю горку денег, возвышавшуюся посреди стола. В банке было несколько сторублевых кредиток и кучка золотых монет, около сотни штук.

После этого поручик Говорков объявил, что он больше не играет и, раскланявшись с игроками, вышел из купе. Игра продолжалась и инженер Вишняков стал держать банк. Посидев немного в купе, Алатаев вышел в коридор и увидев там своего приятеля Говоркова, приблизился к нему неслышно и, положив руку ему на плечо, проговорил:

«Что, брат Гриша, кажется ты продулся? Вид у тебя неказистый! Но ты не унывай, — в следующий раз повезет и ты отыграешься! Хотя и есть такая поговорка: играй, но не отыгрывайся! Охота тебе играть с незнакомыми темными личностями! По моему это шулера и ты попался, как карась на крючек!»

Поручик Говорков стоял у окна и, казалось, безучастно смотрел на пробегавшие мимо лесистые горы и ландшафты, один другого красивее. На его юном безусом лице написано было безнадежное отчаяние и на светло-голубых глазах навертывались слезы. Желая скрыть от приятеля свое состояние, он отвернулся, закрыв лицо рукой.

«Григорий! — продолжал Алатаев, отнимая от его лица руку и притягивая его к себе. — Как тебе не стыдно! Ведь ты не девченка, что плачет из-за всякого пустяка! Эка невидаль, проигрался! Это тебе наука: не играй больше! На то и щука в море, чтобы карась не дремал!»

«Тебе легко так говорить, Вадим! — отвечал ему молодой человек, отправляясь и приводя в порядок свое лицо. — Ведь я проиграл казенные деньги, которые должен сегодня сдать казначею под расписку! Всего около тысячи рублей! Денег у меня нет и я, чтобы избежать позора, должен буду пустить себе пулю в лоб!» — Произнеся эти слова, Говорков взглянул на своего приятеля грустным безнадежным взором.

«Ну, это еще не причина пускать себе в лоб пулю! — возразил Алатаев, строго смотря в глаза своего приятеля. — Надо действовать, а не хныкать! А вот кстати и инженер вылез, точно из бани или после основательной порки! Вероятно тоже проигрался вдребезги!»

В это время инженер Вишняков вышел из купе весь красный и потный, и имел крайне растерянный, озабоченный вид. Заметив в конце коридора своих знакомых офицеров, он подошел к ним со смущенным видом и, ероша на голове волосы, сиплым голосом проговорил:

«Чорт возьми! Я тоже продулся в пух и прах! Сначала мне везло и я выиграл, а потом спустил все, даже золотой портсигар с монограммами. Прямо удивительно, как везет этому типу с бриллиантовым кольцом!»

«Всякому шулеру в карты везет! — сказал на это Алатаев вполголоса. — Вы оба попались как пескари на удочку и теперь постарайтесь освободиться от крючка, но это для вас трудная задача, поэтому я вам помогу: пойдемте, только, чур, не мешайте мне, иначе все испортите!» — Произнеся эти слова, Алатаев направился к двери купе, где происходила игра.

Поезд в это время, громыхая на стрелках, отходил от станции Хайлин к востоку.

На стук в дверь из купе послышался глухой голос: «кто там?» — на что Алатаев сейчас же ответил внушительно: «Откройте немедленно, иначе для вас будет хуже!»

За дверью слышался сдержанный разговор и споры, и после вторичного, более внушительного стука, щелкнул замок и дверь под давлением могучего плеча Черного Капитана открылась.

В купе оказалось только двое, третий слез с поезда на предыдущей станции.

Когда все вошли в купе, Алатаев запер дверь на ключ и сев против удивленного джентльмена с моноклем в глазу, спокойно, но твердым голосом произнес:

«Милостивый государь! Вы обыграли моих приятелей на крупную сумму! Так как я знаю, что вы шулер, то требую возвратить полностью все вами взятое немедленно, в противном случае мы вас сейчас же обыщем и тогда вам не поздоровится! Если же будете сопротивляться, то после обыска я выброшу вас в окно! Не советую медлить, так как это окончится для вас плохо! Я — Алатаев! Даю вам на размышление одну минуту, по истечении которой мы приступим к обыску!» — Сказав это, Алатаев встал с самым решительным видом. За ним поднялись со своих мест поручик Говорков и инженер Вишняков.

Джентльмен, сбросив монокль, побледнев как полотно, с трясущимися губами и блуждающим растерянным взором, едва слышно проговорил, смотря снизу вверх на Алатаева:

«Что это, насилие или грабеж среди бела дня? Имейте в виду, что вы за это будете отвечать по закону, и на следующей станции я дам срочную телеграмму начальнику дороги и Заамурского Округа! Шутить с собой я также не позволю и советую оставить меня в покое!» — Произнеся еле-еле эти слова, джентльмен искоса посмотрел на своего компаньона, который притворился спящим и похрапывал, сидя в углу дивана.

«Послушай, миляга! — гаркнул Алатаев, засучивая рукава тужурки и выразительно смотря на своего растерявшегося собеседника, —

Если ты еще скажешь хоть одно слово и не исполнишь моего требования, вылетишь в окно, вместе со своим моноклем и фальшивым бриллиантом!»

Взглянув в окно, где мелькали скалистые выемки и горные кручи, заросшие дубняком и орешником, и не находя никакого выхода из своего отчаянного положения, шулер сразу присмирел и, вынув из бокового кармана пригоршню денег, положив их на стол, не говоря ни слова. Затем, достав золотой портсигар из кожаного чемодана, наполненный золотыми монетами, также положилъ его на стол. «Вот это другое дело! — сказал Алатаев, громко рассмеявшись. — С этого тебе надо было начинать! А теперь, господа, забирайте свой проигрыш и пойдем в вагон-ресторан заморить червячка. Я проголодался и есть хочу, как собака нищего!»

Неудачные игроки тем временем отсчитали из выложенных денег свои проигрыши и спрятали их в свои бумажники, а инженер Вишняков, высыпав золото на стол, наполнил портсигар папиросами и положил его в карман своей тужурки.

«Это еще не все, миляга! — обратился Алатаев к шулеру. — Давай сюда крапленые карты, которыми ты орудуешь, надувая публику! Да поживее, а то я с тобой расправлюсь по своему!»

Джентльмен беспрекословно исполнил и это приказание и, вынув из кармана брюк колоду карт, подал Алатаеву. Осмотрев карты, он возвратил их обратно хозяину, внушительно предупредив:

«Меня ты не проведешь, хам! Давай сюда крапленые, или я выброшу тебя в окно немедленно!»

Ни слова не говоря, шулер достал из потайного кармана жилета колоду карт и подал их своему мучителю. Взглянув на карты, Алатаев произнес: «Вот это настоящие шулерские, с особым крапом и пометками!» — Затем, сложив колоду, он без особого труда перервал ее пополам, на глазах изумленных свидетелей, и выбросил в окно. «Остальные деньги ты забирай себе, нам чужого не надо! Мы взяли только свое, что принадлежит нам по праву. Благодари Бога, что я сегодня в хорошем настроении, иначе ты вылетел бы из поезда легче птицы. Я мог бы передать тебя полиции на следующей станции, но не хочу с тобой пачкаться и советую бросить свое ремесло и заняться делом! По этой дорожке далеко не уедешь. Или будешь искалечен, или попадешь за решетку, и то и другое плохо. Советую также вторично мне не попадаться, тогда пощады не будет! Теперь, если ты находишь наши действия незаконными, то можешь обжаловать их, подав срочную телеграмму во все столицы мира. Затем передай своему спящему товарищу, что он поступил благоразумно, не вмешиваясь в эту грязную историю. Спрячь свои деньги и не поминай нас лихом, так как все могло кончиться для тебя гораздо хуже! Все хорошо, что хорошо кончается!» — Затем, обращаясь к своим приятелям, он весело продолжал:

«Ну, что-ж! Кончив дело, гуляй смело! Теперь можно и закусить! Пойдем в буфет! Вы угостите меня шашлыком из молодого барашка, а я вас хорошим кахетинским, недавно полученным из Грузии!»

Через десять минут приятели сидели в вагоне-столовой и, как ни в чем не бывало, с аппетитом уничтожали вкусный, сочный шашлык из курагашка и запивали настоящим вином из кахетинских лоз, сохранявшимся много лет в подвалах удельного имения Цинондали. Старое вино быстро подействовало на юные головы приятелей Алатаева

и они рассказывали всякую чушь из своей жизни, вспоминая комические эпизоды из своей юности, подчас пикантные и двусмысленные. Пожилые пассажиры, сидевшие за столиками в вагон-ресторане, сочувственно улыбались, вспоминая свою молодость, ушедшую безвозвратно в таинственную глубину времен. «Вадим! — говорил Говорков своему спасителю, чокаясь с ним стопкою вина, — ты необыкновенный человек! Как это тебе удалось определить, что наш партнер шулер? Ведь на лбу у него это не написано! Не знаю, как благодарить тебя за доброе дело!»

«Эх, мой друг! — отвечал ему Алатаев, выпивая вино и вставая из-за стола. — Для этого надо иметь опытный глаз и жизненную практику, чего у тебя нет и быть не может! Впредь будь умней и не садись играть со всяким проходимцем! Благодарности от вас я не заслуживаю: я только исполнил свой долг! А теперь, до свидания, милые созданья! Мы подходим к станции и я иду на паровоз: не люблю болтаться без дела!» Затем, расплатившись с буфетчиком за вино, он вышел из вагона и направился к паровозу, намереваясь по обыкновению вести поезд.

РАПОРТ О ПЕРЕВОДЕ.

Пасха в тот год была поздняя. На последней неделе Великого поста из Пограничной приехал о. Василий и совершал службу в казарме. Сотня, во главе с командиром, говела, а вместе с нею семьи казаков и все русские православные служащие КВжд с чадами и домочадцами.

Отец Василий жил в это время у командира сотни и по вечерам, перед тем, как ложиться спать, читал ему выдержки из Евангелия и наставлял своего духовного сына в догматах православной веры и христианского миропонимания.

«Сын мой! — говорил тихим голосом о. Василий, поглаживая свою окладистую седую бороду на могучей груди. — В тебе еще много дикой крови твоих предков, а потому ты должен смирить свою натуру и не позволить торжествовать телу над духом! Бог наградил тебя умом, красотой и талантами и дал тебе доброе, отзывчивое сердце! Не злоупотребляй же Его милосердием и добротой, памятуя, что земная жизнь наша есть только один миг в сравнении с жизнью вечной, где нет горя, печали и воздыханий. Ты погубил уже не одну женщину и должен покаяться, вернувшись в лоно семьи! Есть еще время, и никогда не поздно сознать свои грехи и исправиться! Тебе много дано и с тебя много взыщется! Покайся же, сын мой, пока еще не иссякло милосердие Божье и благодать Его почиет над тобой!» — Так поучал духовный пастырь свою заблудшую овцу перед принятием св. Таин, в Великую Пятницу, после исповеди всей сотни, когда о. Василий вернулся домой, утомленный физически и духовно, совершая великопостное богослужение в течение всей недели.

Слушая внимательно мудрые наставления духовного отца, Вадим проникался их сокровенным смыслом и, сознавая себя «великим грешником», искренно раскаивался и был готов на все жертвы, чтобы загладить свои прегрешения перед Богом и людьми, но роковое предсказание гадалки разбивало все его благие намерения и лишало необходимой решимости порвать навсегда с прошлым.

«Отец Василий! — говорил Алатаев своему духовнику. — Я великий грешник и не заслуживаю милосердия Божьего, но клянусь тебе в том, что вернусь в лоно семьи только в том случае, если предсказание гадалки не сбудется и я не умру в этом году; тогда я переведусь на службу в гвардию и посвящу всю свою жизнь семье. Но у меня почему-то сложилась уверенность в том, что предсказание сбудется. Ждать осталось недолго! В мае месяце мне исполнится роковых 33 года! Я верю в предчувствие и думаю, что оно меня не обманывает. От судьбы не уйдешь, или, как говорят магометане, кысмет!»

«Все в рукахъ Божьихъ, сын мой! — возражал о. Василий, сверкая в полутьме своими орлиными очами. — Если ты умрешь в этом году, то это не потому, что предсказала гадалка, а потому, что так угодно Богу, и с этим надо примириться, подчиняясь Его святой воле! Ты сам себе внушил мысль о смерти и носишься с ней, как с писаной торбой! Ты христианин, а не язычник, и не должен сомневаться в могуществе Вседержителя, дарующего нам жизнь. Брось свои фантазии и исполни свой долг семьянина, это даст тебе и твоим ближним счастье!»

Слова духовного отца западали в душу Вадима, но какой-то червь сомнения глодал ее, подавляя его волю к жизни и самоанализу.

В Великую Субботу на Страстной сотня причащалась св. Тайн вместе со своими семьями. Казаки и казачки принарядились, надев все лучшее, что было припрятано в их сундучках и баулах. Отец Василий поздравлял их с принятием св. Тайн ,а командир сотни целовал своих «ребят» и, отстояв с ними Светлую Заутреню, разговлялся за общим пасхальным столом в казарме, уставленным куличами, сырными пасхами, ветчиной, колбасой, жареными поросятами и дичиной. Вина и водки было в изобилии, крашеных яиц целые горы.

Со всеми командир сотни христосовался трижды, причем каждый казак получал из его рук подарок в виде серебряного яичка, каждая казачка материи на шелковый сарафан, а детишки конфеты и книжки. На следующий день была прекрасная весенняя погода. Тепло и ясно. В голубом небе виднелись косяки пролетных птиц и зычные голоса их звенели в прозрачном, чистом воздухе.

Три дня «гуляла» сотня. Слышались лихие казачьи песни. Тренькали балалайки, плакала гармошка, стонала гитара и шумел граммофон. На широком дворе казаки и казачки лихо танцевали «русскую», трепака и лезгинку под дружный бой в крепкие ладони. Командир сотни не отставал от своих «ребят» и танцевал с каждой казачкой, не желая никого обидеть.

Так продолжалось три дня; только теплая весенняя ночь загоняла казаков домой и в казармы, и наступала тишина, нарушаемая неумолчным хором лягушек, криками фазанов и мелодичным щелканьем маньчжурского соловья, скромной на вид камышевки.

На четвертый день св. Пасхи Алатаев поехал на станцию Ханьдаохецзы в штаб бригады, куда был вызван по делам службы.

Я ничего не знал об этом и был очень удивлен, когда Вадим явился ко мне, по обыкновению веселый и жизнерадостный, и еще издали приветствовал меня своей любимой арией из «Цыганского барона».

«Здравствуй, Пенсне! — крикнул он мне через забор. — Поздравь меня! Я подал рапорт о переводе в лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк!» Сказав это, он одним махом перепрыгнул через забор

и заключил меня в свои крепкие объятия. Я положительно ошалел от неожиданности и не знал, как на это реагировать.

Видя недоумение на моем лице, он продолжал, сидя у меня на веранде за чашкой кофе: «Ты удивлен до обалдения, мой друг! Я сам обалдел от своего поступка и до сих пор еще не могу придти в себя!»

«Ну, расскажи, как это случилось, что ты решил расстаться с Маньчжурией! Ведь это равносильно тому, если бы земля перестала вертеться!» переспросил я, обретя наконец дар речи.

«Да очень просто и естественно! — отвечал он, отхлебывая ароматный мокка из маленькой китайской чашечки. — Во всем виноват отец Василий! Он так убедительно говорил о том, что ждет мою грешную душу на том свете, что я решил порвать с прошлым, уехать отсюда и посвятить свою жизнь детям. Для меня это тяжело, но я приношу себя в жертву ради благополучия семьи. Оставаясь в Маньчжурии я сделать этого не мог бы, так как жена с детьми сюда не поедет; да и самый воздух здесь, на Дальнем Востоке, до того насыщен динамической энергией и романтикой, что создать прочный и спокойный семейный очаг для меня невозможно. Там, в России, я войду в общую шаблонную колею и превращусь, чего доброго, в обыкновенного буржуа, утром занятого службой, днем послеобеденным сном, а вечером клубным преферансом. Но зато душа моя избегнет геенны огненной и семья обретет отца и мужа!» — Произнеся это, Алатаев захохотал, и в смехе его мне послышалась горькая ирония и злорадство. Смеясь, он сверкал своими ослепительно-белыми зубами и глаза его, с синеватыми белками, казалось, метали искры. Он был страшен в эту минуту и напоминал мне Мефистофеля в сцене с Маргаритой, когда он поет ей об изнанке любви. Желая дать другое направление его мыслям, я заговорил об охоте.

«Да, ты прав! — снова заговорил он, встав и сев верхом на ближайший стул. — Охота и природа необходимы для нас с тобой, как воздух! Но я льщу себя надеждой, что буду охотиться и там с рогатиной на медведей, или буду приезжать, хоть изредка, к тебе на охоту. Надеюсь, что ты не откажешь мне в гостеприимстве?»

«Конечно! — отвечал я. — Буду очень рад тебя видеть и с удовольствием поброжу с тобой по тигровым следам! Теперь меня интересует вопрос, куда ты денешь своих питомцев и четвероногих друзей?»

«Я уже думал об этом, — проговорил мой собеседник, качаясь на стуле. — Большую часть выпущу на свободу, а то, что нельзя выпустить и останется, — подарю тебе, как любителю природы, если ты примешь этот подарок, как память о Черном Капитане!»

«Приму с благодарностью! — сказал я, передавая ему гитару, висевшую на стене. — А теперь ты спой мне по своему выбору, что хочешь. Кто знает, может быть мне не придется больше слышать твой чудный баритон!» Взяв от меня гитару и настроив ее по-своему, он хлопнул по ней рукой, проговорив:

«Ну, так и быть, спою тебе что-нибудь на прощанье, хотя голос мой испортился от командования на конных ученьях, и не тот, что был когда-то, в дни молодости!» Затем, встав со стула и отойдя вглубь веранды, он взял несколько аккордов и запел «Последний нынешний денечек». Онъ был в ударе и голос его, глубокий и могучий на низких нотах, несся вдаль, замирая в недрах тайги, обступившей со всех сторон зеленою стеною военный поселок заамурцев. Когда он окончил

петь, со всех сторон послышались дружные аплодисменты и крики «браво», «бис», «просим еще!» Весь поселок высыпал на улицу слушать Алатаева, но он не был расположен давать концерт и категорически отказался продолжать пение. Только после настойчивых просьб дам и девиц поселка исполнил он две песенки, одну из Риголетто: «Сердце красавицы», и другую из Демона: «На воздушном океане».

Он спел это с таким подъемом и экспрессией, что слушательницы ни за что не хотели расходиться, требуя повторения; только мое вмешательство спасло его от посягательств «прекрасных женщин»; они ушли к себе домой, узнав от меня, что Алатаеву надо спешить на поезд. Мы с ним долго еще беседовали, прислушиваясь к шуму тайги, когда природа, восстав от зимнего сна, справляла свой праздник возрождения и исполняла великий гимн жизни и радости бытия. Под впечатлением чудной весенней ночи, находясь в каком-то приподнятом настроении, Алатаев напоследок, поздней ночью, спел мне еще несколько романсов и стихотворений Лермонтова, своего любимого поэта, переложенных им самим на музыку. С особенным чувством он исполнил известное стихотворение «Сон», в котором была изменена первая строчка, а именно ,вместо «Дагестана» он произносил так: «В полдневный жар, в долине Муданьцзяна, с свинцом в груди, лежал недвижим я, глубокая еще дымилась рана, по капле кровь сочилася моя», и т. д. Когда я выразил удивление по поводу этой переделки, он сказал: «Ты знаешь, я ведь не сантиментален и не похож на влюбленного гимназиста, но почему-то мне кажется, что на берегу Муданьцзяна решится моя судьба. Я иногда вижу себя, т. е. свой труп на берегу реки, и мне снится, что я убит пулей в сердце. Конечно, все это ерунда, не стоящая выеденного яйца, а потому не будем об этом и говорить! Лучше потолкуемъ о чем-нибудь другом. Кстати, как дела твоего друга Михаила Загорского, надевшего на себя цепи Гименея? Чем кончился его роман с Настенькой Зотовой, в которую он втюрился по уши? Его благоверная — язва, и не из таких, чтобы сдаться без боя! Мне его от души жаль. Он славный малый и попался, как кур во щи! Но, снявши голову, по волосам не плачут! Когда увидишь его, передай мой сердечный привет и дружеский совет любителя лошадей, завзятого конника: секрет верховой езды заключается не в уменьи сидеть, а в способности управлять конем! А жаль! Баба его все же окрутила!»

Узнав от меня, что М. Загорский вполне остепенился и покорился своей участи женатого и семейного человека, он произнес, вздохнув с облегчением и в то же время с грустью:

«Ну, что-ж! Я рад за него! Если он нашел свое счастье, желаю ему полную чашу семейного благополучия, так как в нем заключается все то, что необходимо каждому здравомыслящему человеку. Благополучие семьи, это — благополучие государства, а благополучие государства — это счастье всего человечества. Есть люди, вроде меня, выбитые из колеи, или, выражаясь кавалерийским языком, выбитые из седла жизни; они бродят по манежу, стараясь вскочить на любую лошадь, и в большинстве случаев это им не удается. Подав рапорт о переводе в Россию, я снова хочу сесть в свое старое кавалерийское седло, но не знаю, усижу ли в нем долго. Может быть, злая судьба опять выбьет меня из седла, и тогда это будет мой последний выезд! . . Однако, я кажется чересчур с тобой заболтался! Пора отправляться на вокзал! Поезд подходит уже к семафору! Слышишь?— Сказав это, Алатаев

стал собираться и, надевая шапку, прибавил: «Знаешь что, ѣдем ко мне! Ты выберешь себе из моего зверинца все, что тебе понравится, и перевезешь домой. Пора уже этим заняться, а то потом уйдем в лагеря и будет некогда!» — «С удовольствием поехал бы с тобой куда угодно, — отвечал я своему приятелю, надевая на плечи плащ, — но завтра приезжает из Харбина мое начальство, осматривающий оружие в округе полковник Лисенко, и я, как заведующий оружием 3-ей бригады, должен его встретить и сопровождать по линии. Недели через две-три мы будем смотреть оружие у тебя в сотне, и тогда я отберу себе часть твоего зверинца».

В это время поезд, громыхая на стрелках и стыках рельс, проносился мимо военного поселка, сверкая освещенными окнами пульмановских вагонов. Мы мчались на вокзал почти бегом, и поспели как раз вовремя, т. е. ко второму звонку.

Паровоз был только что подан к поезду и машинист Оскерко, плотный красивый брюнет, в засаленной кожаной куртке и форменной фуражке, возился у тендера, помогая сцепщику включить тормоз Вестингауза. Увидав Алатаева, он снял фуражку и, встряхнув черными кудрями, произнес: «Здравствуйте, г. Алатаев! Пожалуйте к нам на паровоз! Может быть пожелаете стать у рычага? Милости просим! А я посплю малость! Вчера целую ночь не спал, был на крестинах у своего кума, которому Бог дал четвертого сына, не считая дочек. Ну, конечно, всю ночь гуляли и теперь голова, как паровозный котел шумит, а регулятор показывает максимум атмосферного давления!»

«Здорово, Оскерко! — весело отвечал ему Черный Капитан, здороваясь с ним за руку. — С удовольствием заменю тебя на паровозе! Ступай спать и не беспокойся! Все будет в порядке!» — «Да я и не беспокоюсь, — возразил ему машинист, залезая за ним на площадку паровоза, — так как знаю, какая рука будет у рычага!»

Минуты через три раздался резкий свисток. Вадим помахал мне рукой в окошко и стал у рычага. Плавно тронув с места, набирая скорость, поезд двинулся на восток и вскоре скрылся во мгле весенней ночи.

ШАШКА ШАМИЛЯ.

Весть о том, что командир подал рапорт о переводе, произвела удручающее впечатление в сотне. Все ходили «повесив носы», в особенности казаки, старые охранники.

«Если наш орел уедет», — говорили между собой станичники, — «то и нам надо уходить домой на Дон, так как без него делать здесь нечего. С ним мы пришли сюда на службу, с ним и уйдем! Без него начнут вводить новые порядки, как в пограничной страже, а это нам не подходит! Служили царю и родине почитай четверть века, а теперь, на старости лет будут нас муштровать, как новобранцев, и гонять на гимнастику и маршировку! Нет, пусть уж гоняют молодых солдат, а мы поедем домой! С нас хватит!» — Так говорили старые казаки, покуривая свои трубочки-носогрейки и с грустью посматривая на зеленеющие сопки, с которыми они успели сродниться за время своей службы в Маньчжурии.

Ерофеич, ты узнал бы доподлинно, уходит от нас командир или нет!? Может быть это только одни слухи и брехня!» — приставали они к вахмистру, который также был огорчен этим известием.

«Ну ладно, пойду-уж!» — отвечал Ерофеич, почесывая свой крутой бритый затылок.

Алатаев был у себя в кабинете, когда Игнат доложил ему о приходе вахмистра.

«Давай его сюда!» — приказал командир сотни, сидя за письменным столом и разбирая бумаги.

«Здорово, старина!» — гаркнул Алатаев, когда вахмистр входил на цыпочках в комнату.

«Здравия желаю, Ваше Выс-дие!» отвечал Ерофеич, останавливаясь у порога и вытягиваясь «в струнку.»

«Ну, что скажешь, голубчик?» — спросил Алатаев, пристально всматриваясь в смущенное лицо своего помощника.

Помолчав немного и крякнув для храбрости, Ерофеич произнес:

«Так что, Ваше Выс-дие, казаки очень сумлеваются насчет Вашего перевода! Кто-то им сказал, что Вы изволили подать рапорт о переводе в гвардию! Вот это самое их и смущает! Они этому не верят, и послали меня, узнать доподлинно от Вашего Выс-дия!» — сказав это, Ерофеич еще раз крякнул и вытер платком пот, выступивший у него на лбу.

Алатаев улыбнулся и, подперев рукою подбородок проговорил:

«Да, это верно, я подал рапорт о переводе в конную гвардию, но сделал я это в силу обстоятельств моего личного семейного характера. Я должен вернуться к семье, иначе потеряю жену и детей! Мне очень тяжело будет расставаться с вами, но, ничего не поделаешь! Когда нибудь это должно случиться! Перевод мой состоится не ранее, как через три месяца и мы еще послужим вместе, отбыв еще один последний лагерный сбор!»

Слушая внимательно своего командира, Ерофеич стоял с опущенной головой и крупные слезы катились из его глаз по щекам, сбегая по усам на грудь. «Эге!» — воскликнул Алатаев, вставая и подходя к своему верному другу и помощнику. — «Что ж это ты распустил нюни! А еще казак! Ну, нечего печалиться, старина! Рано или поздно, все равно придется расставаться! Такова Божья воля или как говорят у нас в Кабарде — кысмет! Мне тоже будет тяжело с вами расставаться! Ведь двенадцать лет я делю с вами радость, и горе, и боевую страду! Ну, перестань, я ведь еще не уезжаю и, вероятно, после перевода возьму еще отпуск и останусь с вами до нового года, а за это время много утечет воды! Не бойся, в обиду вас не дам никому! Ну, давай я тебя поцелую и перестань реветь! Ты ведь не баба!»

Проговорив это, Алатаев обнял старика и крепко поцеловал его в обе мокрые от слез щеки.

Ерофеич был до того расстроен, что не мог успокоиться и только когда командир сотни заставил его выпить стакан холодной воды, он заговорил, вытирая платком заплаканное лицо:

«Вы уж меня простите, старого дурака! Сердце не выдержало, вот я и ослаб, хуже бабы! Теперь ничего, полегчало! А вот, старые казаки-охранники говорят, что служить больше не хотят, если состоится ваш перевод! Я тоже самое, служить без вас не буду, уйду в отставку, пора и честь знать! Пусть послужат молодые, а мы, старики, уйдем на по-

кой и будем доживать свой век, вспоминая царскую службу. Без вас тут пойдут новые порядки! Новый командир будет гонять нас, стариков, на утреннюю гемнастику, или маршировку под барабан, наравне с молодыми солдатами! Нет, видно, уже нам больше не служить! Довольно! Старикам место на печке, или же на погосте! Так оно и должно быть! Всему свое время! Теперь разрешите идти, Ваше Выс-дие?!» — Сказав это, Ерофеич подтянулся и, выпятив вперед свою широкую грудь с Георгиевским крестом, застыл в неподвижной позе.

«Ну иди, голубчик», — отвечал командир, хлопнув его по плечу, — «и передай казакам, чтобы они не волновались и не тужили: ведь я их не брошу и в обиду не дам! Прежде, чем состоится мой перевод, и их устрою так, как они хотят. Ну, иди с Богом!» Когда Ерофеич вышел, Алатаев сел за стол и стал писать письмо жене. Оно было коротко и даже лаконично. Окончив писать, он прочел следующее:

«Дорогая Ксения! Я исполнил твое желание и твою просьбу и подал рапорт о переводе в Лейб-Гвардии Кирасирский Его Величества полк.

Вероятно ты удивлена в происшедшей метаморфозе моего мышления, но это произошло под влиянием слов отца Василия, моего духовного пастыря, который направил заблудшую овцу на путь праведный, в лоно семьи, т. е. любящей и любимой жены и детей. Я навсегда порываю с прошлым и надеюсь стать примерным паинькой, т. е. верным мужем и заботливым отцом.

Думаю, что мне это удастся с твоей помощью, хотя, признаться, я не могу представить себя в блистательном Санкт-Петербурге в форме Лейб-Кирасира Его Величества, или в теплом шелковом халате и с ермолкой на голове, как подобает всякому почтенному отцу семейства!!

Мои казачки, с Ерофеичем во главе, объявили, что уволятся со службы, если я уйду! Их пугает главным образом то, что новый командир будет заставлять их делать гимнастику, к которой они питают органическое отвращение. Понимая их психологию, я никогда не принуждал их к этому, как требует устав внутренней службы. Кроме того, они привязались ко мне, как дети, и я к ним, и мне не легко будет расстаться с ними и с Маньчжурией! Но я приношу себя в жертву ради детей.

Нормально перевод должен тянуться месяца три и ты пожалуйста не старайся его ускорить, так как я хочу отбыть лагерный сбор со своими детками. Передай об этом командиру Кирасирского полка, он старый кавалерист и меня поймет. Игната я хочу взять с собой, хотя он глуп и глух, но предан мне, как Санчо-Панчо Дон-Кихоту. Своих четвероногих и пернатых друзей я выпущу на свободу, а некоторых придется отдать Пенсне, как любителю природы, т. е. в надежные руки. Свою конюшню после лагерей я отправлю в Петербург, к каковому времени подыщи помещение для шести лошадей, если можно, поближе к нашей квартире. Из зверюшек я возьму с собой ослика Чжана, любимца детей, енота Тришку, макаку Мики и твоего любимца Гектора, который от старости уже не лает. Как видишь, твой законный муж на старости лет, в чаянии попасть в лоно Авраамово, решил исправиться, принеся покаянную!

Не удивляйся! Еще не такие казусы бывают на свете! Если верить гадалке, этот год для меня роковой! Поживем увидим! Смерти я не боюсь, но умирать не хочу, т. к. люблю жизнь во всех ее разнообраз-

ных проявлениях. Поцелуй за меня детей. Целую твои ручки. Твой гадкий неисправимый, но любящий Вадим». —

Запечатав письмо сургучной печатью, Алатаев отнес его в канцелярию и сдал писарю, для отправления.

В это время казаки, узнав, что командир в сотне, собрались в казарме, желая от него лично узнать правду о переводе. Их было тридцать человек.

«Да, это правда, ребята», — сказал он, выйдя к ним из канцелярии — «я подал рапорт о переводе, но он состоится еще не скоро, и мы с вами еще послужим вместе царю и родине. Не беспокойтесь, пока я с вами, вас никто обижать не будет; если же новые порядки вам не понравятся, вы можете всегда уволиться, никто насильно служить вас не заставит! Вы остались на службе добровольно и, при желании, будете уволены, так что бояться вам нечего!» —

Проговорив это, командир сотни прошел по рядам казаков и, подшучивая над ними, прибавил:

«Кто из вас желает уволиться со службы — шаг вперед!» —

После этого обе шеренги, сделав шаг вперед, замерли, в ожидании дальнейших приказаний командира.

«Я вижу», — сказал Алатаев, — «что вы все желаете уволиться! Ну, что ж, так и быть, пусть писарь составит список и заготовит рапорт, как полагается. Сегодня вечером я подпишу все бумаги, и завтра они будут уже в штабе бригады. Мой перевод и ваше увольнение будут одновременно.

Может быть и поедем вместе, вы на Дон, а я в Питер! А пока что, еще послужим в Маньчжурии, как служили верой и правдой, не за страх, а за совесть! По казачьи!» —

После этого командир сотни направился в конюшню «побеседовать» со своими друзьями, которые, заслышав его шаги, приветствовали своего хозяина веселым ржаньем.

«Ну что-ж», — говорили между собой старые казаки-охранники, покручивая усы — «пора и честь знать! Всему бывает конец! Так и нашей службе пришел конец! Если бы наш командир оставался здесь, то и мы бы не увольнялись, а без него нам не служить! Что мы мальчишки чтобы становиться на емнастику да прыгать по лягушечьи! У нас сыновья уже на службе царской, и нам ни к чему эта самая солдатская муштра! Свою казачью службу мы знаем и присягу держим крепко! Всю жизнь свою мы воевали: были на Балканах и в Турции; брали Геок-Тепе со Скобелевым; поили коней в Аму-Дарье и Тариме; усмиряли китайца в Маньчжурии, когда он бунтовал против нашего царя! А тут тебе становись на емнастику! Нет уж, увольте! Отпустите душу на покаяние, и мы уйдем на покой, в свои станицы, на тихий Дон!» — Так гуторили старики, потряхивая своими сивыми чубами.

26 мая, в день своего рождения, ротмистр Алатаев получил от сотни подношение, в виде боевой кавказской шашки со старинным дагестанским клинком, на котором была отчеканена следующая надпись золотом:

«Донская охранная сотня — своему любимому командиру, ротмистру Алатаеву, в 33-й год его рождения. Ст. Сяо-Суйфын КВжд. 19 . . . г. 26 мая». — Рукоятка шашки и ножны были сделаны из кованого серебра с кавказской чернью. Стальной клинок 16 столетия носил название «гурда» и отличался превосходными качествами. Им можно было

рубить железо и даже мягкую сталь, он легко сгибался в кольцо и, при ударе, звенел, как туго натянутая струна. Клинок этот по преданию принадлежал известному имаму Чечни и Дагестана Шамилю.

При подношении во дворе была выстроена вся сотня, во главе которой, на правом фланге, стоял вахмистр Ерофеич, держа перед собой на шелковой подушке шашку.

При появлении командира сотни, была подана команда: «Смирно! Слушай, на краул!». Сотня, как один человек, отдала честь своему командиру. «Здорово, казаки!» — гаркнул Алатаев, выходя на середину двора, где стояла сотня в пешем строю во взводной колоне.

«Здравия желаем, Ваше Выс-дие!» — дружно отвечали казаки. Вслед за тем вахмистр, неся шашку перед собой, подошел к командиру сотни и, преклонив колени, подал ему шашку, сказав:

«Ваше Выс-дие! Покорнейше просим принять от нас эту боевую шашку, в знак нашей любви и преданности и в память нашей службы в Охранной Страже в Маньчжурии!»

Взяв шашку из рук вахмистра, командир сотни вынул ее из ножен и, поцеловав, по обычаю, клинок, снова вложил ее в ножны и, держа перед собой, обратился к казакам со следующими словами:

«Спасибо за ценный подарок! Не знаю как и благодарить вас за проявленные ко мне внимание и любовь! Эта боевая шашка Шамиля всегда будет со мною, напоминая о славной сотне, которой я имел счастье и честь командовать. Спасибо вам за вашу честную службу, и очень сожалею, что мне придется в скором времени с вами расстаться! Разойдясь в разные стороны, мы сохраним в сердце своем воспоминания о лучших днях нашей жизни и совместной службе Царю и Отечеству!»

Произнеся это, Алатаев обнял своего старого вахмистра и трижды поцеловал его в обе щеки и в лоб. Сотня безмолствовала, только слышалось сдержанное покашливание в задних рядах и тяжелое дыхание людей. Старые казаки плакали и крупные слезы текли по загорелым щекам теряясь в пышных усах подернутых белым инеем пяти десятков прожитых годов.

Глаза Алатаева также блестели больше, чем следует и, желая скрыть свою минутную слабость, он крикнул зычным голосом: «Эй, казачки, нечего журиться! Сегодня день моего рождения, который мы отпразднуем по казачьему, чтобы знали наши друзья и враги, как гуляет славная донская сотня! Ура!»

Этот возглас был подхвачен всей сотней и, по знаку Ерофеича, старые охранники подхватили своего командира на руки и, подбрасывая высоко в воздух, кричали «Ура!» Эти звуки неслись в ближайшие сопки и замирали в далеких ущельях Тайпинлина, нарушая тишину дремучих лесов Шухая, и вызывая тревогу у диких обитателей тайги.

По обычаю старых охранников, командир сотни был обнесен вокруг казармы, причем казаки стреляли в воздух из винтовок и пели свою традиционную «Монашки».

Во время обеда каждый получил обычную чарку водки, а вечером, после ужина, играл окрестр балалаечников, под управлением самого командира сотни; в танцах приняли участие даже старики и казачки, причем в первой паре выступал командир сотни с дочерью Ерофеича, восемнадцатилетней красавицей Феней. Сам Ерофеич тоже «тряхнул стариной» и показал молодежи, как следует танцевать «русскую» и

«казачка». Ночью, при свете факелов и смоляных бочек, «гулянка» продолжалась, и только под утро, когда звезды начали меркнуть и на востоке загорелась алая заря, казаки и казачки разошлись спать по своим домам и станция Сяо-Суйфын затихла: слышался только неумолчный рокот горной речки и крики петухов-фазанов в таежных зарослях ближайших сопок.

На другой день, вместе с текущей корреспонденцией, сотенный писарь принес Алатаеву пачку телеграмм с поздравлениями от друзей, знакомых и сослуживцев. Прежде всего он вскрыл телеграмму от жены, она писала: «Поздравляем дорогого папочку с днем рождения! Мама и дочки».

Другая телеграмма из Харбина гласила: «Поздравляю и целую. До скорого свидания. Вера».

Просмотрев остальные телеграммы, Алатаев долго держал перед собой поздравление Веры и невольно вспомнил предсказание гадалки о черной женщине, и думал: «Неужели это и есть та, которая сыграет роковую роль в моей жизни!?»

АЛЕКСЕЙ БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Бывая по делам службы на ст. Ханьдаохецзы в штабе Бригады, Алатаев всегда посещал своего приятеля, капитана Русанова, командира роты заамурцев. Он был общим любимцем за свою доброту, гостеприимство и веселый характер. Имея большую семью, состоявшую из десяти человек, он получил прозвище «Алексей Большое Гнездо» и гордился этим, считая детей благословением Божьим и высшим счастьем, на которое может рассчитывать человек. Два старших его сына воспитывались в Хабаровском кадетском корпусе, две старших дочери — в Иркутском институте; средние дочь и сын — в Коммерческом училище КВжд и жили в Интернате Заамурского Округа в Харбине; двое младших, дочь четырех лет и сын двух лет, находились дома.

Капитан Русанов представлял собой тип большого русского человека, проникнутого глубоким патриотизмом, любовью к ближнему и неиссякаемым славянским добродушием. Внешность его вполне соответствовала его внутренним духовным качествам. Это был настоящий русский былинный богатырь, белокурый, голубоглазый с окладистою темнорусою бородой.

Его супруга, Мария Васильевна, которую он называл всегда «Мать», была подстать своему благоверному по комплекции и добротности, но пышные волосы ее были черны, как вороново крыло; огромные карие глаза с поволокой прикрывались «соболиными бровями». Несмотря на свой сорокалетний возраст, она была еще красива своей особенной «русскою красотой», которая не увядает и под старость.

Друзья и товарищи Алексея Ивановича Русанова добродушно подтрунивали над супругами, удивляясь, почему Алексей взял себе в жены одну женщину, весом в восемь пудов, когда можно было взять себе двух по четыре пуда! На что богатырь, любовно поглядывая на свою дражайшую половину, отвечал:

«Э, господа! Вы еще молокососы и не понимаете толк в женщинах! Мою Мешеньку я не променяю на десяток ваших финтифлюшек в декадентском вкусе! Я — русский человек, с русскими вкусами, и мне хватает одной жены! Чужого мне не надо! Ведь я правду говорю, Мать, как ты думаешь?!»

На эти шутки Мария Васильевна не сердилась, но, густо зарумянившись и смеясь, произносила:

«Вы, мужчины, любите говорить глупости и на уме у вас всегда какая-нибудь пошлость! Я тоже могла себе найти сколько угодно фендриков по четыре пуда, однако, выбрала одного в девять пудов, и с меня хватит!» — Сказав это, она гладила своей пухлой, но крепкой рукой по коротко остриженной голове богатыря и, погрозив всем пальцем удалялась в детскую откуда раздавался крик расшалившихся ребят.

В гостиной Русановых стояло пианино и, по вечерам, когда хозяин приходил с занятий и детишки укладывались спать, Мария Васильевна услаждала его слух прекрасной музыкой и нередко пением, так как до замужества она окончила санкт-петербургскую консерваторию и готовилась поступить на сцену в оперу, имея выдающийся по силе и тембру контральто; но она предпочла выйти замуж за любимого человека и уехать с ним в далекую и дикую тогда Маньчжурию. Профессора академии предсказывали ей большую будущность, но она променяла ее на скромную жизнь армейского офицера на далекой окраине! Это ли не героизм и самопожертвование русской женщины!

Капитан Русанов был любимцем солдат, они считали его своим «отцом командиром», и действительно, после семьи, он все свои силы и способности отдавал своей роте, стараясь воспитать в своих «ребятах» доблестных воинов и честных слуг царю и отечеству. Рота и семья капитана Русанова составляли одну дружную семью, сплоченную одним русским духом и взаимной любовью.

В I-ю Великую войну, под командой капитана Русанова, рота заамурцев оказала чудеса воинской доблести, и сам командир ее пал смертью героя впереди своих «ребят» при атаке австрийских позиций под Коломеей.

Русанов пользовался общим уважением и любовью всех окружающих, а с Алатаевым связывала его искренняя дружба, основанная на общности взглядов и мировоззрения, хотя во многом, что касается женщин, их взгляды расходились, кроме того, их сближала любовь к природе и лошадям.

Алексей Иванович, хотя и не был таким знатоком лошадей, как Алатаев но по своему любил их, как сын степняка-помещика, имевшего у себя небольшой конский завод рабочих пород.

К охоте Русанов относился отрицательно, считая это жестоким удовольствием, но кушать дичинку любил, полагая, что это не противоречит его принципам и тенденциям. Зато он увлекался рыбной ловлей и частенько ходил на речку ловить форель и ленков на удочку, посвящая этому занятию раннее утро до занятий в роте в праздничные дни. Раньше он был заядлым курильщиком, но, по настоянию своей Машеньки, бросил курить. Таков был друг Алатаева, богатырь душою и телом капитан Русанов по прозвищу «Алексей Большое Гнездо».

Машенька была прекрасной хозяйкой и весь дом держала крепко в своих мягких талантливых руках, управляя, как капитан на воен-

ном корабле, мужем, детьми и денщиками, деспотически, и в то же время мудро и любовно. Ее уважали, любили и в то же время побаивались, как строгого, но справедливого начальника.

Алатаев нередко музицировал с Марией Васильевной, аккомпанеруя ей на пианино, когда она пела, или пел под ее аккомпанемент. Слушая их музыку, Алексей Иванович зачастую засыпал в кресле, уверяя потом, что он слушал с закрытыми глазами, что вызывало общий смех и веселое настроение.

На каникулах и в праздники Рождества и св. Пасхи русановский дом оживлялся и становился шумным, так как в это время съезжалась учащаяся молодежь. Веселый смех и песни звучали там с раннего утра до позднего вечера. Вся детвора была очень талантлива и музыкальна, имелся даже свой семейный балалаечный оркестр и раз в неделю устраивался концерт, в котором принимал участие даже четырехлетний малыш. Дети учились хорошо и были благовоспитаны, что, конечно, всецело надо было отнести влиянию матери, так как отец в это дело не вмешивался, предоставив его своей Машеньке, матери-командирше.

Надо удивляться энергии, силе воли и терпению женщины, несущей на своих плечах всю тяжесть управления многочисленной семьей и сохранившей свою женственность и обаятельность.

При всем том, русановский дом был всегда открыт для всех, гости там не переводились, встречая в лице хозяев самое радушное русское хлебосольство и сердечность.

В этом доме никогда не сплетничали и никому не перемывали косточки, здесь всегда царило благодушие и спокойствие.

Солдаты и их семьи всегда находили в лице Марии Васильевны друга и заботливую хозяйку, готовую на всяческую помощь и покровительство. Они называли ее «Наша мать-командирша», желая выразить этим ее отношение к подчиненным своего мужа.

Несмотря на скромное жалованье командира роты, Марье Васильевне не только хватало его на удовлетворение семейных нужд и потребностей, но и на оказание материальной помощи неимущим.

Это была удивительная женщина! Называя ее мужа счастливым, некоторые говорили, что Алексей Иванович живет, как «у Христа за пазухой». Это была совершенная правда, что не отрицал никогда даже сам капитан Русанов

«Ну здравствуй, Цыганский Барон!» — встретил Алатаева капитан Русанов, когда тот входил на веранду, насвистывая какую-то игривую песенку из оперетки. — «Наконец-то ты появился на нашем горизонте! Ну, садись и рассказывай, как твои дела!» — Затем, повернув голову к двери, он крикнул:

«Машенька! Выходи! Посмотри, кого нам принесло попутным ветром!»

Вслед за тем в дверях показалась Марья Васильевна, как всегда веселая и жизнерадостная. Полные и сильные руки ее были засучены по локоть и запачканы. Из под белого чепца кокетливо выбивалась прядь черных волос.

«Здравствуйте, Вадим Николаевич!» — приветствовала она своего гостя, улыбаясь и обнажая два ряда жемчужно-белых зубов. — «Да не целуйте руку, ведь она грязная! Садитесь, садитесь! Рада с вами побеседовать! Наконец-то вы взялись за ум и стали совсем паинь-

кой! Одобряю ваше решение вернуться к семье! Если б вы этого не сделали, то все равно не сносить бы вам своей головы! Хотя нам и жалко с вами расставаться, но ничего не поделаешь, интересы детей должны быть на первом плане! Мы рады за вас и за вашу семью! Когда же вы предполагаете ехать в Россию?» — Сказав это, она вытерла руки полотенцем, перекинутым через плечо.

«Да я еще сам не знаю дорогая мать-командирша!» — отвечал Алатаев, садясь верхом на подставленный стул. — «Я не форсирую перевода, так что приказа надо ждать в конце лета! Но я чувствую все же, что надо мной висит Дамоклов Меч, в виде предсказания гадалки, хотя разум мне и говорит что это чушь и ерунда!»

«Вадим Николаевич!» — перебила его собеседница, делая строгое лицо. — «Как вам не стыдно сознаваться в этом! Ведь это простительно нам глупым и слабым женщинам, а не вам, сильным волевым мужчинам! На все воля Бога! Наша судьба в Его руках! Если вам суждено умереть теперь, то и на это надо смотреть, как на проявление той же высшей воли! Советую об этом не думать и взять себя в руки!» — Произнеся это, она встала и уходя прибавила: — «Мне некогда теперь с вами беседовать! Приходите вечерком, поболтаем и помузицируем! До скорого свидания!» — Затем она скрылась в дверях и прошла на кухню, где повар-денщик ожидал ее с нетерпеньем.

«Ладно!» — отвечал на это Алатаев, обращаясь к своему другу. — «Вечером зайду опять, вместе с Пенсне, у которого я остановился! Прощай!» — Выйдя на пути он направился к вокзалу, насвистывая марш «Под двуглавым орлом».

О ЧЕМ ЩЕБЕТАЛИ ЛАСТОЧКИ

Вечером мы с Алатаевым были у Русановых, где прекрасно провели время, слушая мастерскую игру на пианино хозяйки и ее чудный голос, когда она исполняла трудные арии из различных опер, под аккомпанемент моего приятеля. Под конец, вследствие настойчивых просьб хозяйки, Вадим спел с особенным подъемом несколько романсов, за что удостоился горячей похвалы самой музыкантши, сказавшей ему на прощанье:

«Знаете, Вадим Николаевич! У вас прекрасный голос, с которым не стыдно было бы выступить на сцене Императорской оперы! Он у вас сыроват и необработан, но если дать ему хорошую школу, — будущее его обеспечено!» — На что Алатаев отвечал, целуя ручку хозяйки:

«Дорогая Марья Васильевна! Где уж мне, старику, думать о карьере оперного певца! Это мне не к лицу, да и незачем! Я солдат, а не артист, и шашкой владею гораздо лучше, чем языком и горлом! Ну, прощайте, родная. спокойной ночи!»

Распрощавшись с радушными хозяевами, мы отправились домой, причем Алатаев всю дорогу свистел соловьем, квакал лягушкой, пел петухом и канарейкой и подражал различным животным, что раздражало собак всего поселка и они преследовали нас лаем и воем до самого дома. На него иногда «находило» такое ребяческое веселое на-

строение и даже детская шаловливость; в натуре его было много странностей, подчас непонятных и необъяснимых.

Переночевав у меня, он собирался уже возвращаться к себе домой на Сяо-Суйфын, но был вызван командиром бригады в штаб, по делам службы. «Здравствуйте ротмистр!» — встретил его в своем кабинете полковник Пальчевский (по прозвищу Черномор). — «Хорошо, что вы не уехали к себе! Получена телеграмма из штаба округа, с приказанием, ликвидировать шайку хунхузов, оперирующую в районе Учантина. Я хочу послать две сотни, одну из Маоэршани, а другую вашу, для чего сегодня для вашей сотни подадут состав на Сяо-Суйфын. Вы выступите завтра со станции Имяньпо, а ротмистр Франк из Маоэршани. Вас я назначаю начальником экспедиции, о чем сообщите Франку. Ваша сотня сегодня вечером прибудет на Имяньпо. Вот, пока все. Действуйте! Пригласил бы вас к себе обедать, но у вас времени мало: вам надо спешить в Имяньпо, чтобы встретить, сотню и устроить ее на ночь. Теперь вы свободны. До свиданья! Желаю успеха!» — Произнеся это, Черномор проводил Алатаева до дверей и, пожав ему руку возвратился к себе в кабинет.

Из штаба бригады Алатаев прошел на вокзал и, вызвав по прямому проводу к телефону Ерофеича, распорядился о погрузке сотни и своего любимца «Чорта». Вскоре подошел с востока товарный поезд и командир сотни, вскочив на паровоз, уехал в Имяньпо, послав мне короткую записку следующего содержания: «Дорогой Пенсне! Прости, что не зашел к тебе попрощаться! Еду товарным в Имяньпо, в срочном порядке. Подробности узнаешь у Черномора. Целую в сахарные уста. Твой друг Черный Капитан».

Получив эту записочку, я был крайне удивлен и сейчас же помчался в штаб бригады, где и узнал от милого Черномора о предстоящей экспедиции против хунхузов Судя по сообщению штаба округа, около г. Учантина сконцентрировалась большая шайка из беглых китайских солдат, хунхузов и бывших боксеров, численностью в 600 человек, прекрасно вооруженных и наполовину конных. Китайский гарнизон Учантина сложил оружие, а фудутун успел заренее бежать в Гирин. Во главе хунхузов стал известный предводитель «Гао-Сян» (по китайски Высокий Дуб), отличавшийся саженным ростом и беспощадной жестокостью.

Заняв город, хунхузы укрепили его засеками и глинобитными стенами.

Для обеспечения успеха экспедиции, с сотней Алатаева должен был выступить взвод конно-горной батареи, под командой штабс-ротмистра Святославского, из двух орудий.

Сотня прибыла на Имяньпо поздно вечером и была выгружена из вагонов не на станции, а у восточного семафора, без огней и по возможности скрытно. Дав людям и коням двухчасовой отдых в тайге и захватив с собой взвод артиллерии, Алатаев повел свою сотню не по торной дороге, а через сопки, по зверовым тропам.

На рассвете отряд подошел к Учантину, где все еще спали, в том числе и хунхузы, выставившие только часовых у главных ворот города. Оцепив город со всех сторон четырьмя взводами и выставив оба орудия на позицию, командир сотни приказал обстрелять шрапнелью ту часть города, где расположились хунхузы.

Утренняя заря только начала разгораться и городок еще шевелился, когда в воздухе зашипели зловещие драконы-змеи и над спящими хунхузами с оглушительным грохотом и треском, стали разрываться шрапнели, обсыпая обезумевших от неожиданности и страха бандитов, дождем звенящих и свистевших пуль. Паника среди хунхузов и жителей произошла невероятная! Они бросились бежать из фанз на улицы, где их поражали пули сверху! Лошади, крупный и мелкий рогатый скот, напуганные выстрелами, шумом и поднявшейся суматохой, стали волноваться и беситься, увеличивая общую панику и катастрофу. За шумом и грохотом рвущихся снарядов, ревом скота и криками людей не слышно было сигналов, подаваемых хунхузскими начальниками. Все смешалось в общую массу и хунхузы, предполагая, что они окружены большими силами русских, спешили выбраться из ловушки и в беспорядке, стреляя наугад и в воздух, бежали из города и здесь расстреливались в упор, цепями наступающей сотни.

Гао-Сян, собрав кое-как около себя сотни две конных хунхузов, в надежде прорваться из кольца осаждающих, бросился с ними в атаку на казаков Алатаева, с криком «Та!».

Заметив это намерение хунхузов, командир сотни с двадцатью старыми охранниками перешел в контратаку и казаки начали свою страшную работу шашками. В пыльном воздухе замелькали блестя на солнце, сабельные клинки, слышались глухие удары острой стали о живые тела; каждый взмах шашки, сопровождаясь криком, повергал на землю бандита с отрубленной головой или с рассеченным черепом.

Видя неминуемую гибель, Гао-Сян с коня рубил кривой саблей налево и направо наседавших на него казаков. Уже несколько станичников получили от него хорошие гостинцы, в виде глубоких кровавых рубцов по спине и плечам, когда командир сотни, заметив это, дал шпоры своему «Чорту» и тот, прыгнув от неожиданности и боли, ринулся вперед на предводителя хунхузов, который изготовился уже к нападению, замахнувшись своей тяжелой саблей, но конь Алатаева в это время ударил своей могучей грудью хунхузского иноходца в плечо и свалил его на бок. Падая на землю, Гао-Сян выхватил револьвер и произвел два выстрела в командира сотни; первая пуля пробила его фуражку, слегка задев кожу на голове, а вторая вонзилась в плечо, около ключицы, и прошла на вылет. Вслед затем, огромная голова хунхузского вождя отделилась от тела, хлопая веками, и брызгая горячей кровью, покатилась по пыльной дороге и застряла в колее скаля в небо свои желтые крепкие зубы.

Видя кровь на плече у командира сотни, Ерофеич приказал фельдшеру сделать перевязку, но это ему не удалось, так как Алатаев, отрубив голову предводителю, понесся со своими охранниками преследовать остатки шайки, прорвавшиеся из кольца осаждающих.

Заметив погоню, хунхузы рассыпались веером по гаоляновому полю и, спешившись, стали отстреливаться, но вскоре были перебиты. Из всей шайки удалось бежать очень немногим.

Все поле битвы было усеяно трупами хунхузов. Раненых оказалось только восемнадцать; их снесли в одну фанзу, и командир отряда поручил уход за ними китайскому врачу.

В сотне потери были невелики: трое убитых и двенадцать раненых, тринадцатый сам командир сотни.

Убитых и раненых казаков на арбах, под командой сотенного фельдшера, отправили на Имяньпо.

Рана Алатаева, после перевязки, перестала кровоточить, и на совет Ерофеича отправиться с фельдшером наИмяньпо, командир сотни отвечал, хлопая своего старого помощника по плечу:

«Ерофеич! За кого же ты меня принимаешь, за бабу, что-ли!? Пуля прошла по мясу, кости целы! Стоит ли из-за такого пустяка беспокоиться! Таких царапин на моем грешном теле много! Ничего, присохнет!»

Ротмистр Франк со своей сотней прибыл только к полудню, когда дело было кончено и шайка ликвидирована.

Подойдя к Алатаеву и здороваясь с ним, он проговорил:

« И в этом деле я опять опоздал! Ты меня, как всегда, опередил! Мне не повезло, как вообще не везет в жизни! Ты счастливее меня, Вадим! Хотя зависть и считается пороком, но я тебе завидую! Вероятно ты родился под счастливой звездой!»

«Не говори глупостей, Аркадий!» — отвечал ему Алатаев, очищая от крови клинок своей шашки. — «Человек сам кузнец своего счастья! И в этом деле ты сам виноват, что опоздал! Не надо было нежиться с бабой и спать ночью! Если бы ты выступил вчера вечером, то поспел бы во время на мясорубку! Вспомни русскую пословицу: кто зевает, тот воду хлебает!»

На эти слова ротмистр Франк ничего не возразил, только безнадежно отмахнулся рукой и отошел в сторону.

Купечество Учантина, в знак благодарности за избавление от хунхузов, преподнесло знаменитому Черному Капитану шелковый плакат, с иероглифами, вышитыми золотом, обозначавшими наилучшие пожелания.

Для русских солдат был устроен богатый обед с обильной выпивкой, а офицеры были приглашены на банкет к заместителю фудутуна.

Эти чествования затянулись до поздней ночи, так что сотни могли отправиться по домам только на следующее утро.

Многие были еще под хмельком и пели веселые песни, когда сотни выступали из города, провожаемые населением, выражавшим свою признательность Черному Капитану шумными овациями. Яркое маньчжурское солнце бросало на толпы людей свои горячие лучи, сверкавшие ослепительными бликами на стволах винтовок и медных эфесах шашек.

На следующий день в Имяньпо происходила печальная церемония, погребения трех солдат-заамурцев, убитых хунхузами в бою под Учантином. На погребении был весь гарнизон станции, а также представители от рот и сотен с ближайших станций.

Командир бригады, полковник Пальчевский, также приехал со станции Ханьдаохэдзы, взяв меня, в качестве представителя от штаба.

После отпевания в церкви, где отец Василий сказал прочувствованное слово, назвав убитых героями, отдавшими свою жизнь за Веру, Царя и Отечество. Это произвело такое сильное впечатление на многих, что слышался плач женщин, даже седоусые казаки не выдержали, и по их морщинистым, загорелым лицам текли слезы.

Погребальная процессия растянулась на весь поселок. Звуки печального перезвона гудели над толпой и неслись в даль лесистых сопок, окружавших станцию со всех сторон.

Гробы с останками убитых несли на руках офицеры и солдаты-заамурцы; на крышках положены были шашки и фуражки, и за каждым гробом вели в поводу коня в полном походном снаряжении.

Перед опусканием останков в могилу, отец Василий опять сказал надгробное слово, упомянув, что благодарная родина-мать никогда не забудет своих детей, погибших на кровавой ниве, защищая честь и славу Великой России!

Троекратные залпы из винтовок прощальный марш Шопена и звуки «Коль славен» и погребальные песнопения, слились в один торжественный гимн, грустный «Requiem», среди тишины лучезарного летнего дня, когда молодая красавица природа праздновала свои именины и утопала в цветах, шептавших ей о жизни и радости бытия.

Я шел рядом с командиром бригады, нашим славным Черномором. Мы изредка перекидывались словами, делясь впечатлениями.

Заметив впереди себя ротмистра Алатаева, он произнес, поглаживая свою рыжую с проседью бороду:

«Мне будет очень жалко расстаться с Алатаевым! Это лучший офицер не только бригады, но и всего округа! Ведь он ранен довольно серьезно, но не хочет даже ложиться в больницу! Этот чудак отказался даже от получения заслуженной боевой награды, когда я хотел его представить, на основании его донесения. Его рапорт о переводе в гвардию уже пошел в Петербург, и, вероятно, скоро последует Высочайший приказ. В этом деле, как и во многих других, замешана женщина! Я по горькому опыту знаю, что, если поперек пути у мужчины станет баба, — толку не жди! Есть еще одна меткая поговорка: когда чорт сам ничего сделать не может, — то посылает бабу! А вот она и сама! Легка на помине!»

Действительно, немного в стороне, под руку с мужем, шла Верочка Франк. На ней был элегантный светлый костюм, подчеркивавший ее южную экзотическую красоту.

Не обращая никакого внимания, она пристально смотрела вперед, где во главе своей сотни шел Алатаев, с черной перевязкой через плечо и согнутой правой рукой

Когда обряд погребения закончился и заамурцы разошлись по домам, Верочка с мужем отправилась в военное собрание, где составилась уже к тому времени партия в преферанс. Ротмистр Франк, чтобы отделаться от жены, уговорил ее отправиться в гости до обеда у командира роты, капитана Акимова.

Получив свободу, Верочка обошла всех своих приятельниц и, в конце концов, очутилась в саду железнодорожного собрания, на берегу веселой шумной Майхэ. Пользуясь совершенным одиночеством, она разделась, под прикрытием густых зарослей черемухи, и погрузилась с наслаждением в холодные струи горной речки. Вдруг до слуха ее долетел характерный мотив из «Цыганского Барона». Она знала, что свист этот принадлежит Вадиму. Наскоро одевшись, с каплями воды в волосах и на лице, она вышла на главную аллею, по которой приближался к ней Алатаев, по обыкновению со стеком в руке.

«Вот неожиданная встреча!» — проговорил он, целуя ее влажную, свежую от купанья, руку.

«Я предчувствовала, что ты сюда придешь!» — сказала Верочка, волнуясь и краснея. — «И ждала тебя! Ты скоро уезжаешь в Россию к жене, но, имей в виду, что я тоже уезжаю, но мешать тебе не собираюсь! Моя любовь тебе не нужна, и Бог с тобой! Но перед отъездом я

должна с тобой увидеться последний раз, для чего я приеду к тебе, несмотря на запрещение Аркадия!» — Произнеся это, молодая женщина обняла своего кумира и слилась с ним в одном долгом страстном поцелуе, в котором она стихийно изливала всю глубину, весь порыв своего молодого чувства, сдержанного условностями приличия и воспитания. Вадим не сопротивлялся и, обнимая ее голову здоровой рукой, отвечал на ее поцелуи.

В саду ещбетали дрозды и пеночки. Где-то ворковала горлинка.

Веселая говорунья Майхэ напевала свою вечную песню.

Молодые люди стояли на берегу Майхэ, взявшись за руки.

Взоры их были обращены на голубое небо, где реяли над ними щебеча ласточки и славили творца вселенной, Бога Вседержителя, Всеблагого, Всемилостивого и Всепрощающего.

«Вадим!» — говорила Верочка, пожимая руку своего друга. — «Мне страшно! Я предчувствую какую-то беду над нашими головами! Почему мы не ласточки, которые вольны, как ветер, и могут любить, кого хотят и когда хотят! Я им завидую и хотела бы быть на их месте! Посмотри на них, дорогой! Ведь они счастливее нас! Почему это люди сами себе причиняют горе и несчастье!?» — Сказав это, Верочка прижалась к Вадиму и, закрыв лицо руками, тихо плакала, и слезы орошали ее тонкие дрожащие пальцы.

«Я согласен с тобой, моя милая Верочка!» — отвечал ей Алатаев, отнимая от ее лица мокрые руки и целуя их. — «Ласточки примитивнее, проще и естественнее нас, а потому и счастливее! Кроме того, они никогда не задумываются над проблемой счастья, как мы с тобой, и живут так, как повелевают им вечные законы природы. Но и у них есть свои радости и горести, в особенности в период вывода птенцов, когда им приходится иногда жертвовать жизнью! У них тоже есть чувство долга, которое ученые биологи ошибочно называют инстинктом. У нас с тобой тоже есть долг, который настоятельно требует, отказаться от личного счастья! У меня есть птенцы, которые ждут от меня жертвенности . . .» «Да, я понимаю тебя!» — перебила его Верочка, отступая от него на шаг. — «Ты ради детей приносишь в жертву меня! Но я не протестую и готова пожертвовать собой, ради твоего счастья и благополучия! Но все таки, мне это тяжело, и сердце разрывается на части от одной мысли, что я тебя больше не увижу!» — Произнеся это, Верочка перестала плакать и, подойдя к Вадиму, взяла его под руку, сказав «Пойдем отсюда! Мне пора домой, к Акимовым на обед!»

Когда они шли по берегу Майхэ, над ними реяли ласточки, и громкий щебет их раздавался в тишине наступающего вечера. У дома Акимовых они расстались, причем, поднося свою руку к губам Вадима, Верочка произнесла, лукаво улыбаясь:

«Итак, до скорого свидания, господин Черный Капитан!»

Алатаев молча поцеловал ладонь ее руки и, звякнув савеловскими шпорами, отошел к берегу Майхэ, где его сотня купала лошадей. Быстро раздевшись, он принял живейшее участие в этом деле, вскочив на неоседланного «Чорта».

Возвратясь домой Верочка Франк, от тоски и безделья, все чаще и чаще уезжала в Харбин, где находила себе утешенье, посещая знакомых, подруг, концерты и вечера в гарнизонном собрании. Дома она скучала с нелюбимым мужем, занятым службой или картами, и, при первом удобном случае, старалась вознаградить себя городскими развлечениями.

Муж относился к этому равнодушно, сознавая, что это неизбежно при создавшихся условиях. Он прекрасно понимал положение и, смирившись с ним, старался только «сохранить свое лицо» и внешний вид своего семейного очага.

Узнав о том, что Алатаев подал рапорт о переводе в гвардию он както в разговоре с женой сказал ей:

«Ты слыхала, конечно, что Вадим подал рапорт о переводе в Россию! Ты тоже хочешь туда ехать! Но я теперь этого не допущу! Ты туда не поедешь! Сначала мы разведемся, а потом на все четыре стороны! Свое имя я не позволю пачкать! Я тебя не гоню! Забуду все прошлое и готов идти на примирение с тобой, если ты оставишь в покое Вадима и вернешься к нашему общему семейному очагу!»

«Нет, Аркадий, теперь это невозможно!» — отвечала Верочка, сверкнув своими выразительными черными глазами. — «Я тебя не люблю и мы вместе жить не можем! Вадим возвращается к своей семье и мне он больше не нужен, но я все равно уеду от тебя в Россию и ты меня здесь не удержишь никакими силами! Я уже написала об этом матери, которая меня ждет не дождется! Если ты будешь мне препятствовать, то будет хуже, так как я устрою тебе такой скандал, что ты сам попросишь меня поскорей уехать! Оберегая свое честное имя, ты сам втопчешь его в грязь. Ты меня знаешь хорошо, а потому не советую тебе меня удерживать!»

«Ах, вот как!»— возразил муж, еле сдерживая свое волнение и бегая из угла в угол по кабинету. — «Ты мне угрожаешь! Так знай же, что ты отсюда не уедешь, пока не состоится развод; если же ты убежишь, — я верну тебя с пути по этапу! Таков закон! Завтра же я поеду в Харбин, хлопотать о разводе! Ты меня также знаешь достаточно хорошо, а потому, не советую доводить меня до белого каления!» — Произнеся это, ротмистр Франк быстро вышел из кабинета, хлопнув дверью.

«Господи, как я ненавижу этого человека!» — проговорила Верочка, ломая руки и кусая свои красивые губы. — «Я теперь вижу, что он не только эгоистичен и зол, но еще упрям, как осел, и непроходимо глуп! Как я могла терпеть его около себя несколько лет!»

Чтобы унять расходившиеся нервы и подавить душевное волнение, вызванное беседой с мужем, Верочка отправилась в конюшню сотни и приказала конюху поседлать ей любимую кобылицу «Весту», подарок Вадима. Она была прекрасно выезжена самим Алатаевым и слушалась не только узды и шенкелей, но и слов, произносимых даже в полголоса.

Сев верхом по мужски на свою любимицу, Верочка направилась в поле, а затем в сопки, окружавшие станцию Маоэршань с севера.

Сначала дорога шла огородами, а затем углубилась в лес. Слева шумела по камням горная речка.

Вдали, в прогалинах дремучей тайги, виднелась конусообразная каменная вершина горы Маоэршань, подернутая обрывками облаков, гонимых юго-восточным муссоном по нежно-голубому небу.

Теплый, влажный воздух был напоен ароматом цветов и распускающихся почек. На фоне зеленевшей тайги белели в тени колокольчики ландышей, звездочки жасминов и пучки маньчжурской сирени. Слышались голоса птиц и стук дятлов. Где-то, в глубине зарослей квакали лягушки-древесницы, предсказывая дождь и непогоду.

Вскоре показалась лесная поляна и посреди нее монастырь, называ-

емый Маошань-мяо. У его порога сидел дряхлый старик-монах, похожий на высохшую египетскую мумию. Костлявыми руками, с длинными ногтями на пальцах, он перебирал четки, сделанные из косточек дикого абрикоса. Слезящиеся глаза его не имели никакого выражения и смотрели перед собой невидящим взором. Он был слеп и, услышав приближение всадника, повернул свою сухую ястребиную голову в сторону шагов лошади, тряся жидкой седой бородкой.

Подъехав к нему вплотную, Верочка спрыгнула с седла и произнесла приветствие на китайском языке. Монах на него ничего не ответил, но, покачав головой, сказал на ломаном русском языке:

«Ты русская женщина .Дай твою руку — я тебе погадаю». — Сказав это, он взял в свои руки протянутую руку Верочки и, прощупывая ее своими костистыми пальцами, продолжал: «Жизнь твоя будет беспокойна, но продолжительна. В детях найдешь свое счастье. Опасайся свидания на берегу реки!» — Произнеся это, таинственный монах встал и, опираясь на палку, удалился в кумирню, отказавшись от денег, предложенных Верочкой.

Постояв еще немного у кумирни, Верочка снова села на лошадь и, напуганная словами старца, а также приближавшейся грозой, поскакала на станцию. Из-за хребта быстро надвигалась черная туча. Вдалеке гремел гром. Вершина Маоэршаня Хмурилась и скрывалась за облаками. Верочка под влиянием мистического страха, неслась сломя голову домой. Ласточки летали низко и громко щебетали свои беззаботные песни.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Ввиду скорого перевода, Алатаев занялся приведением в порядок как своих личных, так и сотенных дел.

Как-то, сидя у себя в кабинете за разборкой всяких писем, бумаг и документов, он услышал знакомое покашливание за дверью Ерофеича и громко крикнул:

«Войди, старина, кстати ты мне нужен!»

Получив такой ответ, вахмистр вошел, пропустив вперед себя начальника станции, дородного, небольшого человечка. с умным бородатым лицом, старого «движенца», «съевшего собаку» в своем деле и в житейской опытности. В руке он держал какую-то бумагу и, войдя в кабинет командира сотни, поклонился и произнес:

«Простите, что я вас беспокою, Вадим Николаевич, и отрываю от дела, но телеграмма, только что полученная мною от начальника разъезда Бадаохецзы, касается больше вас, чем меня. Вот прочитайте сами!» — С этими словами он подал Алатаеву срочную депешу и сел на предложенный ему стул.

Взяв депешу, Алатаев громко прочитал следующее:

«Срочно. Начальнику станции Сяо-Суйфын. Копия Начальнику службы движения. Разъезд Бадаохэцзы осажден тиграми. Исполнять свои служебные обязанности не могу. Жду помощи. Начальник разъезда Петрашенко».

Окончив чтение этой экстраординарной служебной депеши, командир сотни рассмеялся и воскликнул:

Дорогой Станислав Казимирович! Я не сомневаюсь, что у бедного вашего коллеги припадок белой горячки! Он допился уже до тигров и может произойти катастрофа с движением! Немедленно отправляйтесь на разъезд дрезиной и узнайте в чем дело. Я дам вам солдат на всякий случай! А, впрочем, поеду и я с вами! Это чрезвычайно любопытно! Ерофеич! Назначь немедленно четырех надежных ребят к дрезине! Я сейчас иду туда сам. С нами поедет Станислав Казимирович!»

«Вадим Николаевич!» — возразил ему начальник станции, затягиваясь крепкой сигарой. — «Вы ошибаетесь, так как я хорошо знаю начальника разъезда! Это скромный хлопец, бардзо учтивый и деликатный, и в рот не берет ни вина, ни водки! Что случилось, я не знаю, но принять какие-то меры необходимо! Чем скорее, тем лучше, так как движение остановилось. Сейчас должен прибыть поезд с запада, но отправить его дальше к Пограничной нельзя! А вот кстати он уже подходит к станции Слышите свисток! Он уже у семафора! Я бегу на станцию!» — Сказав это, начальник станции заторопился и выбежал из дома Алатаева, отдуваясь и дымя сигарой.

«Ерофеич!» — проговорил командир сотни, после ухода пана Станислава. — «Я поеду на паровозе! Скажи об этом ребятам, которые поедут со мной».

Придя на станцию, где стоял только что прибывший товарный поезд, Алатаев объявил, что он немедленно же отправляется на разъезд Бадаохэцзы паровозом, но в машинисте не нуждается, так как сам станет у рычага. Машинист был очень доволен этим обстоятельством, зная, что в сотне его ждет радушный прием и угощение, о чем должен был позаботиться Ерофеич.

Минут через десять паровоз несся уже на всех парах к востоку, туда, где приютился между диких скал, в дремучей тайге, глухой незначительный разъезд.

Когда паровоз подошел к разъезду, на нем не видно было ни души человеческой, как будто он вымер. Только после свистков, поданых Алатаевым, показались люди и к паровозу, остановившемуся у здания разъезда, подошли все служащие, т. е. начальник разъезда, телеграфист, два стрелочника и сторож. Все они наперебой старались объяснить прибывшим, как рано утром из тайги вышла тигрица с полувзрослыми тигрятами и прогуливалась с ними на виду у всех, сначала по путям, а потом между строений разъезда, не то из любопытства, не то в поисках добычи. Собаки, почуяв приближение страшных хищников, попрятались по закутам и не шевелились, когда тигры осматривали разъезд, с целью чем нибудь поживиться. По словам телеграфиста, звери заглядывали даже в окна станции и он вынужден был залезть под стол, чтобы не привлечь на себя внимания тигров.

На вопрос Алатаева: «Как же вам не стыдно, господа, прятаться, как мышам в свои норки от кошки, если вы могли, если не стрелять в тигров, то, во всяком случае, отогнать их выстрелами или каким нибудь шумом?» — начальник разъезда, еще совсем молодой и застенчивый человек, краснея отвечал:

«Легко вам говорить, г. офицер, когда вы военный и к тому же охотник! А мы все здесь глубоко штатские люди и не умеем владеть оружием; к тому же на весь разъезд имеется только один дробовик у телеграфиста, да и тот неисправен и опасен только для хозяина. Вот жена у меня храбрая; когда она узнала о появлении тигров и, боясь за свою корову, которая находится в ветхом сарае сзади дома, выбежа-

ла на двор, чтобы покрепче запереть дверь сарая, — тигры в это время показались из-за угла станции и направились к нашему дому. Вы думаете, что она испугалась и спряталась в дом? Ничуть не бывало! Она схватила ведро и давай колотить в него поленом! Тигры остановились, послушали эту, неприятную для них музыку и повернули в другую сторону. В это время послышался шум вашего паровоза и пронзительные свистки его, тогда тигры ушли совсем и скрылись в ближайших зарослях. Я находился на станции вместе с телеграфистом и из окна видел тигров и свою жену, когда она одна вышла против них с ведром в руках! Она уссурийская казачка и не раз дома встречалась с тиграми и потому ничего нет удивительного в том, что она не испугалась их: это не храбрость даже, а привычка!» — сказав это, молодой человек замолчал и, застенчиво улыбаясь ушел на станцию давать срочные служебные депеши о восстановлении движения, прерванного столь необычайным образом.

Оставив на паровозе помощника машиниста и солдат, Алатаев, в сопровождении пана Станислава, отправился осматривать следы хищников, оставленные ими на влажном песке и в грязи, образовавшейся после недавно выпавшего ливня. Проходя мимо дома начальника разъезда, пан Станислав подтянулся и, подкручивая свои «гетманские» усы, поздоровался с хозяйкой дома, произнеся хриплым басом:

«Мое шанованье, дорогая пани Анеля! Мы уже слышали о вашем геройстве и о том, как вы прогнали тигров! Честь вам и слава! Мой друг, ротмистр Алатаев, узнав о вашем подвиге, считает за честь, быть вам представленным!» При этом пан Станислав галантно поклонился и скосил глаза на Алатаева, стоявшего рядом и пожимавшего плечами.

Ему не оставалось больше ничего, как поклониться, отдав честь по-военному.

Жена начальника разъезда, Анна Ивановна Петрашенко, в это время собиралась доить корову и, держа в руке подойницу, с подоткнутым подолом платья, стояла у сарая, отвечая на приветствие пана Станислава. Это была видная, крепкого сложения, женщина, с пышною шевелюрой каштановых волос, выбивавшихся из под красного шелкового платка, надетого на голову. Если бы не следы оспы на ее правильном румяном молодом лице, то ее можно было бы назвать красивой, но глаза ее с длинными ресницами искупали все недостатки: они весело смотрели на Божий мир и, казалось, излучали тепло и радость жизни на все окружающее.

Даже Алатаев, знаток женщин, был поражен этим взглядом и, желая завязать разговор, сказал:

«Многоуважаемая Анна Ивановна! Все мы восхищены вашей смелостью и бесстрашием! Вы показали мужчинам, как надо поступать в трудных обстоятельствах, рискуя своей жизнью! Вы героиня, достойная преклонения!»

«Вовсе я уж не такая храбрая, как вы думаете!» — возразила, густо покраснев, молодая женщина. — «У нас на Уссури тигры часто таскали телят, свиней и собак из сараев, но с ними там не церемонились, и бабы нередко прогоняли их криком и шумом, а иногда и убивали их из винтовок. Я помню, как моя мать заколола молодого тигра вилами, когда он, забравшись в сарай, душил нашу корову. Я тигров не боюсь нисколько и привыкла иметь с ними дело. Так что, ваш лестный отзыв о моем поступке не соответствует действительности! В нем нет ничего геройского! Так поступила бы каждая казачка с Уссури, и даже подро-

сток-девчонка! Но что же мы с вами здесь разговариваем на дворе! Пожалуйте к нам, милости просим! Муж сейчас придет со станции!» С этими словами она, поставила подойник около сарая и опустив подол юбки, настойчиво приглашала к себе в гости.

«Нет, дорогая пани Анеля!» возразил пан Станислав, пыхтя сигарой. — «Нам надо сейчас возвращаться домой: там стоит состав поезда и ждет отправления! Как нибудь в другой раз мы приедем к вам в гости и привезем с собой хорошие новые пластинки для вашего граммофона, а пока до скорого свиданья!»

«Ну, Бог с вами!» — отвечала она, снова берясь за ведро для удоя. — «Поезжайте домой и не забывайте своих ближайших соседей и друзей!»

Поцеловав небольшую, но широкую и сильную руку «пани» Анели, оба приезжие вышли на станцию, где стоял под парами паровоз, в ожидании отправления. Здесь же собрался и весь служебный персонал разъезда.

Когда Алатаев стал у рычага и солдаты разместились на площадке паровоза, пан Станислав, находясь на верхней ступеньке и держась за поручни, прощаясь со всеми, громко произнес:

«До свидания, детки! Не поминайте лихом! А тебе, пан Петрашенко, советую, впредь, если тигры пожалуют к тебе в гости, не давать срочную депешу по линии, а обратиться к жене, она сама распорядится и сделает все, что надо. Она у тебя молодец, геройская кобета, всем вам даст десять очков вперед и заткнет за пояс! Ну, дорогой пан Вадим, давайте свисток и двинем к своим берегам, а то как бы не вышло неприятностей с ревизором движения, милейшим Карлом Петровичем Пидриксон, он, хотя и чудный человек, но строгий и любит порядок, как немец!»

В это время раздался дружеский смех всех присутствующих, и, после оглушительного свистка, паровоз, ускоряя ход, двинулся на запад и вскоре, в клубах дыма и пара, скрылся за поворотом, нарушая дремотный покой тайги лязгом железа и грохотом своего стремительного бега.

«Вот видите, пан Вадим», — бубнил между тем Станислав, обращаясь к Алатаеву, стоявшему у рычага паровоза. — «Я же говорил вам, что Петращенко примерный агент и не пьет ничего! Это все наделали тигры, чтобы им сдохнуть пшеклентым! Только расстроили нашу пульку в винт! Мы только сели играть, а тут, пожалуйте, срочная депеша — тигры! Ну, и Маньчжурия! Слопают тебя тут звери, при исполнении служебных обязанностей!» Сказав это, пан Станислав плюнул и затянулся сигарой.

Алатаев ничего ему не ответил и, ворочая рычаг, продолжал насвистывать свой любимый мотив из «Веселой вдовы». —

Приближаясь к станции Сяо-Суйфын, Алатаев замедлил ход, и паровоз, тяжело пыхтя и как бы отдуваясь, медленно подходил к семафору.

Вглядываясь в даль полотна, куда убегали две суживавшиеся и блестевшие на солнце линии стальных рельс, он заметил какой-то темный силуэт, лежавший на шпалах. Сначала он принял его за рельсу, положенную поперек полотна, а затем, по мере приближения, убедился, что предмет живой и двигающийся.

Казаки, сидевшие на передней площадке паровоза, давно уже об-

ратили внимание на этот темный силуэт, но, когда паровоз приблизился к нему шагов на сто, они подняли крик: «Змея! Змея!»

В это время Алатаев, дав контр-пар, остановил паровоз и, соскочив на шпалы, побежал вперед к тому месту, где виднелся темный силуэт огромной змеи, переползавшей через рельсы.

За ним побежали и казаки ,на ходу снимая винтовки и щелкая затворами.

Это был старый маньчжурский полоз (Елапхе Шренкий), вылезший из ближайших зарослей на полотно дороги, с целью погреться в солнечных лучах и понежиться на горячем песке балласта. Заметив приближение людей, пресмыкающееся очнулось от своей сладкой дремы и зашевелилось, извивая свое упругое вальковатое тело и напрягая сильные продолговатые мышцы. Черная, как полированная бронза, с оранжевыми пятнами, чешуя змеи блестела на солнце и переливалась, как водяная зыбь, в движениях красивого животного.

Когда подошел к ней Алатаев, она подняла свою небольшую, с круглыми сверкающими глазами, голову и вопросительно посмотрела на человека, как бы спрашивая его: «Что тебе нужно от меня? Я тебя не трогаю! Иди своей дорогой!»

Залюбовавшись прекрасным животным, Алатаев стал у головы змеи и, когда она собиралась следовать дальше, нагнулся и, быстро схватил ее за шею и поперек туловища, поднял с земли. Но удержать в руках огромное пресмыкающееся было довольно трудно. Почувствовав себя лишенным свободы, полоз стал извиваться, стараясь вырваться из рук человека; стальные мускулы его колец, обхватили шею и руки Алатаева, сжимали их с невероятной силой. Лицо командира сотни покраснело и глаза налились кровью. Видя это, казаки, несмотря на свое брезгливое отвращение к «гадине», помогли своему командиру освободиться от «дружеских» ее объятий.

Но это сделать было не так легко: чем больше казаки старались ослабить кольца змеи, тем сильнее они сжимались, приобретая твердость и упругость стали.

Только после больших усилий всех казаков и отчаянного сопротивления змеи, она была лишена возможности двигаться и посажена в ящик с инструментами на паровозе и доставлена на станцию Сяо-Суйфын, где на другой же день для нея сооружена была клетка.

Это был прекрасный экземпляр полоза, длиной в два с половиной метра, при соответствующей толщине в тридцать сантиметров объема.

В первые дни неволи он был неукротим и дик и кусался, при попытке взять его на руки; но уже через неделю Алатаев мог брать его свободно, не опасаясь укусов. Пресмыкающееся вскоре привыкло к неволе и даже не делало попыток к бегству.

Казаки, относившиеся к «гаду» с предубеждением, в конце концов, беря пример с командира, стали также брать его в руки и носить к себе в казарму, где змея, чувствуя покровительство человека, находила себе приют и даже обильную пищу, в виде крыс, которых ловил в погребе каптенармус и давал полозу, выпуская грызуна из ловушки. В одно мгновение он хватал крысу за голову, душил ее в своих стальных объятиях и проглатывал. Уничтожив три-четыре крысы, он ложился где нибудь на солнцепеке и занимался пищеварением. В это время он не любил, чтобы его беспокоили, и больно кусался, если его трогали. Дав ему кличку «Цыган», казаки позволяли змее располагаться на своих койках, куда она заползала даже ночью, после охоты на крыс.

«Он у нас славный!» — говорили солдаты, гладя его плоскую голову. — «Настоящий казак, и службу исполняет как следует! Дисциплину знает и дело свое понимает! Он у нас заместо кота Васьки, который разжирел, обленился и на крыс не смотрит!»

Впоследствие Цыган поселился в сотенном цейхгаузе, откуда разогнал всех крыс, доставлявших массу хлопот и огорчений каптенармусу порчей обмундирования и продуктов. С собаками и другими животными он был в дружбе, но не допускал с собой никаких шуток и фамильярностей.

Тигрица, получив отпор от храброй пани Анели, увела своих детей подальше в горы и там, прислушиваясь к далеким свисткам паровоза, отраженным в недрах каменных твердынь, грозно ворчала, всматриваясь с высокого перевала в туманную даль, где виднелись крошечные здания разъезда, с блестевшими в лучах яркого солнца окнами.

С перевала открывался чудный вид на хребет Тайпинлин, подернутый фиолетовой дымкой горных далей.

Хищники не замечали красот девственной природы и не подозревали, какой большой переполох наделало их внезапное появление среди двуногих существ! Их мозг был наполнен другими мыслями, о насыщении голодного желудка, поэтому острый слух и такое же зрение работали у них в полном контакте друг с другом, и вскоре знакомые звуки похрюкиванья кабана обратили на себя их внимание.

Как по общей команде, они остановились и стали прислушиваться. Глухая тайга была безмолвна, как могила, только на окрайне темного кедровника, где разрослись непроходимые чащи дикого винограда и лиан, неистово стрекотали цикады и кузнечики и квакали лягушки. Житейский опыт подсказал тигрице, что там есть болото и оттуда доносилось едва слышное довольное ворчанье кабана.

Сделав знак своим детям, остаться на месте и залечь, она поползла в высокой траве, извиваясь, как змея, в густые заросли, где валялся в грязи и от блаженства тихо похрюкивал старый секач, отбившийся от стада. Он был беспечен, не подозревая о близости своего смертельного врага. Обойдя болото, тигрица вышла с его противоположной стороны и начала скрадывать задремавшего кабана, не производя ни малейшего шума.

Когда очнувшийся от сладкой дремы толстокожий силач почуял своим длинным носом присутствие страшного хищника, было уже поздно: одним прыжком он накрыл его лежащего и вонзил свои клыки-кинжалы в могучий загривок.

Кабан вскочил на ноги и, громко закричав, двинулся вперед, неся на себе десятипудового всадника, задние ноги которого бороздили грязь и влажную землю, вырывая с корнем кусты и молодые деревца.

Но скоро таежный богатырь ослабел и, еле передвигая ноги, начал хрипеть; кровавая пена выступила из разинутого рта его. Тигрята услышав звуки борьбы, бросились в заросли, на помощь матери, но помощь их была излишняя: кабан лежал уже на боку и со стоном испускал последний вздох. Таежная драма закончилась кровавым пиром. Через полтора часа от старого богатыря остались только челюсти с зубами и копыта, все остальное было съедено голодными хищниками. Накормив детей досыта и «заморив червячка», тигрица, довольно мурлыкая, увела их в ближайшие каменные россыпи на отдых.

НА БЕРЕГУ МУДАНЦЗЯНА.

Высочайший приказ о переводе ротмистра Алатаева в гвардию состоялся летом и был получен в Эхо, когда сотня находилась в лагерях во вторую очередь, только в августе месяце. Это известие никого особенно не обрадовало, в особенности самого командира сотни и его «ребят», которых страшила «пресловутая» и ненавистная «емнастика» и маршировка под барабан, чуждая для непривычного казачьего уха.

На счастье старых казаков, тем же приказом были уволены в запас все охранники, не пожелавшие остаться на службе в Заамурском Округе пограничной стражи. Таким образом, им уже не угрожали, ни «емнастика», ни шагистика под барабан.

«Дедушка Черномор», получив Высочайший приказ о переводе Алатаева в Лейб-Гвардии Кирасирский полк, призвал к себе в кабинет адъютанта, миниатюрного рыжеволосого штабс- капитана Жуковского, и показывая ему приказ, произнес:

«Я очень рад за Алатаева, но должен сказать, что Округ потерял в лице его прекрасного служаку и выдающегося офицера! Воображаю, как будут горевать женщины, для которых неотразимый Вадим был идеалом мужчины и рыцаря! Я предвижу по этому поводу много драм, мелодрам и комедий! А вы как думаете, милейший Константин Сергеевич?» — Сказав это, командир бригады лукаво посмотрел из под золотых очков на своего адъютанта и, поглаживая свою бороду, добавил:

«Как-то отнесется к этому Верочка?»

Бригадный адъютант, умудренный служебным и житейским опытом, отвечал не сразу, но, прищурив свои умные, с хитрецой, глаза, и пощипывая острую мефистофельскую бородку, проговорил вполголоса: «Да, в лице ротмистра Алатаева мы теряем блестящего офицера, заменить которого будет некем: но с другой стороны у нас будет спокойнее и меньше всяких романтических историй! Что же касается уважаемой Веры Сергеевны, то она вероятно уже заранее приняла свои меры и кажется хочет разводиться с мужем. Впрочем, это нас не касается! Ротмистр Франк также собирается переводиться в Россию!»...

«Я совершенно не понимаю ни того, ни другого!» — перебил своего собеседника Черномор. — «Зачем им переводиться из Маньчжурии? Разве здесь плохо живется, или служба тяжела? Блажь это, и все их доводы не стоят выеденного яица! Из-за женщины не стоит ломать свою жизнь: этого товара везде много, разница только в цене и в сорте. Скажу вам по опыту, что об мою голову еще и не такие горшки бились! Один мудрый старик говорил мне так: если хочешь сделать какое нибудь важное дело и не находишь правильного решения, — спроси совета жены и сделай как раз наоборот, — это и будет самое правильное решение! Я неоднократно применял этот способ в своей житейской практике и всегда удачно, и вот, как видете, дожил благополучно до старости, не жалуясь на судьбу! Алатаев — молодец, он понимает женщин и ведет с ними правильную линию, но уделяет им слишком много внимания, отчего может пострадать; а Франк, тот совсем уже дурак, и поделом ему, мне его нисколько не жалко!»...

Так беседовали между собой товарищи Алатаева в тишине служебного кабинета на станции Ханьдаохэцы, а на Эхо в офицерском собрании молодежь обсуждала вопрос устройства проводов любимому сослуживцу, Черному Капитану, Цыганскому Барону, Великолепному Вадиму, победителю женских сердец.

Сдав сотню вновь назначенному офицеру, Алатаев по целым дням пропадал на реке Муданцзяне, где ловил на удочку окуней, снабжая этой вкусной рыбой офицерское собрание в лагерях.

Однажды, в самый разгар клева окуней когда Вадим, сидя на камне, собирался подсечь крупную рыбу и, вытянув над водой руку с удочкой, приготовил сачек, для приема окуня, его глаза закрыла чья-то мягкая теплая рука и знакомый запах пармских фиалок поразил его обоняние.

Догадавшись, кто ослепил его, он не тронулся с места и, бросив в воду сачок, левой рукой обнял Верочку и, подняв ее, как перышко, усадил на камень, рядом с собой.

На ней была легкая матроска, какие носят девочки подростки, и соломенная шляпа с большими полями. Этот костюм очень шел к ее моложавому румяному лицу и маленьким, почти ребячéским ручкам и ножкам.

«Здравствуй, Вадим!» — щебетала в это время Верочка, целуя своего друга в губы. — «Я сказала, что приеду к тебе перед разлукой, вот и приехала! Муж меня не пускал, но я обманула его, сказав, что еду в Ханьдаохэцзы к Пальчевским. Узнав о твоем переводе, я решила повидаться с тобой перед твоим отъездом в Россию, во что бы то ни стало! Я вижу, мой милый, по твоему лицу, что ты недоволен, но это меня не смущает, хотя и огорчает. Я дала себе слово попрощаться с тобой кто знает, может быть перед вечной разлукой! Надоедать тебе я не буду и сегодня вечером уезжаю на Ханьдаохэцзы, к Пальчевским, которые приглашали меня в гости уже давно».

Сказав это, Верочка взяла Вадима за руку и, притянув к себе его голову, крепко поцеловала в глаза и лоб.

Освободившись из ее объятий и отложив в сторону удочку, Алатаев отвечал, не выпуская руки Верочки:

«Я очень благодарен тебе за все но своим приездом ты делаешь меня перед Аркадием подлецом и клятвопреступником! Я рад тебя видеть, но в то же время предчувствую беду; как бы наша встреча здесь, на берегу Муданцзяна, не была роковой! Я знаю Аркадия и боюсь за тебя: он не простит тебе твоего вероломства . . .»

«Вадим!» — прервала его Верочка, обнимая его в порыве страстного чувства. — «Неужели я приехала сюда для того, чтобы слушать твои наставления? Давай лучше проведем этот последний нонешний денечек, как следует! Бери меня под руку и пойдем гулять по берегу, здесь так хорошо, хочется уйти в природу и слиться с ней в одно гармоничное целое, как говорят писатели и поэты!» —

Произнеся эти слова, Верочка хлопнула рукой по плечу Вадима и, отбежав от него шагов на двадцать, крикнула, смеясь и показывая свои, сверкающие белизной, зубы «Догоняй!»

В тот же миг ее изящная фигурка мелькнула в кустах боярышника и исчезла в прибрежных зарослях.

Постояв немного и подумав, Алатаев двинулся за ней тихим шагом, оставив на камнях свои удочки и принадлежности рыбной ловли.

Солнце поднялось уже высоко в ярко-голубом небе, и береговые стрижи, описывая круги над рекой, громко щебетали, играя друг с другом в теплом, насыщенном влагой воздухе. Слышался плеск речных волн о крутые берега и шептались камыши в ближайшей заводи.

Распластав серповидные крылья над рекой, проносилась скопа, отражаясь в воде, как в зеркале, своим белым оперением. Вдруг она оста-

новилась, затрепыхав крыльями, и как камень упала в воду, выставив вперед свои цепкие лапы с острыми когтями, в которых уже билась крупная рыба. Схватив добычу, хищник еле удерживал ее крепкими когтями и, часто махая крыльями, понес ее в свое гнездо на старой вербе у речной излучины.

Над ярко-зелеными лугами левого низкого берега летали пестрые луни, сверкая бело-черными крыльями, и жалобный крик их нарушал тишину летнего дня. По железному мосту прошумел товарный поезд, громыхая на стыках рельс чугунными колесами. Вскоре послышался свисток паровоза со станции.

Прошло около часу времени с тех пор, как ушли молодые люди и тишина природы не нарушалась ни одним чуждым звуком; но вот со стороны парка раздались чьи-то неуклюжие шаги по камням и на берег вышел человек, в военной фуражке и защитном кителе с офицерскими погонами. Посмотрев пристально в даль берега, он двинулся к тем камням, где находились удочки Алатаева.

Это был ротмистр Франк, прибывший в лагери на полевые тактические занятия. Подойдя к камням, где лежали удочки и другие предметы рыбной ловли, и не найдя рыболова, он проговорил вполголоса: «Странно! Первый раз вижу, чтобы рыболов бросал свои удочки!». — В это время послышался далекий человеческий голос. Кто-то пел звучным баритоном известный цыганский романс «Очи черные». Могучие звуки прекрасного голоса неслись вдаль, замирая в глубоких ущельях прибрежных утесов.

Послушав немного, Аркадий произнес, садясь на камень, где лежали удочки: «Это голос Вадима! Я узнаю его среди тысячи других! Счастливый! Я ему завидую! Перевелся в гвардию и любимец женщин! Богат и беспечен! Красив, как Аполлон Бельведерский, и силен, как лев! Неужели он здесь один и поет романсы для себя!? Этого не может быть! С ним какая нибудь красотка! Вот прекрасный случай подглядеть за ним и узнать дуру, которую он обхаживает! По возвращении домой расскажу Вере, пусть разочаруется в своем кумире!» — С этими словами Аркадий Франк отошел в сторону и спрятался в кусты черемухи, нависшие густыми зарослями над береговыми камнями.

Голос, нарушавший тишину природы, дремавшей под горячими лучами полуденного солнца, то прерывая, то звучал громко, вызывая далекое горное эхо. Вскоре он прекратился совсем, и Аркадий, услышав голоса приближавшихся людей, притаился, как хищник в засаде, готовый броситься на добычу.

Были слышны два голоса, мужской и женский. Аркадий сгорал от нетерпения, узнать неизвестную любовницу своего бывшего друга, и заранее торжествовал победу; но они все не показывались, хотя голоса их доносились уже из ближайших зарослей.

Но вот, наконец, они вышли из-за берегового утеса и направились к камням, где лежали удочки.

Они шли обнявшись и Верочка, в избытке чувств, положила свою красивую изящную головку на плечо Алатаева.

Увидев эту картину, которой залюбовался бы художник, Аркадий едва не вскрикнул от неожиданности, но во время сдержался, прошептав про себя дрожащими губами:

«Да ведь это же Вера! Или может быть галлюцинация! Нет, они целуются самым настоящим образом! Какая же, черт возьми, галлю-

цинация!» — Произнося эти слова, он совершенно машинально, не отдавая себе отчета, опустил руку в карман и вытащил оттуда небольшой браунинг. Затем, держа его перед собой, он тихо, почти без шума, вылез из своей засады и, как автомат, направился к камню, где сидели обнявшись молодые люди.

Лицо Аркадия было страшно своей мертвенной бледностью и грозным выражением выпученных беловато-серых глаз. Нижняя челюсть у него отвисла и правая рука, державшая пистолет, дрожала, как в лихорадке.

Верочка увидела его первая и, вскочив, бросилась в сторону, с криком «Аркадий!! Убьет!!»

В это время ротмистр Франк уже поднял руку и направил дуло пистолета на Верочку. Хотя рука его дрожала, но он все же успел нажать пальцем на спуск.

Алатаев не растерялся и, видя смертельную опасность для Верочки, бросился на Аркадия, с целью его обезоружить, но было уже поздно: раздался выстрел и Вадим, пораженный пулей в сердце, упал, как подрезанный серпом колос, к ногам Франка. Верочка, отбежав в кусты, обернулась назад, в ожидании выстрела, но в это время Алатаев защитил ее своим телом и был убит. «Что ты сделал, негодяй!» — крикнула вне себя Верочка, подбежав к мужу и изо всей силы ударив его кулаком полицу. — «Ты убил Вадима, теперь убей и меня! Ты подлый, низкий человек и к тому же трус, способный на убийство из-за угла!»

«Ну что же!» — продолжала наступать Верочка, махая кулаками перед носом Аркадия. — «Стреляй в безоружную женщину, которая тебя презирает и ненавидит всеми силами своей души! Что же ты медлишь! Не теряй времени, иначе я буду кричать о твоем злодеянии!»

Ротмистр Франк стоял, как безумный, над телом бывшего друга и, не обращая никакого внимания на Верочку, всматривался в бледное помертвевшее и в то же время прекрасное лицо Вадима.

В безумных глазах Аркадия блеснули искорки сознания; он взглянул на жену, упавшую на колени над телом Вадима; на реку, катившую свои волны, на крутой каменистый берег; на рубашку своего бывшего друга, с пятном алой крови на груди, и тогда понял весь ужас своего преступления.

Швырнув на землю браунинг, он тихо опустился на колени и, взяв в руки голову убитого, проговорил, целуя его в белый, как мрамор, лоб:

«Вадим! Можешь ли ты простить меня, великого грешника!? Я не хотел твоей смерти и намеревался только избавить тебя от проклятой черной женщины, которая принесла нам обоим много горя и бед. Не я виноват, что ты, в порыве рыцарского благородства, подвернулся под пулю! Прости меня, ради Бога, и прощай! Может быть мы с тобой скоро опять встретимся, не как враги, а как друзья и братья!»

Произнеся эти слова, Аркадий встал и, не взглянув на жену, склонившуюся над телом Вадима, тихо побрел через парк в военный поселок, где и доложил об убийстве им ротмистра Алатаева.

Начальник лагерного сбора, полковник Колзаков приказал арестовать убийцу в особой комнате при офицерском собрании, с приставлением к нему часового. О происшествии была послана срочная телеграмма командиру бригады, Черномору, и в Харбин, Начальнику Округа.

Весть об убийстве Алатаева быстро распространилась по лагерю

и всему поселку. К берегу Муданьцзяна бросились все, желая лично убедиться в правдивости слухов.

Около тела Алатаева собралась огромная толпа солдат и местных жителей. Слышались рассуждения и разговоры в большинстве случаев угрожающего характера. Алатаев пользовался у всех большой популярностью, уважением и даже любовью многие были обязаны ему материальной помощью и нравственной поддержкой, а потому убийству этому придавали преступный личный характер. Нет сомнения, что ротмистр Франк был бы убит, если бы не подвергнулся аресту! Угрозы по его адресу слышались повсюду среди жителей Эхо, не только русских, но и китайцев. Казаки сотни перенесли тело своего командира к себе в казарму и взяли на себя заботы по погребению.

Когда его переносили с берега в поселок, в тысячной толпе слышались плач и рыдания; даже седоусые казаки ревели, как дети, не будучи в состоянии удержать невольные слезы.

Верочка так была потрясена смертью Вадима, что ее пришлось увезти в Харбин, в сопровождении фельдшера, так как врач опасался за ее рассудок. Там она была помещена в Центральную ж. д. больницу для нервных. По временам у нее появлялись припадки буйного помешательства и, бросаясь на людей, она кричала:

«Это вы убили моего Вадима! Отдайте мне моего Вадима!» Иногда приходилось надевать на нее смирительную рубашку, так как опасались, что она наложит на себя руки.

Сознание своей вины в смерти Алатаева усугубляло ее психическое расстройство и уменьшало шансы на ее полное выздоровление. Ротмистр Франк на следующий день был под конвоем офицера отправлен в Харбин на гауптвахту и передан в распоряжение прокурора.

Известие о смерти Черного Капитана быстро распространилось по линии КВжд и по всей восточной Маньчжурии. Китайцы не хотели этому верить, так как считали его неуязвимым для пуль, а потому многие приходили на Эхо из далеких мест, чтобы убедиться в достоверности слухов.

Смерть Цыганского Барона произвела огромное впечатление на офицеров и солдат Заамурского Округа. Большинство выражало сожаление и винило во всем «взбалмошную» и «легкомысленную бабенку», Верочку Франк, разбившую жизнь своего мужа и погубившую Алатаева. Но были голоса и против Цыганского Барона, в особенности среди старых неудачливых мужей, имевших бойких «ветренных» жен; они обыкновенно говорили, подняв кверху указательный палец и «делая серьезно-умное лицо»: «Поделом ему! Не волочись и не ухаживай за чужими женами! Повадился кувшин по воду ходить — там ему и голову сложить!» А один из них выразился даже так: «Собаке собачья смерть!» — но эти слова не только не встретили сочувствия, но вызвали горячий протест у молодежи, который едва не привел к крупному недоразумению и вмешательству суда общества офицеров. Но осуждающих голосов было очень мало и они терялись в общей массе положительных отзывов о нравственном облике Черного Капитана.

Особенно жалели его казаки и солдаты; они высказывали свое мнение искренно и открыто, называя ротмистра Франка «убийцей» и «преступником».

Ерофеич был так огорчен смертью своего командира, что совсем потерял голову и с отчаяния так напился, что его пришлось связать и выдержать всю ночь в карцере, иначе он хватался за шашку и угрожал

всякому подвернувшемуся снести голову. Виновник всех этих треволнений и суеты мирской, Черный Капитан, был совершенно равнодушен ко всему и спокойно лежал в сосновом гробу, обитом золотым глазетом, усыпанный таежными и полевыми цветами, которые так нравились ему при жизни. Прекрасное лицо его, с гордым орлиным профилем, резко выделялось среди темной хвои кедров и, казалось, на нем играла улыбка, которая покоряла женщин и притягивала к нему молодежь и зрелых мужей.

Вокруг него толпился народ, слышались вздохи и рыдания, а в открытые окна казармы влетали и вылетали ласточки, едва не задевая его крыльями. Их веселое щебетанье как будто достигало до слуха Черного Капитана и, казалось, что он откроет свои большие, с длинными ресницами, глаза и встанет со своего мертвого ложа!

Старые казаки поочередно читали над ним Псалтырь, и голубоватые волны ладана плыли в раскрытые окна, распространяя терпкий аромат фимиама, соединявшийся с запахом полыни, табака, резеды и гелиотропов, нарезанных в цветнике лагерного собрания. Цыганский Барон спал мертвым сном в своем тесном доме, и все земные дела были ему чужды.

На погребении Черного Капитана было много народа, как из самого Эхо, так и со всей линии КВжд. На отпевание приехал из Пограничной о. Василий, его духовный отец, земляк и приятель.

Казачий хор пел ему погребальные молитвы и духовой оркестр исполнял печальный Реквием, марш Шопена и гимн «Коль славен», звуки которого неслись в вышину голубого неба и замирали в далеких падях и ущельях Кентей-Алина. Перед опусканием гроба в могилу троекратный залп из винтовок нарушил тишину тайги и прокатился эхом в ее таинственных недрах. Владыка горных лесов, Великий Ван, отдыхавший в своем логовище, в каменных твердынях диких хребтов, услыша отголоски этих звуков, пошевелил ушами и поднял свою массивную лобастую голову, Желто-зеленые круглые глаза его полуоткрылись. Всматриваясь в даль, царь тайги думал свою звериную думу, и чуткое ухо его ловило малейший звук, исходивший из зеленых дебрей бескрайнего Шухая. Звуки эти больше не повторялись, и царственный зверь успокоился, положив голову на вытянутые лапы, и снова заснул чутким, тревожным сном.

В это время о. Василий говорил свое прочувствованное надгробное слово, в котором, восхваляя доблести и душевные качества своего духовного сына, молил Господа Бога простить ему прегрешения, вольные и невольные, и желал душе его успокоения в селениях праведных, где нет ни печали, ни воздыханий.

Плакали все, даже прослезился суровый о. Василий, смахивая со своих черных усов и седой бороды крупные слезы.

Прощаясь с Черным Капитаном, народ становился на колени, а старые казаки, по обычаю, кланялись до земли своему любимому командиру. За гробом Алатаева вели его боевого коня, красавца «Чорта», который, как бы чувствуя свою потерю, спокойно шел в поводу, опустив голову. Товарищи офицеры несли впереди боевые ордена убитого, а на крышке гроба виднелась его заамурская, с зеленой тульей, фуражка и кривая шашка Шамиля в серебряной оправе.

По принятому обычаю, каждый старался бросить горсть земли в могилу, и скоро на ней вырос большой холм, на вершине которого сотня

водрузила полуторасаженный крест из стальных рельс, с медной доской, на которой рукой искусного гравера было вырезано:

«Здесь покоится прах ротмистра Вадима Николаевича Алатаева, командира N сотни Заамурского Округа пограничной стражи, убитого в 19 .. году ... августа. Мир душе его!»

Могила Черного Капитана утопала в полевых и садовых цветах, а на кресте едва помещались многочисленные венки от сослуживцев, от сотни, жителей станций Сяо-Суйфын и Эхо и даже от китайцев, принесших огромный плакат белого шелка с черными и золотыми иероглифами, изображавшими «хорошие пожелания» душе почившего в стране теней.

Много было также венков от неизвестных поклонниц и почитательниц Цыганского Барона и букетов цветущих алых и чайных роз. Отсюда, с могилки, открывался чудный вид на горы и леса Шухая и широкую долину Муданьцзяна, с извилистой лентой серебристой реки, среди ярко-зеленых лугов и возделанных полей хуторян.

В туманной дали горизонта, где заходит солнце, синеют лесистые отроги Лао-Лина и темные кедровники обрамляют их скалистые хребты и вершины. Далеко виден высокий крест на могиле Черного Капитана. На него часто садятся степные орлы и отдыхают здесь, после удачной охоты на фазанов и куропаток.

Из ближайшей тайги сюда нередко выходят козы; пасутся среди крестов и деревьев заброшенного кладбища.

Однажны зимнею ночью сюда случайно забрел владыка тайги, могучий тигр. Постояв у входа на погост, он направился к могилке Черного Капитана и, подойдя к кресту, улегся у его подножья, опустив на вытянутые передние лапы свою прекрасную царственную голову. Но он не спал. Глаза его были открыты и кончик хвоста шевелился. Услышав поблизости человеческие голоса, Великий Ван медленно поднялся и, не торопясь, двинулся дальше через парк к Муданьцзяну. Постояв на том месте, где был убит Черный Капитан, он перешел по льду через реку и направился к горам, синевшим вдалеке своими кедровниками. Утром его большие круглые следы нашли в парке на снегу. Местные маньчжуры были уверены, что душа Черного Капитана переселилась в тело Великого Вана, который ежегодно приходит на Эхо и посещает места своих прежних скитаний на берегу Муданьцзяна.

Раннею весной, когда зацветут в сопках ландыши, он по ночам приближается к станции Сяо-Суйфын и подает свой голос троекратным рыканьем. Он звучит, как отдаленный гром; маньчжуры, живущие в ближайших хуторах, говорят, что это сам Черный Капитан в образе Великого Вана обходит свои владения.

Ежегодно весной, как только появляются первые цветы, могилка Алатаева украшается свежими подснежниками, анемонами, ландышами, сиренью и жасминами. Кто приносит сюда цветы — никто не знает.

Когда цветет черемуха, наполняя воздух пряным ароматом горького миндаля, в густых ее ветвях поселяется пара неразлучных камышевок и приступает к постройке гнезда. В то время, когда самочка сидит на яйцах, самец услаждает ее слух пением. Его нежная мелодичная песня звучит как свирель, по утренним и вечерним зорям нарушая тишину старого кладбища. Молодые маньчжурки из ближайшего поселка приходят сюду слушать эти песни. Они убеждены в том, что это душа бедной молодой китаянки Ин-Тао тоскует на могиле своего возлюбленного, Черного Капитана.

Много всяких легенд и сказаний живут до сих пор о Черном Капитане и его одинокой могиле, и народ верит слухсм, что душа его переселилась в тигра и бродит по горам и лесам Шухая, творя суд и расправу над злыми людьми и защищая от них людей добрых.

ЭПИЛОГ

Узнав о смерти Алатаева, я невольно вспомнил наше последнее свидание и его очаровательные песни, под аккомпанимент гитары, в дивную весеннюю ночь, когда ликующая природа праздновала свое возрождение и своим благоухающим дыханием славила Творца Вселенной. Тогда Вадим был в ударе и его бархатный баритон, будя горное эхо, уносился вдаль и замирал в недрах дремучей тайги.

Он пел тогда вдохновенно и пророчески о своей близкой смерти на берегу реки Муданьцзяна, перефразируя стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон». Уже тогда его бессмертный дух бесплотными очами видел свое бренное тело в долине Муданьцзяна, помимо его воли и сознания. Тогда я не понял и не придал никакого значения его словам, но узнав о случившемся был поражен и не мог найти логического объяснения факта. Для этого надо было заглянуть в мир таинственного и сокровенного.

После суда ротмистр Франк, разжалованный в рядовые за убийство ротмистра Алатаева, был отправлен на фронт во время первой мировой войны, и умер тогда же от туберкулеза.

Жена его, Верочка, вскоре оправилась от болезни и уехала в Россию к родителям. Вскоре она родила сына, здорового мальчика, который воспитывался у ее родителей, доставляя им много житейских радостей. Верочка уехала на фронт сестрой милосердия и в одном сражении Заамурцев с австрийцами была ранена. Возвратившись к родителям, она отдалась всецело воспитанию сына Георгия, который рос не по дням, а по часам, и, по окончании гражданской войны в России, в 1921 году, выглядел юношей, несмотря на то, что был еще ребенком.

Совершенно случайно, перед отъездом на Кавказ, я встретился с Верочкой Франк в Киеве.

Она была так же изящна и обворожительна, но роскошные волосы были подернуты сединой и в углах рта появились глубокие складки горя и душевных переживаний. Увидев меня, она обрадовалась, и мы долго беседовали, вспоминая далекую Маньчжурию, ее тайгу и Харбин, а также и бедного, безвременно убитого Вадима, погибшего в расцвете сил, на заре жизни. Говоря об этом, Верочка не могла удержаться от слез и, прикладывая к глазам платок со знакомым запахом фиалок, проговорила: «Знаете, я до сих пор не могу забыть Вадима. Ведь это был необыкновенный человек во всех отношениях. Я не могу простить себе своего легкомыслия. Я виновница его смерти. Если бы не сын, я ушла бы в монастырь, так как без Вадима для меня жизнь потеряла всякий смысл. Таких людей как Вадим больше нет и, вероятно, не будет!» — сказав это, Верочка разрыдалась, закрыв лицо руками.

Мне стало неловко перед ней, так как я первый начал вспоминать прошлое, затронув ее сердце. Чтобы как-нибудь сгладидь это впечатление, я, стараясь переменить тему разговора, произнес: «Вера Сергеевна! Зачем вспоминать прошлое? Сделанного не исправишь! Лучше поговорим о чем-нибудь другом, более веселом и современном!»

В это время к Верочке подошел мальчик лет десяти, высокий, стройный, одетый в малороссийский костюм. Я сразу же узнал в нем ее сына. Он поразительно был похож на Верочку. То же красивое лицо и улыбка, только большие восточные глаза с длинными ресницами, черные курчавые волосы и манеры напоминали моего убитого друга Вадима.

«Мамочка, ты опять плакала! — произнес мальчик, отнимая от ее мокрого лица руки и целуя их несколько раз. — Вероятно опять вспомнила дядю Вадима и расстроилась!»

«Это мой сын и моя гордость! — проговорила Верочка, целуя мальчика в румяную щеку. — Зовут его Георгий, или Юрий, как хотите. На кого он похож, по вашему?» Сказав это, она улыбнулась и посмотрела на меня вопросительно.

Немного подумав, я ответил: «он вылитый ваш портрет, Вера Сергеевна, хотя некоторые черты не ваши. . .»

«Это мне говорят все, — перебила она меня, обнимая своего сына, — но мне кажется, что на меня он похож мало. Я бы очень хотела, чтобы он был похож на отца!» Произнеся эти слова, Верочка опустила глаза и лукаво улыбнулась углами губ.

«Значит, вы желаете, чтобы он был похож на Аркадия?»

На это она мне ничего не ответила, и только по выражению ее глаз я понял, что именно она хотела мне сказать.

Мы стояли на Софиевской площади, у памятника Богдану Хмельницкому. Мимо проходили части Белой Добровольческой Армии. Их с энтузиазмом и патриотическим подъемом встречали киевляне, забрасывая цветами воинов, принесших избавление и свободу от красных банд. Над толпами ликующих реяли трехцветные национальные российские флаги, гудели церковные колокола и полковые трубы исполняли Русский Императорский Гимн «Боже, Царя храни!». Эти звуки неслись в вышину, в голубое небо, где с радостным щебетанием носились стаи ласточек и мелькали белыми крестиками тучи голубей.

Смотря на народное торжество и на своего сына, увлеченного патриотическим чувством, Верочка проговорила: «Как жаль, что нет с нами нашего чудного Вадима! Я уверена, что он сыграл бы выдающуюся роль в Белом движении и оказал бы большую услугу родине в борьбе с коммунистами У него были все данные для совершения великих подвигов. — Затем, немного подумав, она продолжала: — сегодня как раз годовщина его кончины. Пойдемте в собор, закажем панихиду и помолимся о его душе». Сказав это, она взяла за руку своего сына и, кивнув мне головой, направилась к Софиевскому Собору, около которого было много народа.

Протолкавшись через толпу, мы прошли в один из приделов старинного величественного храма и заказали парастас по убиенном воине Вадиме. Старичек священник тихим проникновенным голосом молился об упокоении души почившего и под темными сводами древнего храма торжественно звучали слова печальных песнопений.

Верочка молилась, не вставая с колен ,и белая косынка ее часто склонялась до чугунных плит пола, оставаясь в таком положении про-

должительное время. Юрий, стоявший рядом, смотря на мать, также усердно молился и клал земные поклоны, стараясь подражать матери во всем.

По окончании панихиды мы вышли из собора. После полумрака храма, солнце ослепило нас ярким светом.

«Юрий — обратилась Верочка к сыну, положив руку на его плечо. — Я тебе уже не раз говорила о дяде Вадиме и ты знаешь, какую роль он играл в моей жизни. Он был моим другом, для тебя он является таким же другом и самым близким человеком после меня. Я бы хотела, чтобы ты, мой мальчик, хотя немного был похож на дядю Вадима! — Поцеловав своего сына в лоб, она продолжала: — Вот когда ты вырастешь большой, мы с тобой поедем в Маньчжурию и помолимся на могилке дяди Вадима. Посадим на ней его любимые цветы, жасмин и фиалки, и обнесем ее железной оградой». «Мамочка! — отвечал ей Юрий, сверкая большими черными глазами — Я очень люблю дядю Вадима и хочу быть таким же храбрым, благородным и честным, как он! Поедем скорее в Маньчжурию! Я желаю видеть те места, где он жил, охотился и сражался с хунхузами!» В это время огромная толпа народа, хлынувшая вслед за войсками, с криками «Да здравствует Россия! Ура! Белая армия!» оттерла меня от Верочки и ее сына. Я потерял их из вида и больше с ними не встречался. Поехали они в Маньчжурию или нет — не знаю. Через несколько лет, возвратившись в Маньчжурию и будучи на станции Эхо КВжд, я побывал на могиле Черного Капитана. Высокий крест из гнутых рельс также был виден издалека, среди разросшихся кустов жасмина и сирени. Густая корона старой черемухи обрамляла его своими темно-зелеными ветвями и осыпала, как снегом, мелкими лепестками белых цветов.

В теплом весеннем воздухе звенела меланхоличная песенка камышевки. В вышине ярко-голубого неба реяли веселые щебетуньи ласточки, гоняясь за своим лютым врагом, хитрым кобчиком, ждавшим случая броситься на зазевавшуюся шалунью.

Могила была кем-то аккуратно прибрана и около креста виднелся свежий букет ландышей и полевых фиалок, перевязанный голубой ленточкой. Чья-то заботливая, вероятно женская рука хозяйничала постоянно; кто-то часто сидел на камне возле могилы, что заметно было по следам, оставленным на траве и на протоптанной дорожке.

Недалеко от насыпи был вкопан дубовый столб, вышиной около аршина, и на нем виднелась надпись тушью китайскими иероглифами: «Прохожий, остановись и зажги свечу молитвы! Здесь лежит тело Черного Капитана, душа которого переселилась в Великого Вана, властелина гор и лесов».

Здесь-же под столбом, в небольшой кумирне, стояла фарфоровая чашечка с пеплом, куда ставятся зажженные молитвенные свечи.

Сидя на камне, я прислушивался к пению камышевки и хлопотливому жужжанию пчел в темных ветвях старой черемухи.

Сочинения Н. А. БАЙКОВА были изданы и в настоящее время все распродано и в продаже нет.

В ГОРАХ И ЛЕСАХ МАНЬЧЖУРИИ
МАНЬЧЖУРСКИЙ ТИГР
ИЗЮБРЬ
МЕДВЕДИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
КОРЕНЬ ЖИЗНИ
ОХОТА В МАНЬЧЖУРИИ
В ДЕБРЯХ МАНЬЧЖУРИИ
ТАЙГА ШУМИТ
ШУХАЙ
ЗАПИСКИ МАНЬЧЖУРСКОГО ОХОТНИКА
СКАЗОЧНАЯ БЫЛЬ
ПО БЕЛУ СВЕТУ
ТАЕЖНЫЕ ПУТИ
У КОСТРА
НАШИ ДРУЗЬЯ
ТИГРИЦА
ЧЕРНЫЙ КАПИТАН (В продаже 2-е издание)
ВЕЛИКИЙ ВАН

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3476
.B253
C48
1959